

Алексей Федотов

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМ III.**

**КОЖАНЫЕ РИЗЫ
СВИН В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ
ХРОНИКИ ЗВЕРЛАНДИИ
БЕЛЫЙ КОТ**

*Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного Фонда
Святителя Николая Чудотворца
в год литературы в России*

Иваново 2015

ББК 84.5

Ф34

Федотов А. А.

Ф34 Собрание сочинений: в 4 т./ А.А. Федотов. – Иваново: Издательство МИК, 2015.

ISBN 978-5-89222-155-9

Том III. Кожаные ризы. Свин в тигровой шкуре. Хроники Зверландии. Белый Кот. – 2015. – 450 с.

ISBN 978-5-89222-158-0

В третий том собрания сочинений А.А. Федотова вошли роман «Кожаные ризы»(2014), новелла «Свин в тигровой шкуре»(2014), повести-сказки «Черный карликовый тигр»(2011-2012), «Орден Крылатого Льва»(2012) и «Последний Кот Зверландии»(2012), входящие в серию «Хроники Зверландии», а также сказка «Белый Кот»(2014).

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-89222-158-0 (т. 3)

ISBN 978-5-89222-155-9

© Федотов А.А., 2015

© Журавлев В.С.,
иллюстрации, 2015

© Шазамов Р.Ф.,
иллюстрации, 2015

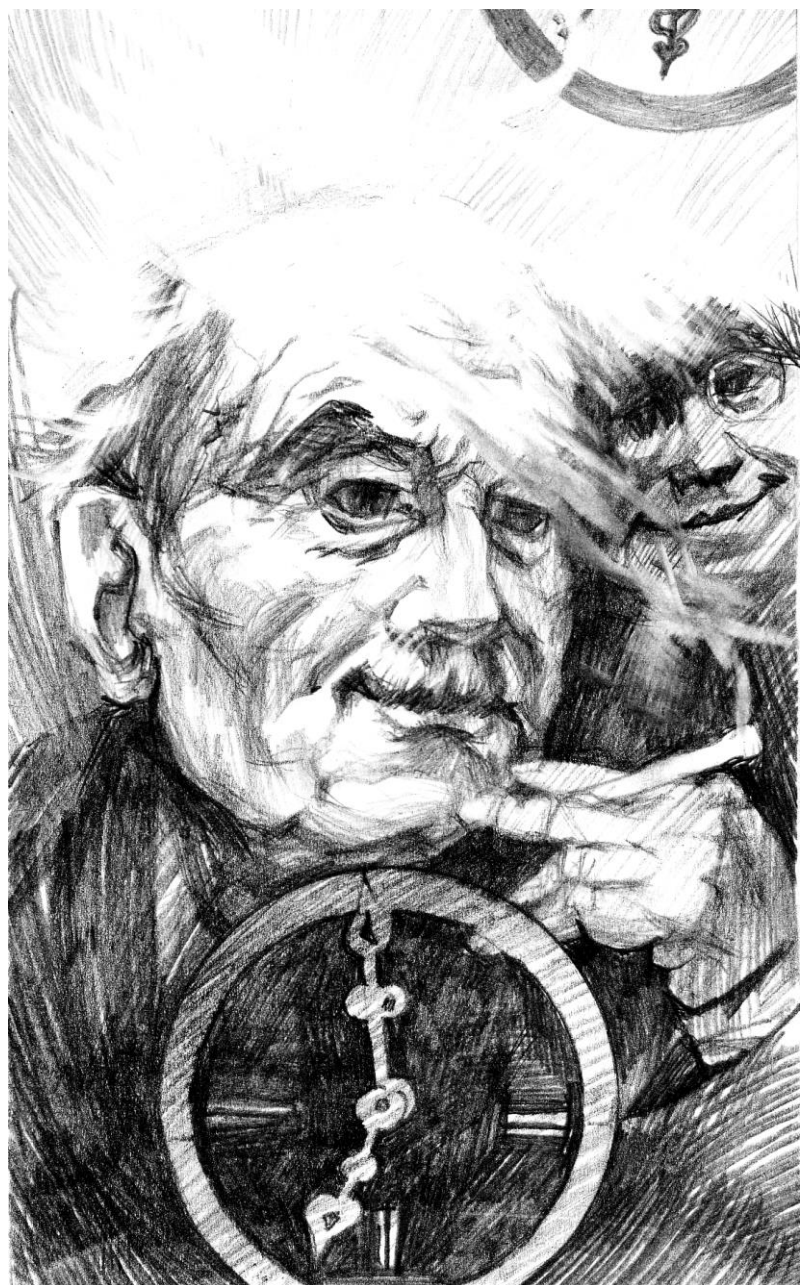
КОЖАНЫЕ РИЗЫ

Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу: уже не я делаю то, но живущий во мне грех.

Рим. 7; 19-20

В аскетической литературе проводится различие между телом и плотью. Тело человека - это храм души, это важнейшая часть его двусоставного существа. А плоть - это "кожаные ризы", данные Адаму и Еве вследствие грехопадения. Это состояние, о котором писал апостол Павел, что "доброго, которого хочу не делаю, а злое, которое не хочу - делаю". И далее пишет, что "делаю это не я, а живущий во мне грех". Неумение проводить различие между телом и плотью привело представителей многих религиозных течений к тому, что и само тело было названо ими греховным, "темницей души". А между тем во Христе Бог соединился со всей природой человека - и с телом и с душой, освятив тем самым весь материальный мир

Иеромонах Михаил (Чепель)

ЧАСТЬ I. ВО ТЬМЕ И ТЕНИ СМЕРТНОЙ

Заведующий кафедрой теологии

В небольшой комнатке было туманно от табачного дыма. Запрет на курение в учебных заведениях был строг; однако отучить Карла Владимировича курить было нереально, и руководство вуза приняло решение обозначить его кабинет, как одно из мест, разрешенных для курения. Учитывая то, как относились к этому старичку в городе, проблем с согласованием этого надзорными органами не возникло. Занимаемая Карлом Владимировичем Бартом должность была не из тех, обладатель которой может на что-то влиять, но почему-то все с ним считались. Он работал заведующим кафедрой теологии.

Сын обрусевшей немки из Поволжья и плюгавого лысого сантехника Вовки Светина, повзрослев, Карл взял фамилию матери. Имя, придуманное отцом в насмешку – с намеком на маленький рост, который сын унаследовал от него, – в сочетании с неожиданно ставшим вполне полезным отчеством, стало весьма благозвучно для преподавателя кафедры научного атеизма. Даже сочетание имени и отчества, не подходящее с исторической точки зрения, было именно тем, что нужно с точки зрения субординационной. Правда, буржуйская фамилия немного напрягала, но с другой стороны в этом тоже был какой-то шарм, тем более, как позднее узнал Карл, она неплохо сочеталась с его именем.

В девяностые научный атеизм стал неактуален, и Карл Владимирович переквалифицировался в религиоведы. Пригодилась и его ученая степень по философии, которая за мутные девяностые из кандидатской стала докторской. Он на самом деле много знал, в отличие от большинства других преподавателей научного атеизма: бывал в египетских пирамидах, читал «Книгу мертвых», посещал языческие храмы, буддийские монастыри, мусульманские мечети в восточных странах, хорошо знал «Коран» и «Ригведу», разбирался в новых религиозных культах. Разумеется, объехать три десятка стран с научными экспедициями у профессора получилось не в советское время. В годы перестройки появились разные международные фонды, ратовавшие за мир без границ; интересы одного из них совпали с научным любопытством тогда еще доцента кафедры научного атеизма, решившего срочно переквалифицироваться в религиоведы.

Карла Владимировича со временем стали приглашать с лекциями во многие американские и европейские университеты. Кроме всего прочего, он считался крупным специалистом и по христианству. Поэтому ему предложили возглавить кафедру теологии, которую решили открыть в государственном университете областного центра. Профессор очень не хотел этого назначения, но странным образом его уговаривали и ректор университета, и местный епископ, и его зарубежные коллеги, и, что удивительнее всего, даже губернатор. Пришлось согласиться, хотя сердце профессора к этому не лежало: за годы изучения разных религиозных традиций он пришел к выводу, что теология — это нечто серьезное, чем нельзя заниматься просто так.

Поэтому он решил вести себя так, чтобы его поскорее с этой должности сняли. Однако почему-то все очень снисходительно отнеслись к тому, что Карл Владимирович выпивает и курит в своем рабочем кабинете, и говорит всем все, что ему в голову взбредет. «Ну что же, у гениев свои причуды», - говорили в областном правительстве. «Искушение, ибо значимо место сие!» - многозначительно поднимали глаза вверх в епархии. «Пусть развлечется на старости лет!» - снисходительно улыбался ректор, ровесник заведующего кафедрой.

Так и пришлось Карлу Владимировичу втягиваться в работу, а вот к куреву и выпивке он пристрастился... Его любили в университете и в городе. Каждый день часа два ему приходилось посвящать неофициальному приему тех, кто хотел с ним поговорить. Некоторые шли с чем-то важным, некоторые просто спешили рассказать какую-то глупость. Последние утомляли больше первых. Вот и теперь заведующий кафедрой задумчиво курил и слушал как молодой доцент, который частенько к нему заходил, рассказывает быстро превратившуюся в своего рода анекдот историю о работе государственной аттестационной комиссии в небольшом юридическом институте в самом большом в области райцентре.

Юридическая техника

В Мухославском юридическом институте был переполох: в рамках проверок, инициированных Министерством образования и науки, на государственный экзамен по теории государства и права должен был приехать представитель Рособнадзора. Как поговари-

вали, с «тайным предписанием» накопать оснований для закрытия вуза.

Ректорат был в панике, а вот заведующий кафедрой, ответственный за экзамен, вполне спокоен:

– Вот увидите, Иван Петрович все это разрешит, – уверенно сказал он, имея в виду председателя государственной аттестационной комиссии, сорокалетнего адвоката с ученой степенью доктора юридических наук, частенько приезжавшего в Мухославск для участия в разных комиссиях и аттестациях.

И вот день «X» наступил. В просторном кабинете за покрытым скатертью столом сидели четверо членов ГАК и какой-то незнакомый мужичонка с противной мордой (как охарактеризовали его про себя студенты). Ректор, волнуясь и заикаясь, представил председателя и членов государственной аттестационной комиссии, а про мужичонку подобострастно сказал, что это представитель Рособнадзора, поэтому к экзамену нужно отнестись особенно внимательно. После этого руководитель института вышел не в силах смотреть на то, что будет дальше.

Всего было десять студентов. Они разобрали билеты, начали готовиться. Через сорок минут первая из них – девочка с белокурыми волосами и наивными голубыми глазами – сидела перед комиссией.

Иван Петрович Николаев внимательно рассмотрел билет.

– Ну что же, «цивилизационный подход» – у вас первый вопрос. Что вы можете сказать?

Девушка, как оказалось, готовилась, поэтому начала рассказывать:

– По «цивилизационному подходу» образование государства связано с развитием земледелия. Нужно было обрабатывать землю, это вызвало потребность в

образовании государства. Стали обрабатывать землю, в силу этого появилась письменность. Было стадо, из него выделился вожак. И стало развиваться государство...

– Блестящая ирония! – прервал ее Николаев, заметив недоуменный взгляд чиновника, порывавшегося что-то спросить. – Ведь именно так или почти так вульгаризированно пытаются примитивизировать все достижения Тойнби, Шпенглера и Данилевского в рамках упрощенных программ высшего юридического образования для бакалавров!

– Да, но... – начал было чиновник.

– Вот именно! – какая смелость мышления, какой нестандартный подход! Вы хотели бы, чтобы вас защищала такая прекрасная девушка-адвокат? – заставил его растеряться председатель ГАК.

– Но... – начал было тот, и был тут же прерван Иваном Петровичем:

– Хотя, конечно же, нет, что я говорю! Это вам хотелось бы ее защищать! Разве вы не мужчина?

– Да, но...

– Неужели ваша бюрократическая работа выдавила в вас мужское начало? Ну, полно же вам! Кстати, – Иван Петрович доверительно приобнял проверяющего, – она как-то рассказала мне во время дискуссии после открытой лекции в университете нашего областного центра, где я заведую кафедрой теории государства и права, потрясающую историю об известном дореволюционном адвокате...

– Она ездила на открытую лекцию в областной центр? – усомнился чиновник.

– Что же в этом удивительного? Не только она, все студенты МЮИ туда ездят; если им дают выбор съездить в областной центр на концерт какой-то приезжей знаменитости или на открытую лекцию по праву, все

они без малейших колебаний говорят: «Ну, конечно же, мы хотим прослушать лекцию по праву! Зачем нам тратить наше драгоценное время молодости на что-то кроме учебы!» Поэтому я так и люблю бывать в этом поистине храме науки! – Николаев стер платком с глаз набежавшую слезу и спросил, обращаясь к студентам: – Разве я хоть каплю преувеличил?

Те дружно проскандировали: «Нет».

– Так что же за случай вы привели тогда в дискуссии, что он так впечатлил председателя ГАК? – спросил-таки зловердный чиновник у блондинки.

– О, это про того священника, которого судили присяжные. И адвокат вместо слова защиты задал им всего-лишь один вопрос: «Этот человек столько лет отпускал вам ваши грехи. Неужели вы не отпустите ему один лишь его грех?» И все – полное оправдание. О, а вы это не у меня спросили? Извините. Лена, вы не обиделись, что я вместо вас рассказал эту историю?

– Нет, – выдавила из себя блондинка.

– Ну, раз не обиделась дама, то вам как мужчине и вовсе обижаться не след! – резюмировал председатель ГАК и, обращаясь к студентке, сказал: – Следующий вопрос!

... Чиновник сидел все более грустный: каждая его попытка что-то сказать натыкалась на неисчерпаемый поток красноречия Ивана Петровича. И на все-то у него находилось, что сказать. Когда студент заявил, что согласно Конституции Российской Федерации вся власть в ней принадлежит не многонациональному народу, а Президенту, то Николаев воскликнул:

– Потрясающе! Какая глубина юридической мысли наступающей эпохи! И правда, как может аморфный народ, не будучи персонифицирован, обладать какой-либо властью? А Президент, как Глава государства, как

гарант Конституции, гарант законности в государстве, находящийся вне ветвей власти и в каком-то смысле над ними; разве не является он персонифицированным олицетворением народа, не является тем, что для каждого настоящего россиянина заключено в слове Родина? – Николаев утер слезу и подозрительно посмотрел на чиновника: – Или вы так не считаете?

Тот растерялся и пробормотал что-то невразумительное.

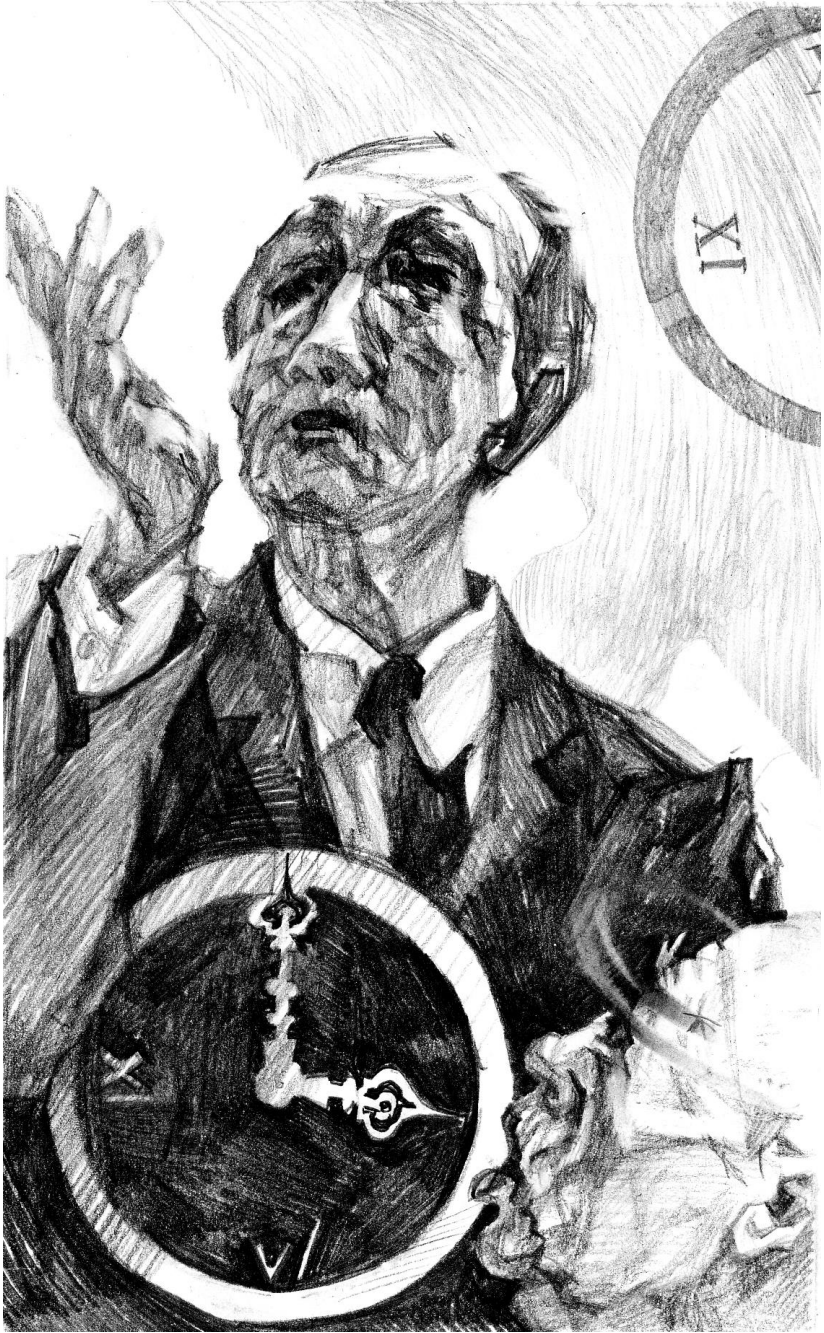
– Юноша, – обратился председатель ГАК к студенту, – вам просто необходимо поступить в аспирантуру! Российское право ждет ваших свершений!

Услышав, что третейские суды существуют при торговых палатках, чиновник ехидно поинтересовался: видел ли студент подобные органы при торговых ларьках?

– Да, смелый молодой человек со свойственной юности непосредственностью обличил ужасную изнанку нашей действительности, когда мафия является вполне действенным институтом гражданского общества, – прервал его Николаев. – Не правда ли, только молодость может рождать такие дивные образы и ассоциации, которые закрыты для тех, кто погряз в тенетах бюрократии?

Проверяющий растерялся и опять пролепетал что-то непонятное. Он опять было оживился, услышав, что признаком недемократического режима является ваххабизм, а примером недемократического режима является Англия, потому что в ней монархическая форма правления, но профессор-адвокат опять не дал ему ничего сказать:

– Bravo! Сразу видно, что вы любите смотреть передачи, которые сняли Дмитрий Константинович Киселев и другие мужественные журналисты-патриоты.

Они, ничего не боясь, обличают англосаксонский мир, поддерживавший террористов. И, конечно, о какой демократии здесь может идти речь?

Но чиновник все же дождался своего звездного часа. Один студент, отвечая на вопрос, что такое юридическая техника, начал объяснять, что это, например, в райотделах милиции есть машины, ксероксы, компьютеры – собственно говоря, юридическая техника...

– Ну и что вы на это скажете? – с ликующим видом посмотрел проверяющий на председателя ГАК.

– А как бы вы ответили на этот вопрос? Вот все студенты, все члены ГАК на вас смотрят – научите нас, каким должен быть ответ! – как ни в чем не бывало произнес Иван Петрович.

И чиновник вдруг с ужасом понял, что он не только не знает определения, но и примерно-то не может ответить, что же такое юридическая техника. Поэтому он с деланной улыбкой произнес:

– Да уж, теперь смогу всем рассказать, что это такое. После такого яркого определения сухое стандартное уже как будто и лишнее!

И он больше ничего не говорил в это день, подписал все акты с нужными для института формулировками и, отказавшись от приглашения в ресторан, уехал в Москву.

– Как вам это удалось? – изумленно спросил потом ректор председателя ГАК.

– Все дело в юридической технике, – улыбаясь, ответил тот.

... Карл Владимирович устало улыбнулся, с облегчением поняв, что казавшейся бесконечной истории пришел конец.

- Спасибо, Илья Семенович, приходите еще, всегда интересно вас послушать! - с улыбкой пожал он руку рассказчику, который порывался что-то сказать, но заведующий кафедрой, по-прежнему улыбаясь, обнял его за плечи и проводил до двери.

Не успел он ее закрыть, как услышал противный картавый голос:

- Кал Вгадимигович, не закгывайте двей!

По коридору в сторону его кабинета с сияющей улыбкой шла тетенька с выкрашенными в белый цвет волосами, от одного вида которой многим в университете становилось плохо.

Дочка Гитлера

Адель Адольфовна Пикова работала в высшей школе всю жизнь. Сколько лет ей было сейчас точно никто не знал, даже ректор; точнее ему это было как-то пополам. В отделе кадров и бухгалтерии знали, конечно, но никому ни за что не сказали бы. Сама Адель Адольфовна о своем возрасте в дело и не в дело загадочно говорила: «я девушка за тридцать...» Ходили слухи, что так она говорит уже лет сорок как минимум.

Ее знали везде: и в министерстве образования и науки и в областном правительстве, и везде она была своей; во всяком случае, ей удалось это внушить руководству университета. Она запросто заходила в любой кабинет, у которого толпились простые смертные, и с обезоруживающей улыбкой и распростертыми объятиями шла к его ошарашенному обитателю со словами: «Васенька (Ниночка, Петенька, Леночка), радость моя, как я счастлива тебя видеть!» Те как-то неловко

улыбались и обычно делали то, что просила их эта странная женщина.

Как поговаривали злые языки, на самом деле Адель Адольфовна большинство этих людей видела в первый раз в жизни. Основанием для этого стало то, что одна из сотрудниц университета якобы слышала, как один из чиновников спокойно сказал: «Ты, тетка, меня с кем-то перепутала!» На что Пикова сокрушенно вздохнула и сказала: «Надо же, как мне хотелось его увидеть! Вы так на него похожи!» Она театрально закатила глаза, но чиновник так же спокойно сказал ей: «Похож, да не тот. Так что вали отсюда!»

Выйдя из кабинета, Адель Адольфовна сразу стала злобной и отыгралась на сопровождавшей ее работнице вуза: «Если кому скажешь, быдлячка, что здесь было — мало не покажется!» Та, конечно, всем все рассказала, кто-то ей верил, а кто-то нет. Но защита кандидатской диссертации любительницы поболтать отложилась сначала на год, а затем и вовсе на неопределенный период.

Карл Владимирович Пикову терпеть не мог и звал ее даже и в глаза иногда «дочкой Гитлера» (как бы в шутку, потому что «Адольфовна»), а она в отместку звала его «Кал Владимирович» (как будто букву «р» не выговаривала, хотя прекрасно выговаривала, когда ей это нужно было).

В ее голове всегда кипели сотни мыслей о том, как подзаработать за счет вуза; Барта это не вдохновляло, но ему пришлось почти полчаса выслушивать очередные идеи этой не занимающей никакого официального положения, но от этого не менее влиятельной в университете женщины до того, как она, наконец, ушла.

... Карл Владимирович устало вытер пот со лба: посетители его утомили. Он выпил еще рюмку коньяку, открыл стол и вытащил оттуда большую исписанную мелким почерком тетрадь, которую вчера принес ему незнакомый мужчина. «Может, стоит выбросить, не читая?» - лениво подумал заведующий кафедрой, раскуривая очередную сигарету. Ему вспомнилось, как тот человек произнес: «Это записки моего умершего брата. Мне сказали, что они могут быть вам интересны. Я начал читать, но мне показалось, что это какая-то чушь. У него вообще были странности: он, бывало, сидит, а потом на час или больше выпадает, и как будто в каталепсии. Какие-то видения у него были. Мне он говорил по секрету как-то, что бывал в иных мирах...» Карл Владимирович в этот момент еще посмеялся: «Еще сказал бы, что как апостол Павел был восхищен до третьего неба». «Я понимаю, что все это странно звучит, - согласился посетитель, - если вы увидите, что это ерунда — можете выбросить».

«Ну, так выбросить?» - лениво подумал профессор, выпивая очередную рюмку. Но он все же открыл тетрадь, пробежал глазами по первым строчкам, и неожиданно чтение его увлекло...

Павел

Павел неуверенно переминался с ноги на ногу и оглядывался по сторонам. «Зачем я сюда пришел? - подумалось ему. - Тридцать лет мужику, а на тебе: поперся в ночной клуб». Что-то заставило его сегодня все бросить и пойти в это заведение, пользующееся в городе недоброй славой, а вот что... Не тот ли сон, вот

уже месяц снившийся ему каждую ночь: прекрасная девушка с белыми волосами и глазами, становящимися при разном свете то карими, то серыми, величественная как царица, в длинном зеленом плаще, манила его, чтобы показать ему волшебную страну...

Откуда-то у Павла была уверенность, что сегодня он ее встретит именно здесь. «Откуда такая глупость в моей голове? - думал он, все более убеждаясь, что кроме пропитых и обкуренных подростков в клубе никого нет в этот час. - Вот что значит год без женщины...» Он развелся чуть больше года назад; его бывшая жена сумела так ему опротиветь, что мужчине казалось, что от чего от чего, а от баб он прививку точно получил навсегда. А тут этот сон... И та, которая снилась, — совсем не такая, как все, кого он видел. А видеть ему пришлось много: Павел был поэт и музыкант, но, как водится, денег это не приносило, поэтому ему приходилось еще зарабатывать на жизнь экспедитором. В последнем качестве он каждый день встречал десятки разных людей.

Мужчину очень угнетало расхождение между его мечтами и реальностью: ему казалось, что его стихи и песни намного лучше тех, которые стали хитами, принеся их создателям славу и бешеные деньги.

Ленка ведь тоже тогда заметила это; она ухватилась за молодого гения, но десять лет брака принесли ей одни разочарования: никто не видел того, что видели они с Павлом, поэтому она подумала, что и сама в нем ошиблась: видимо, влюбилась, поэтому и показалось то, чего на самом деле нет. Ни тебе известности, ни славы, а вместо блистательной жизни самое что ни на есть бедное существование... Хорошо хоть детей не

было (Лена постаралась, чтобы Паша считал, что он тому виной, а не спираль, про которую ему было неизвестно). Начались скандалы, выяснения отношений; наконец, Елене подвернулся вдруг богатый мужчина, которому она чем-то приглянулась, и она ушла к нему от мужа, бросив на прощание презрительное: «Неудачник! Ты теперь вообще никому не нужен!»

Павел думал, что больше никогда и не посмотрит на женщину, хотя вокруг него вились и молодые девчонки и более зрелые особы: он мало зарабатывал и жил на съёмной квартире, но все же был внешне привлекателен, умел хорошо говорить.

И вдруг этот сон... «Надо уходить», - подумал мужчина, и тут его кто-то окликнул:

- Ты куда собрался? Разве я не велела тебе ждать меня здесь?

Павел оглянулся и вздрогнул: перед ним была девушка из его снов. Только одета она была в зеленую кожаную куртку и зеленые джинсы, а белые волосы были забраны в узел сзади. Присмотревшись пристальней, он вздрогнул еще раз: ее глаза, только что карие, вдруг стали серыми...

- Ты чего испугался, это я линзы вынула, - засмеялась девушка. - Ну что, Павел, давай знакомиться: я Миримэ!

- Миримэ... Что это за имя? - от неожиданности сказал мужчина.

- Не, ну вот хамло, - беззлобно засмеялась блондинка. - Папа с мамой так называли, почему я знаю, что за имя? Говорят, что означает «свободная».

- А откуда ты меня знаешь?

- Откуда? Да ты замучил меня своими снами: целый месяц зовешь на встречу. Пришлось согласиться, раз уж такой настойчивый...

- Зову? Прости, я не понимаю...

- А что не понимать? Каждый день мне в снах говоришь, что жить без меня не можешь, просишься в мой мир, а тут на тебе: стоит и мнетса как пентюх. Короче: ты смотрел фильм «Матрица»?

- Смотрел, - растерянно сказал Павел. - А при чем тут это?

- Там Морфиус дал Нео две таблетки: если принять одну, то проснешься у себя в постели и подумаешь, что это был сон, другую — сделать прыжок в неизвестность. Вот две таблетки: примешь эту — и пойдешь со мной в мой мир. Но обратно можешь не вернуться!

- Заманчиво, - усмехнулся Павел. - А другую?

- А что другую? Это просто тик-так. Освежишь дыхание, я тебя поцелую в виде бонуса и пойдешь в свою никчемную жизнь с воспоминанием как отказался от единственного стоящего, что в ней в принципе могло быть!

- А мы увидимся потом?

- Если выберешь тик-так? Да ты видно совсем с дуба рухнул! Да даже коза с таким лохом не стала бы второй раз встречаться!

Павел вдруг подумал, что эта девушка — его шанс на что-то большее, наверное, единственный. Он взял таблетку и проглотил ее.

Миримэ довольно засмеялась:

- Я знала, что ты не сможешь от меня отказаться!

- А что я принял? - поинтересовался мужчина.

- Ничего особенного. Это лизергиновая кислота, ее еще ЛСД называют.

В волшебном лесу

Вдруг они оказались в лесу. Миримэ была одета точно так же, как в его снах, да и одежда самого Павла изменилась: на нем был черный камзол, сапоги вместо ботинок.

- Что случилось? - спросил он.

- Вариант А: лизергиновая кислота подействовала. Вариант Б: ты поверил мне и попал в мой мир. Какой тебе больше нравится, тот и выбирай.

- Ты меня с ума сведешь! - засмеялся он.

- Уже свела, - спокойно ответила девушка. - Ну, так какой вариант тебе ближе? Я даю тебе еще один выбор, пока последний раз, чтобы заслужить третий, ты должен будешь очень постараться. Либо ты принял ЛСД, тогда через какое-то время ты придешь в себя, ужаснешься тому, что связался с психической дурой, и забудешь про все это через некоторое время. Либо — ты мне веришь и хочешь пройти со мной этот путь до конца. Но дороги назад не будет!

- Ты смешная, - засмеялся Павел.

- Вот видишь, тебя прет как с травки, - невозмутимо сказала Миримэ. - Посмотри туда.

Мужчина посмотрел и увидел, как за хрустальной дверью находится тот же самый клуб, в котором они только что были. Он посмотрел вокруг — их окружал мрачный лес. Правда, гоблины, которые здесь, судя по всему, жили, вряд ли сильно отличались в худшую

сторону от многих из посетителей ночного клуба... И главное: здесь была та, о которой он мечтал...

Миримэ с интересом следила за ним, как будто читала мысли:

- А чего во мне хорошего? Оторва с травлеными волосами, глаза одного цвета, линзы другого, в каком-то нефартовом зеленом прикиде. Чем я тебя зацепила?- Тем, что ты – это ты! - вдруг сказал Павел.

Девушка внезапно стала серьезной:

- А вот это ты зря так! Такими словами не бросаются! А вдруг я поверю?

- Я остаюсь здесь, - твердо ответил мужчина.

Тотчас хрустальная дверь пропала, и их обступила тьма лесной чащи.

- Теперь пути назад нет, - тихо сказала Мэримэ. Ее голос из грубого и развязного внезапно стал нежным и мелодичным. - Что же, мой рыцарь, идем в мой мир, ты покажешь мне чего стоишь!

Они шли уже около часа куда-то, куда не было дороги: деревья расступались перед ними, открывая проход, и затем вновь смыкались за их спиной.

- Где мы? - спросил, наконец, Павел.

- В моем мире.

- А поконкретнее?

- Ты слышал про параллельные миры?

- Слышал.

- Так вот мы в одном из них.

- А как это может быть?

- А как может быть, что ты есть? - засмеялась Миримэ, которая становилась все прекраснее. - Ты знаком с философией людей, хоть немного?

- Людей? А ты разве не человек? - широко раскрыл глаза мужчина.

- Об этом потом, прояви терпение, - улыбнулась девушка. - Ну, так знаком или нет?

- Почти нет.

- Плохо! Так вот, еще в семнадцатом веке Джон Локк писал, что из образов (идей), возникающих у вас при восприятии вами окружающего мира, некоторые

сходны с внешними источниками, порождающими в нас эти восприятия (например, протяженность, фигура, движение), а другие могут принципиально отличаться от тех внешних источников, не имея с ними ничего общего (например, запах, вкус, цвет и т.п.). Эту мысль до степени предельной идеализации довел английский философ восемнадцатого века Джордж Беркли, епископ, между прочим. Он утверждал, что только дух существует на самом деле, весь же материальный мир является одним обманом наших чувств; произвольность этого обмана коренится в первоначальных представлениях, возбуждённых душой всех душ – самим Богом. В этом же веке находящийся под влиянием идей Локка и Беркли, шотландский философ Дэвид Юм поставил перед собой задачу – ответить на вопрос: каков же источник наших ощущений? При этом он приходит к выводу, что мы закованы в черту нашего восприятия и никогда не узнаем, что за ней. Значит, вопрос о том, каков источник ощущения – принципиально неразрешимый вопрос. Все может быть, но мы никогда не сможем это проверить. Никаких доказательств существования мира не существует. Нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

- Все это так путано... - покачал головой Павел. - Так к чему ты клонишь?

- К тому, что я реальнее всего, что было до этого в твоей жизни, если ты, конечно, вообще хоть что-то можешь понять... Туповатый мне достался кавалер!

Миримэ засмеялась и ласково поцеловала мужчину в щеку:

- Я никогда не забуду того, что ты сказал, про то, что «ты – это ты»! А в отношении проблем с интеллек-

том — что же, может за время нашего общения ты и поумнеешь... Ведь ты призван...

- Для чего?

- Записать историю нашего мира для людей.

- А разве у вас некому ее записать?

- Дело в том, что нашего мира уже нет. Это мир смертных существ, более совершенных, чем люди, но не имеющих в отличие от них бессмертия души, которая могла бы воссоединиться с воскрешенным телом.

- А где же мы, если этого мира нет?

- Это сложно сказать, я пробовала тебе это объяснить самыми простыми словами, которые только могут быть, но ты не понял. Он существует в воспоминаниях, в мечтах, у кого-то в кошмарах...

- Погоди, а кто же ты, если не человек?

- Фея, - нежно улыбнулась Миримэ. - Слышал про таких? Обещаю не выбрасывать тебя потом где-нибудь на улице с оторванной рукой или ногой.

Проректор по инновациям

... Чтение Карла Владимировича было самым неприятным образом прервано стуком в дверь. Он недовольно поднял глаза. В дверном проеме, не дожидаясь ответа, появился тот, кого профессору меньше всего хотелось бы увидеть — проректор университета по инновациям, инвестициям и эффективности Акакий Павсикахиевич Заподлянский.

Проректор был плюгавый мужичонка лет тридцати пяти, с большими залысинами, мутными глазами, которые прятались под дорогущими модными очками. Пикова звала его уменьшительно-ласкательно «Кака»,

все же остальные считали, что фамилия наиболее полно отражает всю сущность этого ответственного работника. Все его идеи несли каждый раз большие проблемы для большей или меньшей категории сотрудников университета. Но они позволяли вузу держаться на плаву в море рейтингов и проверок эффективности.

Впрочем, надо сказать, что показатели все эти были мутными. Например, Заподлянский создал в университете институт изучения развития гражданского общества. Через эту структуру проходили криминальные деньги, которые уже «очищенными» возвращались их обладателям в виде миллионных гонораров за прочитанные ими лекции. Благодаря ловкости проректора и состоявшего с ним в команде главного бухгалтера, от этих денег не только университет ничего не получал, но и государство не видело никаких налоговых отчислений. Конечно, многих заслуженных профессоров возмущало, что им платят по двести пятьдесят рублей за час, а Бене Фиксу по миллиону. На это Акакий Павсикахиевич легко находил, что сказать: «Вы разве можете сравнивать его эффективность и вашу! Кому не нравится работать — могут проваливать, мы никого не держим!» Сам-то он, да и главбух, как эффективные работники, получали зарплаты на два порядка выше, чем профессора.

- Чем обязан вашему визиту, господин Заподлянский? - хмуро поинтересовался Карл Владимирович.

- Видите ли, господин Барт, - доверительно наклонился к нему проректор, присаживаясь на стул и без спроса раскуривая сигарету и отпивая прямо из горлышка бутылки приличный глоток коньяка, - меня тут заинтересовала одна вещь...

- Где опохмелиться? - машинально спросил заведующий кафедрой, с грустью поглядывая на заметно

уменьшившееся содержимое бутылки, которой теперь до конца рабочего дня явно было мало.

- Нет, конечно, - засмеялся, было, его гость, но прочитав все в глазах хозяина кабинета, поспешно заявил: - Я вам сейчас целую принесу!

Через пять минут он вернулся с бутылкой, правда не «Хеннеси» за тысячу рублей, а самогонки за шестьдесят, но на худой конец можно было и ее пить. Показывая, что то, что он принес, намного лучше, Заподлянский, спросив уже разрешения, выпил половину даже этой самогонки (чувствовалось, что ему и ее жалко: ведь ее стоимость составляла примерно пять десятых процента от его дневного заработка), и перешел, наконец, к делу:

- Видите ли, мне нужна ваша консультация как религиоведа.

- Да ну? - недоверчиво посмотрел на него профессор.

- Именно так! - подтвердил проректор. - Дело в том, что люди, которых я не могу заподозрить в неэффективности или некомпетентности, сказали мне о возможности на много порядков повысить уровень нашего вуза. Но они говорят странные вещи...

- Например?

- О персонифицированных проявлениях высшего разума, с которыми можно вступить в контакт, и если им поклониться, то можно очень многое получить...

- Ну, продажа души дьяволу всегда существовала, - небрежно сказал Карл Владимирович, поспешно залпом допивая коньяк, пока незваный гость не сделал это за него.

- Фи, как это ненаучно! А у вас есть научные объяснения этого феномена?

- У меня нет. Но у ваших новых знакомых, похоже, есть.

- Да, они говорят прямо теми же словами, как в официальных документах Минобрнауки... - успокоенно сказал Заподлянский.

- Ну, если так...

- А вот тот ... эээ... феномен, который вы назвали; он сопровождался признаками эффективности?

- Бывало, - кивнул головой Барт.

- И эти признаки имели вполне обозримый материальный характер?

- Ну да. Был случай, когда предлагались все царства мира...

- Все так! - взволнованно воскликнул проректор и выбежал из кабинета.

- Куда вы? - насмешливо крикнул вслед ему профессор. - Я же не договорил. Эти силы никогда не платят рубль за того, кто не стоит и копейки!

Но Заподлянский его уже не слышал. Он бежал навстречу новому инвестиционному проекту...

Карл Владимирович грустно усмехнулся и вернулся к чтению.

Великий Пан

Миримэ вела Павла все дальше вглубь лесной чащи. Им стали попадаться обитатели этих мест: фавны и дриады, которые с интересом спрашивали у феи, как это смертный смог попасть в их мир.

- А может это вообще мой жених, ваше-то какое дело? - беззлобно огрызалась она, проходя мимо.

- Жених? - поинтересовался Павел, с интересом посматривая на сатиров с человеческим торсом и козлиными копытами. - Так сразу?

- А чего тянуть? - весело отвечала Мэримэ. - Или ты против?

- Нет, но...

- Вот и не обламывай девушку!

Наконец, они подошли к какому-то большому дереву, с которого только что спустился фавн величественного вида.

- Мы к нему, - тихо сказала фея.

Павел почувствовал какой-то необъяснимый страх, Миримэ это заметила:

- Не бойся, - сказала она. - Он не злой и не добрый, никакой. Это Пан.

- Великий Пан, - правильнее было бы сказать, - без всяких внешних эмоций ответил ей фавн. - Так ты убежала от меня тогда, чтобы сберечь себя для этого смертного?

- О чем это он? - поинтересовался мужчина.

- Не грузись, - спокойно ответила фея. - Он бежит за всем, что шевелится. Но если не догнал, то не сильно и парится.

- Это так, - согласился Пан. - Что же, Мэримэ, жизнь в мире людей, куда ты решила отправиться указала твой язык, который теперь более подходил бы к моей внешности.

- А зачем бегают? - продолжал допытываться человек.

- Догадайся с одного раза. Зачем ты бегал за той девчонкой тогда давно на выпускном? - без тени иронии поинтересовался сатир.

- Вот это новости! - вскипела фея. - Надо же чего выясняется! Везде одни козлы.

- Такова мужская природа, - философски сказал Пан. - Но успокойся, он не догнал ее...

- А как же: «умер Великий Пан»? - некстати вспомнил Павел хрестоматийную фразу. Так же, - спокойно ответил фавн. - Мы тоже ведь ограничены смертью, которую создали Адам и Ева.

- Они создали смерть? - удивился мужчина.

- А кто? Бог зла не создавал. Смерть – это зло. Она – следствие их греха, поэтому можно говорить о том, что они создали ее...

- Мэримэ говорила, что ваш мир существует лишь в воображении...

- Это ты так понял то, что она сказала.

- Как же вы есть, если вы умерли и не обладаете бессмертной душой?

- Мы же – часть материи. А одним из атрибутов материи является её неуничтожимость, которая проявляется в совокупности конкретных законов сохранения устойчивости материи в процессе её изменения, - попробовала объяснить фея.

- Но она же сохраняется в измененном виде, - не успокаивался Павел. - Почему же вы такие, как были раньше?

- Почему такие же? Раньше я ее догнал бы, - спокойно ответил Пан. - И потом, то, как ты нас видишь — это же плод твоего восприятия, не значит, что мы такие на самом деле.

- Зачем мы к нему пришли? - спросил мужчина.

- Ревнуешь? Или боишься, что не сможешь защитить, если что? - довольно засмеялась Мэримэ. - Мы не

могли миновать встречи с ним. Он даст тебе способность видеть мир, в котором мы сейчас. В его власти ослепить и оглушить людей, лишить разума и заставить сколь угодно долго блуждать в лабиринтах и чащобах собственных иллюзий. По орфической теологии он – Фанес – создатель фантазии («фанетии»), участник хаотической игры миров и пастух звездных хороводов.

- Пошли уже отсюда, - потянул ее за руку Павел.

- Да идите, - спокойно ответил фавн, протягивая мужчине какой-то футляр.

- Что это?

- Очки, - спокойно ответил Пан. - Через них ты сможешь увидеть наш мир. Они круче, чем ЛСД.

И он полез обратно на дерево, где в ветвистой кроне находилась его резиденция.

Миф и реальность

Павел надел очки, и они с Миримэ оказались на горном склоне, откуда с одной стороны просматривалась необъятная равнина, с другой – бушующее море.

- Где мы? - спросил он.

- В Атлантиде, - спокойно ответила фея.

- Как так может быть?

- В нашем мире все может быть. Да и в вашем мире: разве так уж просто провести грань между тем, что миф, а что реальность? Возьми историю. Десятки тысяч исторических источников, свидетельствующих о гномах, эльфах, великанах, феях, — все они объявляются «мифами», так как не укладываются в позитив-

вистскую картину мира, которую может вместить примитивное сознание тех, кто распоряжается у вас сейчас, тем, что правда, а что нет. И в то же время: антихристианин-банкир финансирует экспедиции, которые находят останки нескольких разных существ, складывают кусочки костей и создают легенду о предке человека, переходном этапе от обезьяны. Сочиняют как жил этот человек, даже как он думал — все на основании нескольких кусочков костей. И это называется наукой. Так, где грань между мифом и реальностью?

- Почему погибла Атлантида?

- Ты не читал Библию? О сынах Божьих, которые прельстились красотой дочерей человеческих, об исполинах, появившихся вследствие их союзов?

- Я слышал об этом, но думал, что это сказки...

- А не все ли вообще сказки? То, что говорит вам правительство, данные статистики, даже то, что ты сам о себе думаешь? Почему люди так думают, что они исключительны, что то, что непривычно — не может быть в принципе? Ты не считаешь, что для человека начала двадцатого века интернет воспринимался бы как колдовство?

- Вряд ли, тогда ведь верили в торжество и всемогущество человеческого разума.

- Да, поэтому и сейчас многие так легко верят в любую бесовщину, если она наукообразна. Ты не задумывался о том, что машины, взбунтовавшиеся против людей, многих вдохновляли на создание книг и фильмов? Этот образ начинает заботить и авторов научных статей. По мнению одного из них, в ситуации интерфейса, в интерактивных системах человека и машин инициатива решений неотвратимо смещается в пользу

искусственного интеллекта. Для человека компьютерные, программные решения выступают как шаманство, непонятное и самим шаманам. Социотехносфера - это сложная, нелинейная система, которая недоступна уму, чувствам, сознанию, интуиции человека, ибо эта система враждебна культуре и биосфере, а потому не может ждать от них милости, действуя сама по себе как судья, диктатор и судьба, истребляя малейшие признаки понимания.

- А если попонятнее?

- Я и забыла, с кем разговариваю... Если понятнее: вам проще верить, что искусственно созданные вами игрушки обладают собственным разумом, чем в то, что через них вы позволяете действовать древним духам тьмы, которые мучают и наш мир.

- А как же они могут действовать через машины?

- Так же, как и через магические обряды. И там и там соблюдение определенных действий ритуала влечет неизбежно одну и ту же реакцию, об истинных причинах которой, а главное — чем ему за это придется платить – колдун зачастую знает больше ученого...

- Если эти древние духи так могущественны, то почему они не могут действовать непосредственно?

- Ты забыл, что Христос, Своим сошествием во ад и воскресением связал их владыку? Они должны получить ваше согласие для того, чтобы в полной мере мучить вас.

- Мэримэ, - Павел замялся, - нескромный вопрос: а ты, Пан — вы тоже духи тьмы?

- Нет, мы же существа, облеченные в плоть.

- Но вы же умерли, тогда кто вы сейчас?

- Фантазия, которая не умирает, и которая для тебя сейчас и есть твоя настоящая жизнь.

- Где же грань между тем, что реально, а что нет?

- Реально то, во что ты искренне веришь всем сердцем...

Мэримэ вытерла набежавшую почему-то слезу и сказала:

- Пойдем, посмотрим эти места.

О религии в СССР

Карла Владимировича опять оторвали от чтения, на этот раз менее неприятным образом. Пришел его старинный приятель — Иван Николаевич Петров, с которым они вместе работали в свое время на кафедре научного атеизма. Оба они были в своем роде вольнодумцами, высмеивали топорный атеизм режима уже и в то время, что каким-то непостижимым образом сходило им с рук... А уж спустя годы, когда все стало можно говорить совершенно свободно, они при встречах отрывались по полной...

- Иван Николаевич, дорогой, как рад тебя видеть!
- искренне воскликнул Барт, поднялся из-за стола и обнял друга. - Единственное — не могу ничем тебя угостить, нет ничего кроме этой заподлянской самогонки...

- Почему заподлянской? - весело спросил Петров.

- Потому что ее принес Заподлянский, - весело рассмеялся профессор.

- Ну что же делать. Помнишь историю с кантом?

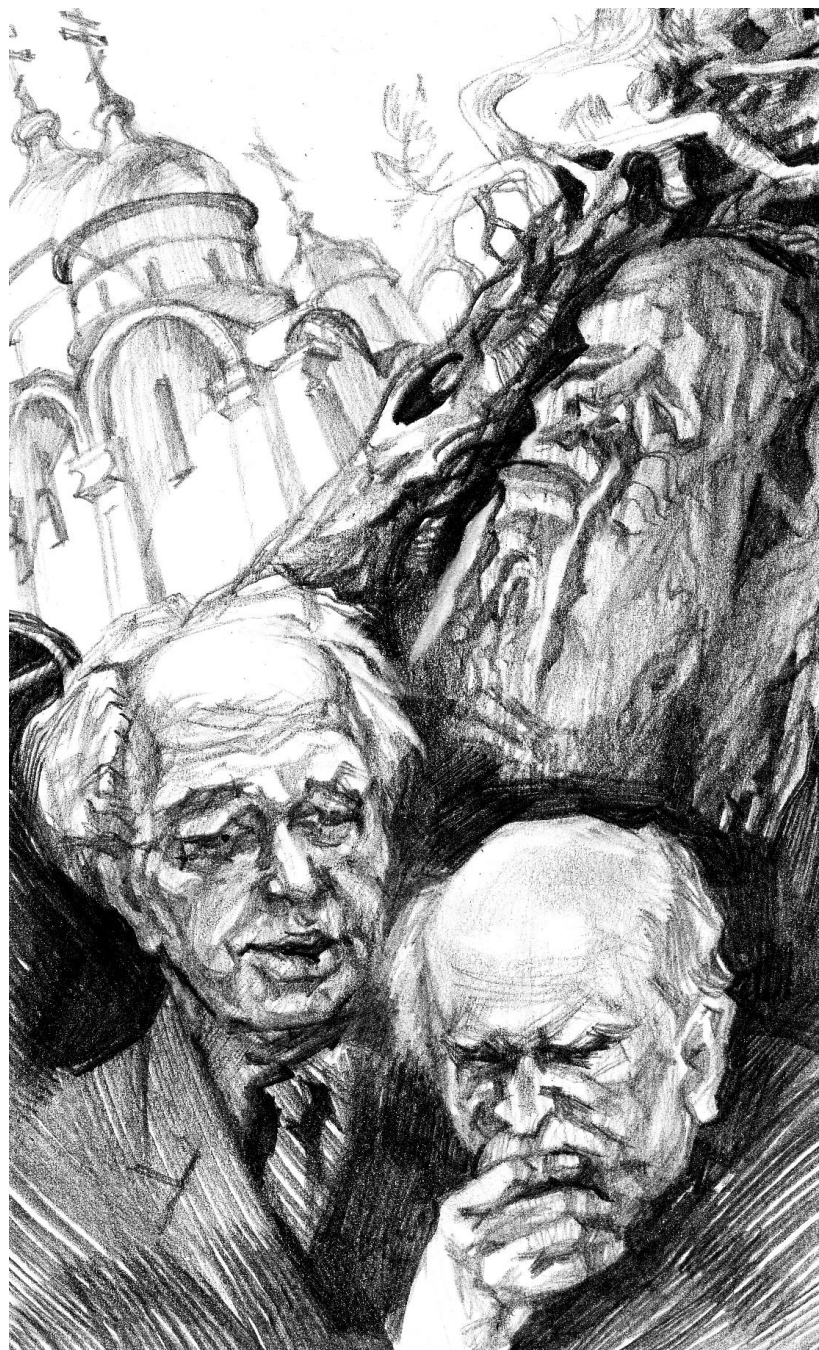
Оба друга захохотали. Они вспомнили, как на заседании кафедры научного атеизма доцент Требушинский с серьезным видом рассказывал:

- Эта, с позволения сказать религиозная группа, периодически распевала, так называемые «канты», в которых проповедовался пессимизм, подрывающий веру советского человека в строительство светлого коммунистического будущего. Так в них содержатся такие упадочнические положения:

«Житейское море играет волнами,
В нем радость и горе всегда перед нами.
Никто не ручится, никто не узнает,
Что может случиться, что завтра с ним станет.
Сегодня ты весел и жизнью доволен,
Раздолья круг тесен, а завтра ты — болен.
Богат ты сегодня, пируешь роскошно,
Но волю Господню узнать невозможно.
И, может быть, завтра, больной и с сумою
Пойдешь ты скитаться с горючей слезою».

Подобная, с позволения сказать, «поэзия», разрушительно влияет особенно на неокрепшие умы, духовно скудные, не имеющие подлинного классового сознания, твердости коммунистических убеждений.

Оба друга тогда очень потешались над серьезностью Требушинского, который рассказывал также со ссылкой на уполномоченного о том, как духовенству противно было слушать проповедь архиепископа, заявившего, что диалектический материализм является ложным учением. «Священнослужители просто плевались: до того неприятна была им эта клевета на диалектический материализм из уст официального представителя церковной иерархии», - вещал доцент.

- А к чему ты про кант вспомнил? - спросил Барт.

- Ну как же: вот ты пировал роскошно, а теперь все выпито, и если бы не я — скитаться тебе с сумою с горючей слезою. Но я принес тебе надежду! - со смехом сказал Петров, доставая из портфеля бутылку водки «Надежда».

- Это хорошо! - одобрительно сказал Карл Владимирович. - А у меня на этот случай была припрятана банка соленых огурцов.

Трехлитровая банка была извлечена, друзья выпили по граненому стограммовому стопарику, запили едким рассолом и с аппетитом сгрызли по ароматному хрустящему огурцу. Теперь ничто не мешало им погрузиться в воспоминания.

- А помнишь, как Требушинский вещал тогда про гражданские обряды? - ностальгически спросил Карл Владимирович.

- Ну, еще бы. Полная десекуляризация по советски.

Перед глазами друзей возник полный лысый доцент в мятом пиджаке, с отечным лицом, сильным запахом перегара изо рта, который не мешал ему уверенно вещать с трибуны:

- И не только надо отнимать у церкви народные обряды, но и создавать свои. Многие праздники входят в жизнь. В Петрове, Мухославске и Гадюкине стало традицией проводить праздник вручения первого паспорта. На петровском меланжевом комбинате родился обычай посвящения в рабочие. А на гадюкинском «Электроконтакте» проводят «День первой полочки». Во всех райкомах и горкомах ВЛКСМ области проходят праздники вручения комсомольского билета. Обычаем стало торжество после окончания школы, вуза. Если обряд не эстетичен, не своеобразен, то он не будет

жить, вся его сила пропадает. Дело драматургов, режиссеров, писателей создать сценарии обрядов. Ведь обряд в известном роде – массовое театральное действие. И кому, как не им, написать его? Написать такой, чтобы он был красивее церковного, соответствовал духу времени». Но главное – надо в любой праздник, имеющийся или создаваемый, вложить идею; идею нашу, коммунистическую, революционную, и приложить максимум творческой инициативы, изобретательности, выдумки, чтобы идейное содержание и эмоциональная форма дополняли друг друга, удовлетворяли советских людей и воспитывали их.

- А помнишь, как потом, когда кафедр научного атеизма не стало, он примазался к духовной академии и учил как по научному нужно писать богословские диссертации? - просто захлебываясь от хохота, спросил Петров.

- Ну да, - кивнул Барт. И передразнивая Требушинского, загнусавил: - Подлинную научность диссертационному исследованию придает его изначальная методологическая опора на источники, являющиеся непререкаемым духовным авторитетом. Без этого никакие новые, с позволения сказать, «открытия», не будут иметь никакого веса. Если в философских диссертациях, основываясь на базисе классового сознания, диалектическом и историческом материализме, в начале работы мы всегда рассматривали труды Карла Маркса и Фридриха Энгельса, затем Владимира Ильича Ленина, затем основополагающие документы Коммунистической партии Советского Союза, материалы последних пленумов, то в богословских диссертациях необходимо начинать с Библии, затем с цитат Святых Отцов, затем с постановлений Соборов, обращая особое внимание на постановления последних из них...

- Самое главное, что методологически он прав, но по факту и атеистические и богословские диссертации получались такими, что весь смысл из них вымаран, - кивнул Петров.

Друзья выпили еще по стопарику.

- А помнишь про то, как в одном храме к Пасхе покрасили иконостас в красный цвет, а глупые прихожане и не менее глупые советские работники подумали, что это к Первомаю и что из этого вышло?

... Друзьям всегда было много чего вспомнить. Хватило бы и не на одну бутылку... Но Карл Владимирович уже тяжело себя чувствовал. Иван Николаевич пошел провожать его домой, а по дороге друзья все обсуждали проблемы современной десекуляризации в контексте истории двадцатого века, в частности некоторые особенности реализации коммунистического глобализационного проекта на территории Советского Союза.

Разговор в дороге

Дорога от университета была не близкой, поэтому о чем только не вспомнили два друга!

- А помнишь отпевание Требушинского? - спросил вдруг Барт.

- Не вспоминай, - скривился Петров.

Доцент из последователя научного атеизма в последние годы своей жизни заделался сильно православным, но крест не носил, о чем, правда, мало кто знал. И вот, когда он умер, почему-то получилось так, что отпевать его привезли только на пятый день, видимо, ждали кого-то на похороны. Труп сильно разло-

жился, но в морге его чем-то накачали, отчего он стал еще более мягким, но запаха не было. И вот в храме один из друзей покойного, тоже с такой же убежденностью говоривший о православии, как раньше об атеизме, вспомнил, что крестика на умершем нет.

- Положите ему на грудь, - сказал священник.

- Нет, надо же как следует...

Прирожденный пропагандист приподнял ставшую совсем мягкой голову, лежащую на подушке, как вдруг что-то хрустнуло... Карл Владимирович предусмотрительно спрятался за колонной, поэтому он пострадал меньше всех от брызгов, полетевших во все стороны. А вот инициатор надевания креста потом месяц лечился в психиатрической клинике, да и многим другим мало не показалось...

- Отпели ли его тогда? - спросил Петров.

- Да, у священника нервы были хорошие. Но «поскору».

- Чего только не бывает в жизни! - вздохнул Иван Николаевич.

- Это да. Ты вот мне скажи: если у Бога нет времени, то ведь Второе Пришествие уже произошло?

- Сложно сказать. Для нас-то оно не произошло. А как богатому в притче о Лазаре было сказано: ни от нас туда не переходят, ни оттуда к нам.

- То есть, есть параллельный мир, в котором Воскресение мертвых уже произошло, и мы там с преображенными телами?

- Э, куда тебя понесло! Для нас его нет.

- Почему?

- Потому что для нас еще ничего не определено... где мы будем и с какими телами... Возможно, с такими, как у Требушинского...

Барт поежился:

- Пожалуй, ты прав. То, что Богу известно, что с нами будет, и то, что у Него уже совершается в параллельном мире, наше будущее для нас не есть детерминизм; свобода выбора определяет наше бытие...

- Вот это уже более разумные слова. Помнишь, как долго мы шли к тому, чтобы понять, что такое чудо?

- Нам тогда Лосев здорово помог, - улыбнулся профессор и на память процитировал длинную цитату: - «если взять христианскую мифологию, то творение мира есть величайшее чудо, искупление – величайшее чудо, рождение, жизнь и смерть человека – сплошное чудо. Спрашивается: что же такое является тогда чудом, если не-чуда вообще никакого нет, если вся мировая и человеческая жизнь, со всеми ее мелочами и подробностями, есть сплошное чудо? ... Не нарушение законов природы есть чудо, а, наоборот, установление и оправдание, их осмысление. С точки зрения мифического сознания чудо-то и есть установление и проявление *подлинных*, воистину нерушимых законов природы».

- А помнишь, как он хорошо написал о материи? - оживился и Петров и также по памяти процитировал «Диалектику мифа»: «Если материя вещи есть реальность вещи и больше ничего, то материалисты – Платон, Аристотель и Плотин, ибо они признавали реальность космоса и даже давали его великолепную диалектику; материалисты – все Отцы Церкви, ибо они признавали реальность Бога, реальность творения мира, реальность творения и грехопадения человека, реальность Христа и всей евангельской истории, реальность гибели и спасения людей».

- Чему нас научили в нашем атеистическом прошлом — это заучиванию цитат, - усмехнулся Карл Вла-

димирович. - Даже в таком состоянии, они не вылетают у нас из головы... Но вот мы и пришли. Зайдем ко мне? У меня есть бутылка бренди.

Друзья поднялись в однокомнатную холостяцкую квартиру профессора, долго еще говорили о чем-то. На другой день Барт с трудом встал и решил, что на работу он, пожалуй, не пойдет. Увидев на столе полстакана недопитого бренди, он залпом их опрокинул, после чего жизнь перестала казаться такой уж безотрадной. «Пожалуй, можно и сходить в университет», - подумал он. Купив по дороге бутылку водки и какой-то салат в одноразовой упаковке, Карл Владимирович во всеоружии пришел в свой кабинет. Выпив стопку водки и съев салат, он почувствовал, что готов продолжить чтение рукописи, которая занимала его все больше...

По дороге к титанам

Мэримэ долго вела Павла по каким-то пустынным скалистым местам, наконец, перед ними открылся вид на равнину, в которой стоял прекрасный город.

- Здесь живут титаны, - сказала фея.

- А кто они такие? Я много читал разного... В древнегреческой мифологии — это одни существа, в Библии исполины — это что-то иное...

- Не нужно буквально понимать поэтические источники, - улыбнулась Мэримэ. - Мне всегда казалось забавным, когда некоторые буквалисты говорили, что в начале книги Бытия дана исчерпывающая картина творения мира, потому что Моисей видел ее своими глазами. Пусть видел; но ведь другой увидел бы это же

самое совершенно иначе! Вот скажи мне, какими ты видишь мои глаза?

- Как два бездонных океана, в которых собрана вся красота мира! - не раздумывая ни секунды, сказал мужчина.

- Верю, - довольно улыбнулась фея. - А вот твоя бывшая жена наверняка сказала бы, что видит подслеповатые золотушные глаза, совершенно ничего не выражающие... И это только один аспект проблемы. Другой в том, как выразить то, что ты увидел. Не все могут облечь свои мысли в слова, не все обладают для этого необходимым понятийным аппаратом. Даже если человек пророк и видит больше, чем могут видеть остальные — собственный-то разум у него остается прежним, и он может изложить то, что видит только сквозь его призму...

- Тебе бы на кафедре философии преподавать, - улыбнулся Павел.

- Это, наверное, было бы неплохо, мне нравится говорить о таких вещах, - засмеялась фея. - Некоторые из наших живут в вашем мире, даже успешно сходят за людей обычно...

- Как такое может быть, если ваш мир — мир фантазии, и вас всех уже нет?

- Вот это мило! А в кого же ты влюбился? - обиженно спросила Мэримэ. - Нет нас, видите ли!

- Ты поняла, что я не об этом. А все-таки?

- Дело в том, что вымерли не все. Кто-то еще живет, много тех, кто вступил в смешанные браки с людьми. Особенно среди гоблинов, гномов таких полно, - уже серьезно сказала фея.

- А бывает, что кто-то из вашего мира по эту его сторону становится частью нашего?

- Ты читал сказку Андерсена «Русалочка»?

- Да, но смутно помню.

- Ей не хотелось через триста лет превратиться в морскую пену, она желала иметь бессмертную душу, как люди. Бабушка ей интересно сказала, что нужно для того, чтобы этого достичь: «пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и велит священнику соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу; тогда частица его души сообщится тебе, и ты будешь участвовать в вечном блаженстве человека. Он даст тебе душу и сохранит при себе свою. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас здесь считается красивым, — твой рыбий хвост, люди находят безобразным: они мало смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки — ноги, как они их называют».

- Там вроде грустно все кончилось?

- Грустно, потому что для достижения своей мечты она обратилась к ведьме. А тот, кто обращается к силам тьмы не получает никогда ничего доброго. Тот, кого она любила, женился на другой. Но русалочка не убила его для того, чтобы спасти свою жизнь и стать прежней, она предпочла этому смерть и превращение в морскую пену.

- Грустно...

- Почему? Она не умерла, а стала одной из дочерей воздуха.

- Это кто такие?

- Тоже один из видов смертных существ. Как они сказали русалочке: «У русалки нет бессмертной души, и она не может приобрести ее иначе как благодаря любви к ней человека. Ее вечное существование зависит от чужой воли. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они сами могут приобрести ее себе добрыми делами. Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, и навеем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и приносим с собой людям исцеление и отраду. По прошествии же трехсот лет, во время которых мы творим посильное добро, мы получаем в награду бессмертную душу и можем принять участие в вечном блаженстве человека. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, что и мы, ты любила и страдала, подымись же вместе с нами в заоблачный мир; теперь ты сама можешь обрести бессмертную душу!»

- Андерсен, похоже, неплохо разбирался в вашем мире?

- В каком таком нашем? - лукаво улыбнулась Мэри-Мэ. - Он теперь и твой. Кстати, неплохо бы тебе перед встречей с титанами пройти некоторый инструктаж. Давай зайдем к одному ученому коту, вот его жилище неподалеку.

- Коту?!

- Ну да. Титаны его не удивляют, а говорящие коты, видите ли, удивляют! Идем уже!

Кот Карл

Через неопределённое время они подошли к огромному раскидистому дереву, обмотанному золотой цепью, по которой, что-то мурлыкая, ходил белый кот, судя по всему, когда-то бывший черным.

- Ты с ним повежливей, - тихо ткнула в бок Павла Мэримэ. - Не вздумай назвать его на «ты»!

- Что он круче даже Пана?

- В своем представлении да.

- А что мне до его представления?

- Ты должен получить от него ответ на вопрос, куда тебе дальше идти. Если ты его обидишь, он не скажет.

- Понятно... И как к нему обращаться?

- Господин Карл. Можно мессир или сэра.

- Почему Карл?

- Зовут его так! Тише ты, он нас сейчас услышит!

Кот не спеша спустился с дерева, вытащил из под корня бутылку с какой-то жидкостью, залпом отпил половину и мутным взглядом посмотрел на тех, кто к нему пришел:

- Что вам нужно, молодые люди?

- Мессир, - сказала Мэримэ, - вот этому молодому человеку нужны ответы на вопросы о смысле бытия. Мы были у Пана, сейчас хотим встретиться с кем-то из титанов, но перед этим решили посоветоваться с вами — правильно ли мы избрали путь...

- Сразу скажу, что нет, - категорично сказал кот. - Пана можно было увидеть, а вот к титанам идти не стоит...

- А почему главного фавна зовут Пан? - некстати спросил Павел, и фея наступила ему на ногу.

- Потому что это как в Польше: пан тот - у кого больше, - пьяно усмехнулся кот, но, увидев осуждающий взгляд Мэримэ, стал оправдываться: - А что? Это аллегория, и с определенной точки зрения не лишенная определенного смысла. Неизбывная мужская сила это то, что отличает Великого Пана...

- Мессир, мы не за этим пришли, простите моего друга за глупый вопрос, - сказала фея.

- А почему к вам нужно обращаться мессир? - опять некстати спросил мужчина и вскрикнул: на этот раз спутница наступила ему на ногу уже не символически.

- Потому что я профессор, - важно сказал кот. - И то, что вы видите меня котом — это всего лишь особенность вашего восприятия окружающего мира. На самом деле, я вполне обычный человек...

И тут же допил оставшуюся половину жидкости из бутылки.

- Сэр, а вы профессор по каким наукам? - не отставал Павел.

- Я специалист по религии и мифологии, - медленно проговорил Карл.

И на какую-то секунду задавшему вопрос мужчине показалось, что перед ним и, правда, человек... А кот поймал его взгляд и с усмешкой сказал:

- Да, мы видим только то, что хотим видеть, или только то, что можем видеть, короче все непросто...

- А почему мне не нужно идти к титанам?

- Наконец-то разумный вопрос! - одобрила Мэримэ.

- Почему? - кот задумался, слезил под корневую систему дерева, вытащил оттуда еще бутылку, отпил половину и заявил:

- Потому что ты не сможешь вместить того, что они тебе скажут.

- Я об этом думала, - быстро сказала фея. - Извини, Паша, но ты слегка туповатый...

- Заметьте, я сказал это более пристойным и не оскорбительным образом, - резюмировал Карл.

Куда же мне его отвести? - поинтересовалась Мэримэ.

- К Пифии.

- Но это же в десяти тысячах километров отсюда, - вздохнула фея. - Как мы туда доберемся?

- Ты, похоже, заразилась тупостью от твоего нового друга, - вздохнул кот. - Вот к чему приводит неразборчивость в выборе партнеров!

- Я бы вас попросил! - вступился за девушку Павел. - И вообще я ее люблю!

Кот посмотрел на него теперь с интересом:

- Вам положительно нужно к Пифии. Видите вот ту оправу из-под картины, в которой ничего нет на той ветке?

- Ну, - неуверенно сказал Павел.

- Пройдите через нее, и вы окажетесь у Пифии.

- Это шутка? - сомневаясь, спросил мужчина.

- Нет, конечно, это портал. Бежим скорее, пока он не передумал, - шикнула на него Мэримэ, а Карлу сказала: - Большое спасибо, мессир!

Через миг они были уже совсем в других местах. Фея с интересом посмотрела своему спутнику в глаза и сказала:

- Любишь, значит?
- Да, - кивнул тот.
- Если ты не шутишь, то тогда действительно он отправил нас туда, куда нужно.

У Пифии

- Кто такая Пифия? - спросил Павел.
- Сейчас увидишь.
- Они подошли к большому белоснежному храму.
- Что это такое?
- Здесь находится Дельфийский оракул, - почти-тельно сказала фея.
- А это что за обкуренная девка идет к нам навстречу в таком странном красном прикиде? - невинно поинтересовался Павел и закричал: Мэримэ топнула ему по ноге
- Это Пифия, - тихо сказала она.
- Кто пришел! - усмехнулась Пифия. - А у меня сегодня как раз гости!
- Увидев сидевших за столом в беседке возле храма женщин с пряжей в руках, на вид вполне обычных, разве что белые одежды их стали старомодными еще несколько тысяч лет назад, фея стала белой как мел.
- Что с тобой? - испугался мужчина.
- Это Мойры, - со страхом сказала Мэримэ. - Так вот почему кот нас так быстро сюда послал: он хотел, чтобы мы их застали!
- Не то чтобы хотел, - это просто предначертано, - пожала плечами Пифия. - Но молодой человек, похоже, не знает кто такие мои гости. Давайте я вам их представлю.

Они подошли ближе к столу.

- Этот смертный юноша не знает вас, - извиняюще улыбнулась Пифия.

- Было бы удивительно, если знал, - бесстрастно ответила одна из женщин. - Представь ему нас. О нем самом мы все знаем...

- Итак, перед тобой три сестры. Та, что говорила с тобой сейчас, - Клото. Нить, которую она прядет, — нить твоей жизни с самого рождения. Та, что рядом с ней, — Лахеса. Ее нить определяет твою судьбу. И самая грозная из них — Атропа. Она перережет эту нить, когда придет твой час... Ты хотел задать вопросы мне, но они знают больше меня. Спрашивай их!

- А что я должен спрашивать? - поинтересовался Павел и вскрикнул: так сильно наступила ему фея на ногу.

- Он прикольный парнишка, - улыбнулась Пифия. - Жаль его...

- Почему же жаль? - сказала Лахеса. - Он сам выбирает какую нить мне ткать.

- Более того: ему будет дан шанс выбрать - перерезать ли мне его нить, но не так, как делают это безумцы, желающие самостоятельно прервать свою жизнь, а так, как это делают те, кто осознают, что есть вещи дороже жизни и страшнее смерти, - добавила Атропа.

Пифия с интересом посмотрела на Павла, затем на Мэримэ, после чего сказала ей:

- А это ведь все из-за тебя!

- Что из-за меня? - испуганно спросила та.

- Из-за тебя он ушел из-под власти Мойр. Это редко кому из смертных удастся. Но он, правда, тебя

любит... И вот еще: Мойры тебя не видят, а я... Что это? - Пифия покачнулась. - Клото, неужели у тебя в прялке появляется и ее нить? Но почему она такая прозрачная?

- Она может стать человеком. Это зависит от этого мужчины, - ответила Мойра. - Больше я пока ничего не вижу.

- Мы слишком много вам рассказали, идите отсюда, - сказала Пифия. - Но помните, что шанс, который вам дан мало кому дается.

Бесстрастная, как и ее сестры, Лахеса с тенью интереса посмотрела на Павла:

- Скажи мне, неужели жизнь этой девушки и правда может стать для тебя дороже собственной?

- Это вопрос, на который легко ответить утвердительно, а потом не справиться с ответственностью груза этих слов. Ведь даже апостол Петр сказал, что готов умереть за Христа, а потом трижды отрекся от Него за одну ночь. Я скажу осторожнее: она того стоит! - одновременно осторожно и уверенно сказал Павел.

- Надо же! Повезло тебе! - покачала головой Пифия, глядя на фею. - Еще и умный!

Когда они отошли от храма, Мэримэ схватила своего спутника за руку и быстро заглянула ему в глаза:

- Это правда, то, что ты сказал?

- Да, - тихо ответил тот.

Фея быстро поцеловала его в губы, и впервые в жизни заплакала.

- Долго и счастливо — это не про нас, - сквозь слезы пробормотала она. - Видимо, нам придется через это пройти...

Лирик и физик

... Карла Владимировича оторвал от чтения стук в дверь.

- Войдите, - сказал заведующий кафедрой.

В кабинет заглянул его коллега, заведовавший в университете одной из технических кафедр:

- Есть время?

- Конечно, Александр Иванович, заходите.

Для разговора с ним водка не требовалась: обоих профессоров всегда так захватывало то, о чем они говорят, что могло не меньше часа пройти, прежде чем они вспоминали о времени. Разговор интересным образом продолжался с того места, на котором прерывался в прошлый раз, так что посторонний, оказавшись он рядом, не сразу бы и понял о чем идет речь. Собеседники не ставили целью переубедить в чем-то один другого, они обменивались точками зрения, поэтому со стороны их диалог мог создать впечатление некоторой обрывочности.

- Меня всегда удивляет, - начал Александр Иванович, - насколько легко люди, закончившие школу западного образца (советскую или российскую), могут отказаться от очевидных вещей, о которых они узнали в этой школе. Я физик, более того, я технарь. Это значит, что я не просто физик, а практикующий физик. Технари мыслят более рационально, прагматично и материалистично, чем физики, тяготеющие к абстрактным моделям. Поэтому когда мне говорят о чудесах, на которых стоит Церковь Христа, меня это не воодушевляет. В Христа я верю независимо от того, какими чудесами подкрепляет Церковь эту веру. Как физик, я убежден, что у каждого чуда есть своя механика.

И когда на Гроб Господень сходит священный огонь, я вижу в этом не более чем химический процесс. При этом я остаюсь христианином, веря в то, что этот химический процесс инициирован Богом.

- Но вы же тоже отказались от многих очевидных для ученика советской школы воззрений; - возразил Барт, вообще, учитывая ваши научные поиски в сфере теории информации, думаю, что в СССР я был бы более понятен, чем вы. В отношении чудес: почему, например, вы верите в постоянно расширяющуюся вселенную и не верите в умножающиеся хлеба (при насыщении пяти тысяч человек пятью хлебами)? Наверное, у каждого чуда есть своя «механика», но вы правы, что смысл не в ее поиске, хотя если вам понятно больше, чем другим, то само по себе это хорошо. Но не нужно думать, что человеку может быть понятно все.

- А я не понимаю, почему христиане не хотят привести свой догмат в соответствии с накопленными фактическими знаниями?

- Вы же сами пишете в своих работах о том, как относительны наши знания. А догматы очерчивают то, что никакими знаниями и научными теориями нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Как можно доказывать или опровергать догмат Святой Троицы, если Бог в существе Своем непостижим? Как можно отвергать возможность приснодевства Пресвятой Богородицы, если речь идет о новом создании Человека, еще более чудесном, чем создание Адама? Догматическое учение Церкви формировалось в больших спорах и поисках, оно чем-то схоже с математикой. Почему, например, мы верим, что «дважды два - четыре»?

- Все равно мне кажется, что когда теология начинает отстаивать библейские частности, это проигрышная позиция.

- Согласен, но еще более проигрышная, когда она бежит подстраиваться под новомодные научные теории, над которыми будут смеяться через тысячу лет. История дает множество примеров, во что может выродиться христианство, гонящееся за модой и мудрецами «века сего». И еще: догматика - это совсем не библейские частности.

- Давайте вернемся еще к природе идей, о которой мы говорили в прошлый раз, - сказал Александр Иванович. Я считаю, что человек не создает идеи, он их воспринимает и воплощает в реальность. Наука пока еще на эту тему мало что может сказать, так как природу идей, законы формирования и реализации идей наука практически не изучает. Философы любят порассуждать на эту тему, но философия - это все-таки не совсем наука, у нее свой метод. Об этом размышлял Юнг. Современные нейрофизиологи (Экклз, Бехтерева) высказывают свои предположения по этому вопросу. Казначеев, Горяев пытаются разрабатывать этот вопрос с позиций физики. Я пытался вытащить эту проблему на научную основу. Вывод примерно один: человеческое «я» не ограничено мозгом и является некоей подсистемой единой энергоинформационной (полевой, голографической) системы, не ограниченной в пространстве. Именно в этой системе рождаются идеи. Правда, они не столько рождаются, сколько воспринимаются нами. Нечто большее пока сказать трудно.

- Приведу такой пример: человек хочет построить дом, - задумчиво ответил Барт. - Он ведь берет кирпич, цемент, песок, дерево и стекло вне своего тела. Но чтобы их все собрать в один дом, нужна творческая деятельность человека. Душа не ограничена мозгом, она пронизывает все тело человека, она ограничена в пространстве. Человек может воспринимать чужие идеи,

но может создавать и свои, создавать то, чего никогда не было. Идеи – это не персонифицированные существа, они возникают в результате деятельности разумных личностей, которые могут быть носителями или творцами нескольких идей. Впрочем, здесь у нас, наверное, вопрос в терминологии, мы порой одно и то же называем по-разному. Вообще, чувствуется ваше увлечение язычеством...

- Я не знаю, кого имели в виду древние евреи, когда говорили про язычников. Но это явно были не северные племена моих предков. Я не знаю, каким было русское язычество до прихода к нам христианства, а историкам я не верю. Сегодня я могу лишь наблюдать остатки язычества в моем народе (я имею в виду, прежде всего, деревенский уклад, а не повернутый на эклектической магии сумасшедший город).

- Таким образом, защищая язычество, вы фактически защищаете лишь мифологему, созданную вашим сознанием, не зная досконально сути явления. А для ученого это неправильно, - улыбнулся Карл Владимирович.

- Вы знаете, в деревне живут (пока еще) простые люди, которые в наших с вами беседах вряд ли поймут хотя бы пару слов. Но древняя мудрость и чистота этого христиано-языческого уклада (все христиане, но уклад и культура языческие) у меня не вызывает никаких ассоциаций с тем, что это мир гибели, продавший душу дьяволу, точнее падшим духам. Причем, чем дальше от города, тем больше остатков язычества и тем чище нравы и ближе, как мне кажется, к исконному совершенству, которым когда-то Бог наделил перво-зданный мир. Поэтому, называя себя христианином, я не питаю отвращения к остаткам *русского* язычества.

- На мой взгляд, обобщения здесь невозможны. Есть места «дальше от города», где люди видят в природе храм Божий и имеют чистые нравы, а есть (и в России их большинство), где почти все либо спиваются, попутно совершают самые разные грехи, либо бегут из этих мест поближе к «цивилизации». Что считать «языческими» культурой и укладом? Если поклонение духам тьмы, святочные гадания, магические действия «накануне Ивана Купалы» и ассоциирование всего этого с христианством – то это грех. Если бережное отношение к природе – то это освящение христианством того хорошего, что было в язычестве.

- Но ведь осквернение храма природы сделали все не язычники!

- Это начали Адам и Ева и продолжают делать почти все люди, живущие на земле.

- То есть вы согласны, что болезнь этого тела природы исходит не от нее самой, а от человека?

- Конечно, христианство ведь и учит, что процесс разрушения природы был запущен грехопадением Адама и Евы и увеличивается по мере увеличения общего количества человеческих грехов. У людей помимо личного есть и общее – иначе не могли бы все согрешить во Адаме и все (кто деятельно захочет) быть спасены во Христе.

- Если я правильно понял наш прошлый разговор, вы считаете, что земные экосистемы управляются падшими ангелами. Если это точка зрения христианства, то я с этим не согласен.

- Вы неправильно меня поняли. Земные экосистемы управляются Ангелами, а падшие ангелы по попущению Божию могут захватить власть над той или иной местностью из-за грехов людей, и это становится гибельное место (типа Бермудского треугольника).

- Я считаю, что не в лесу живет демонический дух, а в человеческой душе. А леший тут не причем. Леший – это душа леса, призванная, управлять лесом так же, как моя душа управляет моим телом. Демонизировать лешего, значит оправдывать свое беззаконие по отношению к лесу.

- В Евангелии есть рассказ о гадаринском бесноватом. Когда Христос изгнал из него злых духов, они попросили направить их в свиней, после чего целое стадо бросилось в море. Демоны не могут жить в душе, они могут на нее воздействовать. А в теле они могут жить, если попустит Бог. И в лесу они могут жить, устанавливая в нем свои законы. А то, что люди также могут быть источниками зла, я этого и не отрицаю.

- А как вы относитесь к той точке зрения, что человек – это биоробот, управляемый человеческой душой, природа которой такая же, как и у ангелов. Наше тело – это неживая кукла. И только присутствие души делает ее живой?

- Тело – равноценная часть человека, трагизм смерти в разделении души и тела. Бог во Христе соединился не только с душой человеческой, но и с телом. Воскресение мертвых будет с телами. Природа души не такая, как у ангелов – они совершенные существа, а душа – это часть человека.

Если бы Александру Ивановичу не было нужно идти на пару, то они говорили бы еще долго...

Когда дверь кабинета закрылась, Барт вернулся к чтению.

В замке масок

Внезапно Мэримэ и Павел оказались в густом лесу.

- Как тут быстро все меняется! - сказал мужчина.

- Это и везде так, просто ты не обращал внимания.

- Где мы сейчас?

- Сложно сказать. Здесь начинается какая-то большая игра, в которой мы пешки, но имеющие свободную волю. От нашего выбора будет зависеть – выйдем ли мы в ферзи и уйдем потом с доски, или же попробуем отсидеться на своей клетке...

- По-моему здесь невозможно отсидеться!

- Да, но попробовать можно, - засмеялась фея.

Только она это сказала, как их окружили пять конников в железных масках, закрывающих лицо.

- Герцог приказал доставить вас во дворец, - властно заявил главный из них.

- Очень отлично получилось отсидеться, - шепнул Павел Мэримэ. - Что будем делать?

- Подчинимся, - также тихо сказала она.

Их привезли в мрачный замок, находившийся в самой чаще леса. Это строение было не лишено своего мрачного великолепия, но во всем здесь чувствовалось какое-то дыхание жути.

- Вы приглашены на бал, - сказал начальник конников. - Следуйте за мной.

Он проводил их в залу, где уже были несколько десятков мужчин и женщин, все в одинаковых железных масках, мужчины в одинаковых камзолах, женщи-

ны в одинаковых платьях. Лишь один отличался тем, что его маска была из золота.

- Я герцог, - сказал человек в золотой маске. - Рад видеть вас на моем балу.

- А как вас зовут? - спросил Павел.

- Зовут? - усмехнулся герцог. - А для чего же мне маска? Нас никого здесь никак не зовут; полная анонимность и полная возможность делать то, что заблагорассудится, не боясь быть узнанным.

- Но вас же узнают по вашей маске?

- В темноте она не отличается от других, - засмеялся хозяин замка. - А при свете — да: ведь должны же узнавать того, кому нужно повиноваться.

- Ваше приглашение было слишком неожиданным, оно застало нас врасплох, - тщательно подбирая слова, сказала фея. - Мы как раз спешили в одно место...

- Да ну, - усмехнулся герцог. - Вы думаете, что я ничего не знаю? Да весь интернет уже кишит рассказами о вас! И Пан, и кот Карл, и Пифия, и, кто бы мог подумать — даже одна из Мойр, написали о вас в социальных сетях. Я же не просто так вас сюда призвал. Хочу дать вам шанс испытать себя.

- А мы можем отказаться? - спросил Павел.

- Нет. Отказаться ты мог тогда в клубе. Теперь же ты двиним прихотями владык этого мира.

- А что вы хотите сделать? - спросила фея.

- Я хочу посмотреть - узнаете ли вы друг друга, когда на вас будут маски.

И через минуту мужчина и фея оказались в разных комнатах, где им дали новую одежду — такую же, как у всех в этом замке, а на лица надели маски и за-

перли их сзади маленьким ключом, который тут же уничтожили.

- Эту маску очень сложно снять, - сказали им те, кто проводил эту процедуру. - Фактически невозможно. Почти никому это не удастся. И в ней очень сложно оставаться самим собой. А еще сложнее под маской разглядеть того, кого ты любишь.

Лориэль

После того как ключ был выброшен тот, на кого надевали маску, многое забывал, а многое начинал видеть по-другому.

- Если ты узнаешь ту, которую любишь, в маске, то маски с вас спадут, - сказал герцог Павлу. - Но у тебя лишь одна попытка сказать, что это она. Если ошибешься — вы навсегда останетесь в масках и в моей власти. И под страхом самого жесточайшего наказания вы не должны никому говорить, кто вы и называть свое имя!

Специальная одежда делала одинаковыми фигуры, голос через специальное устройство в маске нивелировался и делался одинаковым у всех. Начались бесконечные дни, когда Павел и Мэримэ ходили в этом замке, такие же, как все, пытаясь узнать друг друга. Но многое в их восприятии исказилось. Они заговаривали с разными мужчинами и женщинами, и каждый раз им казалось, что, наконец, нашли друг друга. И тут же понимали, что это иллюзия.

Однажды Павел подошел к девушке, у которой из под маски виднелись роскошные белые волосы.

- Неужели это ты? - с тревогой спросил он.
- Я? - улыбнулась та. - Смотря кто тебе нужен!
- Мне нужна моя любимая!
- Ты хочешь, чтобы ею стала я? - игриво спросила девушка.

- Мне нужна только она, - горячо сказал Павел.
- Но как ты ее узнаешь? - уже по-доброму сказала незнакомка. - Ведь здесь это почти невозможно. А самое страшное другое: к маске так привыкаешь со временем, что забываешь кто ты, зачем живешь. В маске очень удобно: анонимность позволяет крутить романы с кем захочешь, делать то, что без маски было бы стыдно...

Внезапно ее тон опять стал игривым:

- Не хочешь попробовать?
- Нет, твердо сказал Павел. - Я хочу найти свою Мэримэ!

- Мэримэ, - опять уже другим тоном сказала девушка. - Она эльфийка?

- Нет, фея.
- Ну, это почти одно и то же... А ты, судя по всему, человек?

- Да. Как ты это узнала под маской?
- Странно вот как-то... Мне вдруг захотелось помочь вам.

- А ты можешь?
- Да, но расплата будет ужасной.
- А что произойдет?
- Не знаю. Герцог обставляет кару большой таинственностью, ни один из тех, кто нарушил правила, не вернулся. Их уводят в особую залу, после чего никто никогда их больше не видит.

- Зачем же ты тогда говоришь об этом? Неужели ты думаешь, что я допущу, чтобы ты пострадала из-за меня?

- Вот как? - усмехнулась девушка. - Думаю, что у герцога нынче будет развлечение. Во всяком случае, мне надоело трястись и не быть собой под этой мерзкой маской. Я Лориэль, эльфийка. А вот твоя Мэримэ — она ткнула пальцем в стоявшую рядом девушку, с которой Павел уже трижды говорил за последние дни, но боялся принять решение.

- Как ты это узнала? - изумленно спросил он.

- Когда нарушаешь запреты маски, начинаешь видеть сквозь нее.

Все находившиеся в зале испуганно вскрикнули. В этот момент к нарушителям подошли стражники.

- Вы совершили тяжелое преступление. Мы отведем вас на суд герцога.

На Лориэль, Павла и Мэримэ надели наручники и вывели их.

Суд и приговор

Герцог в золотой маске важно восседал на троне. Перед ним стояли трое обвиняемых.

- Я объединяю здесь в своем лице все три ветви власти, - сказал он. - Сейчас я судья, который будет судить вас по законам, которые сам же установил, сам же я прослежу и за исполнением приговора. На территории этого замка действует только моя юрисдикция.

Так вот, Павел, эта безумная ради тебя решилась подвергнуться жесточайшему наказанию. Теперь у те-

бя выбор: ты можешь уйти отсюда спокойно со своей Мэримэ, забыть о той, которая пожертвовала собой, ради того, чтобы вы были счастливы вместе и жить себе спокойно. Или же взять на себя ее наказание.

- А что тогда будет с Мэримэ? - спросил мужчина.

- А все хорошо будет, - спокойно сказал герцог. - Я их обеих отпущу. Но вполне возможно, что твоя фея будет счастлива с кем-то уже без тебя, забыв о том, что ты и был вообще!

В душе Павла шла мучительная борьба.

- Зачем ты это сделала? - обратился он к Лориэль.

- Хороший вопрос! - одобрил герцог. - Действительно, зачем?

- Я захотела и себе и им дать шанс на новую жизнь.

- Посмотрим же сейчас, чего стоит это шанс! - ухмыляясь сказал герцог. - Мэримэ не виновата, поэтому она получит свободу просто так, но после окончания процесса, ты свой выбор сделала, посмотрим же сейчас, каким будет его выбор.

- Прости меня, но я не могу допустить, чтобы она пострадала из-за того, что решила нас спасти, - тихо сказал Павел своей любимой и поцеловал ей руку. И, уже обращаясь к судье, заявил: - Я готов взять на себя ее наказание!

- Оно очень ужасное! - предупредил герцог.

- Ну что же...

- Снимите маски с девушек, - приказал судья.

Без масок Лориэль и Мэримэ оказались похожи друг на друга как сестры.

- Вы будете наблюдать за вынесением приговора и приведением его в исполнение, - важно заявил герцог.

Фея и эльфийка метнулись было к Павлу, но стражники крепко держали их.

- Согласно твоему выбору ты подвергаешься тому самому страшному наказанию, которому подвергается каждый, кто осмелится в этом замке масок обнародовать свое истинное я — маска с тебя снимается навсегда! - огласил свой приговор судья.

- Но... Наказание и освобождение, получается, одно и то же? - изумленно спросил Павел.

- У меня в замке — да. Такое уж дурацкое законодательство я создал, - безмятежно сказал герцог.

- Но почему все так тогда этого боятся?

- Никто же не знает, что будет. Неизвестность страшит. Боятся страха, там, где нет страха.

- Но если они узнают?..

- Не узнают. Вас сейчас экстрадируют за пределы моих владений.

- То есть мы преступники? - спросила Мэримэ.

- Почему?

- Экстрадиция — передача преступников одной страной другой.

- Больно ты умная, - усмехнулся герцог. - У меня вы были преступниками, там, куда вы сейчас отправитесь, возможно, то же будете... А может, и нет... Во всяком случае, властям вас передавать не будут. Впрочем, как вы могли убедиться на примере со мной, они при небольшом желании сами легко могут вас найти.

Долгий разговор

Стук в дверь опять отвлек Барта от чтения.

- Кто? - недовольно поднял голову профессор.

- Это я, - заглянул в дверь Александр Иванович. -
Может быть, сходим пообедаем и заодно поговорим?

Карл Владимирович неохотно отложил тетрадь:

- Ну, пойдемте...

- Я был воспитан в русском язычестве, - начал говорить его друг, как только они вышли в коридор. - Но о самом этом слове я узнал из трудов ученых. В народе так никто себя, конечно, не называет. И я не хочу так называть себя, навешивая на себя чужой для меня термин. Мы все христиане. Но аборигенная культура продолжает жить. И я не вижу, почему я должен упрекать себя и других за принадлежность этой культуре.

- Я уже говорил вам, что Церковь христианизировала все то хорошее, что было до прихода Христа, неважно, в иудаизме ли, в язычестве ли. Советую вам познакомиться с творчеством Клайва Стейплза Льюиса. Его внутренний мир был пронизан языческой мифологией, но он в своих произведениях блестяще сумел придать ей христианское звучание. Думаю, что вам просто не нужно называть себя язычником, а признать, что Вы православный христианин, и участвовать в церковных таинствах, тогда все встанет на свои места. Кстати, многие протестанты считают, что все православные – язычники, поэтому не нужно слишком заострять свое внимание на навешиваемые извне ярлыки.

- Думаю, что язычество не в забытых именах богов, язычество в жизненном укладе.

- Добавлю: не просто в жизненном укладе, а в поиске контакта со «спящими» духами природы (или оккупировавшими природу)?

- Не понимаю, зачем демонизировать невинных детей природы, зачем приписывать им страшные преступления в виде человеческих жертвоприношений и т.п.?

- А вы почитайте побольше об этом, и современные язычники это также делают.

-Для меня природа ассоциирована с храмом Божьим. Когда я вижу гармонию дикой природы, я не могу не восхищаться красотой и совершенством этого храма.

- Это так, согласен с вами, но храм осквернен. Впрочем, люди, душа которых менее повреждена по-прежнему могут видеть его красоту.

- Иногда мне кажется, что, несмотря на присутствие в природе отношений типа «хищник-жертва», она более чиста и невинна, чем человек с его извращенным отношением как к себе подобным, так и к природе.

- И это вы правильно считаете, потому что животные не несут моральной ответственности за свои поступки – они стали такими не из-за себя, а из-за человека. До грехопадения первых людей смерти на Земле не было. Первый человек Адам был создан как царь земного мира, призванный повелевать всеми животными. Он был создан «из праха земного», то есть, возможно, в нем имелись все те лучшие качества, которые присущи животным, но и нечто большее – образ Божий, благодаря этому он и мог ими повелевать, пока не пал. После грехопадения людям, как правило, присущи худшие черты представителей животного мира, а если ангелов, то падших. Но праведные люди и сейчас ино-

гда могут безбоязненно общаться с животными, признающими их своими владыками.

И сейчас иногда животные могут быть лучше людей – когда они, например, отдают жизнь за своих детей, когда хранят всю жизнь верность своей паре, когда кого-то спасают. И говорить, что это заложено в такой вид – нельзя, потому что внутри вида существуют самые разные проявления у его представителей, часть из которых можно назвать личностными. Я очень люблю кошек. И приведу такой пример: одна кошка увидела, как случайно раздавили ее котенка. И ее тут же парализовало. А другая родила мертвого котенка, посмотрела на него, и тут же пошла играть. Она не стала от этого хуже, но первая проявила себя как своего рода личность, способная к таким сильнейшим переживаниям. Вторая, возможно, тоже проявила себя как личность, но совсем другая... Впрочем, в отношении кошек и собак существует мнение, что они являются своего рода отражением их хозяев. Если это так, то когда у плохих хозяев плохие домашние животные (например, хозяйка ведьма и кот помогает ей в ритуалах), то виноваты не животные, а хозяйева.

- При этом дикари, живущие в природе, умеют слышать ее голос лучше, чем цивилизованный человек с его претензиями на звание венца творения. Так, при всей кровожадности южноамериканских индейцев, они вряд ли были более кровожадными, чем цивилизованные конкистадоры, которые от имени Христа учили индейцев нормам западной морали.

- Здесь два аспекта: что считать голосом природы? Голос духов ее оккупировавших? А то, что принадлежность к христианству не гарантирует от самых страшных падений, видно уже из того, что и среди апостолов был Иуда.

- Человечество – это подсистема биосферы. У нас есть своя миссия во благо этого нашего общего дома. Выделение человека из природы, противопоставление себя природе, подчинение природы себе – я считаю, что это следствия того бунта против Бога, в который человечество ввергло себя, возомнив, что все в этом мире во имя нас и во благо нас. Это девиз раковой клетки.

- В своем нынешнем качестве человек, возможно, и подсистема биосферы, но задуман он был для большего, и сейчас и может быть, и бывает большим...

- Помните, мы говорили о грехопадении? Так вот, я не считаю, что человек наказан за поглощение яблока.

- В Библии нет термина «яблоко», согласно всем толкованиям это был грех непослушания и гордости.

- Мне кажется, что грех был не в познании, а в познании только на основе рассудка.

- Грех вовсе не в познании, и даже не просто в познании добра и зла, а в "опытном" их познании. Дело не в рассудке или интуитивном опыте, сами по себе они – не добро и не зло, а только инструменты. Грех в их неверном использовании.

- Но вопрос о добре и зле находится в постоянном обиходе реальных людей. И вот здесь начинаются интерпретации. Здесь же начинается относительность добра и зла. Не Церковь каждодневно говорит о противостоянии добра и зла, а люди, которые опираются на мнение Церкви, причем разные люди одни и те же цитаты из Священного Писания приводят в своей интерпретации.

- Это говорит не об относительности добра и зла, а об относительности наших понятий о них.

- Порой мне кажется, что если Запад сумеет уничтожить нашу языческую самобытность, Россия падет.

- Не соглашусь с вами. Считаю, что Россия, как государство, сформировалась на христианской основе. И Россия – это ведь не только древние славяне, а все народы, от западных до восточных границ страны, об этом нельзя забывать.

- Однажды по телевизору лично слышал из уст Патриарха, что до прихода христианства на Руси жили варвары, которые были хуже зверей. Я не против зверей, но в данном контексте это говорит о том, что до христианства на Руси жили нелюди. Я с этим, мягко говоря, не согласен.

- Мир был создан Богом совершенным. Но существа со свободной волей не захотели жить в совершенном мире, они захотели построить свой мир. Сначала грехопадение произошло в ангельском мире, затем в мире людей. И люди, в этом падшем мире, по мере умножения в нем греха и их все большего по этой причине удаления от Бога, оказались совершенно беззащитными перед падшими ангелами, через грехопадение людей получивших власть над этим миром, все более становящемся миром зла. Они требовали и жертв, в том числе человеческих и поклонения, они захватили и всю природу под именами морских, лесных, речных и иных богов. Язычество – и допотопное и послепотопное – служение этим духам. Это был мир гибели, который однажды уже был смыт водами всемирного потопа. Что было до него – мы не знаем. Но мне приходилось читать в некоторых современных книгах, претендующих на научность, на самом же деле скорее оккультных, что, например, в Атлантиде, по мнению авторов, наука на порядки обгоняла ту, которую мы имеем сейчас; мифические кентавры, единороги, гиппогрифы – это результат работы генных инженеров того времени, производящих «допотопных франкенштейнов». Научно дока-

зять или опровергнуть эти утверждения невозможно. Если мы верим Библии, то знаем одно: однажды человечество уже было уничтожено из-за своих грехов, и однажды оно будет еще раз уничтожено. Потому что и после потопа человечество идет путем саморазрушения. И силы зла также властвуют над ним. И только Христос, Воплощенный Бог, через Свое соединение с человеческой природой, добровольную крестную смерть и воскресение, даровал человечеству спасение от греха и смерти, которые перестали быть непреодолимыми, свободу от темных духов, Он обновил и весь мир, благодаря Ему и в оскверненной из-за греха природе возможно много доброго и прекрасного, в том числе и в жизни вроде бы неразумных животных.

Христианин – свободен от законов падшего мира (я не имею здесь в виду государственные установления). Святитель Василий Великий писал, что Таинство Крещения смывает печати звезд. Но если христианин верит в то, что он не раб Божий, а «скорпион» или «козерог» или еще какое-то существо, то он тем самым добровольно вновь ввергает себя в рабство тому, от чего его освободило Крещение. Если христианин грешит и не кается, то он теряет Божественную защиту.

- Давайте вернемся еще к вопросу о чуде. Лично я считаю, что чудом можно назвать любое явление, в котором обнаруживается присутствие Божьей Воли. То есть все, что я вижу вокруг себя – это чудо, независимо от того осознал ли я его механику, могу ли предсказывать его последствия, или нет. То, что пути Господни неисповедимы, это верно. Но есть еще и каждодневный процесс восхода и захода Солнца. Я могу предсказать, когда взойдет Солнце. Я знаю, почему каждую ночь оно уходит за горизонт, а каждое утро поднимается из-за

горизонта с другой стороны. Но от того, что я знаю это, величие данного явления не уменьшилось.

- Полностью с вами согласен.

- И еще в отношении смерти: мы уже говорили как-то, что она у меня не ассоциирована с абсолютным злом. Меня приводят в некоторый ужас работы современных ученых по созданию эликсира бессмертия. Если им это удастся и человек действительно станет бессмертным, то Земля, по-видимому, погибнет вместе с бессмертными.

- Я здесь полностью с вами согласен. Кстати, Льюис тоже писал о том, что смерть для падшего человека – в определенной степени благо, потому что, будучи бессмертным, он превратился бы в беса.

... Разговор был долгим, но два друга совсем не выглядели утомленными. И Карл Владимирович как-то даже изменялся, когда говорил с Александром Ивановичем о таких вещах: он уже три часа не выпивал, и ему не хотелось...

Продолжение разговора

Их разговор продолжился на следующий день: профессора случайно встретились по дороге на работу.

- Я тут думал вчера о ваших холистических выкладках, - сказал Карл Владимирович. Мне это видится так: например, планета как таковая не является живым существом. Но вся ее природа может управляться ангелами, являющимися разумными личностями. В Священном Писании встречаются упоминания об ангельском служении, из которых мы заключаем, что на ангелов возложена миссия хранения народов, челове-

ческих обществ и отдельных людей. Думаю, что не будет противоречить христианскому вероучению допущение, что после грехопадения людей, которые изначально должны были отвечать за разумное функционирование планеты, именно на ангелов Богом возложены обязанности по сохранению ее от распада, слаженное действие всех составных частей природы падшего мира.

- Все дело в том, на каком языке мы разговариваем и что понимаем под словом жизнь, - ответил Александр Иванович. - Согласно теории Вернадского (которой я придерживаюсь), жизнь на Земле появилась одновременно с возникновением планеты. При этом, как говорит Лавлок, жизнь возникла раньше живых существ. Жизнь – это особое состояние планеты. Мы на этой планете живем только потому, что жива сама планета (принцип Пастера-Реди: все живое происходит только от живого). И это не аллегория. Каждое слово я могу подкрепить серьезными научными фактами. Может, я и не согласен с современной версией палеоистории, в которой усматриваю изрядную долю натяжек и притянутых за уши фантазий, зато я знаю законы природы, на чем, собственно, и специализируюсь. Общая теория жизни, или общая теория сложных систем, или системная динамика – это тот предмет, в котором я разбираюсь на достойном уровне. Оставаясь верующим человеком, я вынужден признать справедливость теории эволюции, правда, не в дарвиновском варианте, а в варианте, который озвучил Тейяр де Шарден. В этом и состоит та особенность моего миропонимания, согласно которой научная точка зрения практически ни в чем не противоречит идее Божественного Творения. Проблемы возникают (как со стороны науки, так и со стороны догматического христианства) только тогда,

когда пытаются зацепиться за устаревшие стереотипы. Дайте мне определение жизни, и я скажу, является ли планета живым организмом или нет. Так вот, если вы считаете, что планета неживая, но «природа может управляться ангелами, являющимися разумными личностями», то аналогично можно утверждать, что человек – это биоробот, управляемый человеческой душой, природа которой такая же, как и у ангелов. Наше тело – это неживая кукла. И только присутствие души делает ее живой. В этом смысле я был бы с вами согласен. Собственно жизнью обладают только идеи (в вашей терминологии – ангельские сущности). Материя (прах земной) мертва и инертна, даже если это биоматерия. Только дух способен оживить мертвую материю. Но также как человек обладает душой, аналогично все живое (в том числе и такие экосистемы, как лес, озеро, да и вся Земля в целом) обладает аналогом человеческой души. В вашей терминологии – это ангельские сущности, среди которых вы выделяете падших ангелов и светлых. Да и сам человек — разве его клеточное устройство не напоминает устройство муравейника?

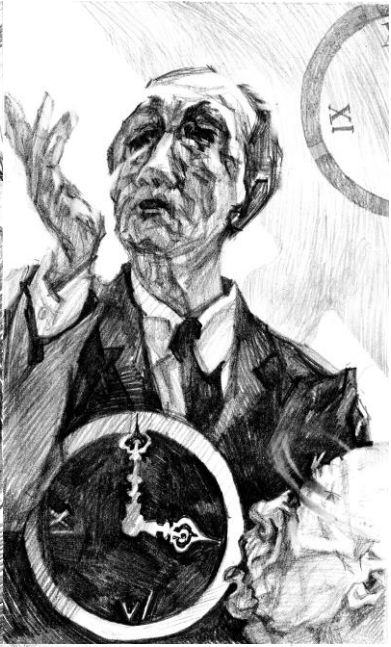
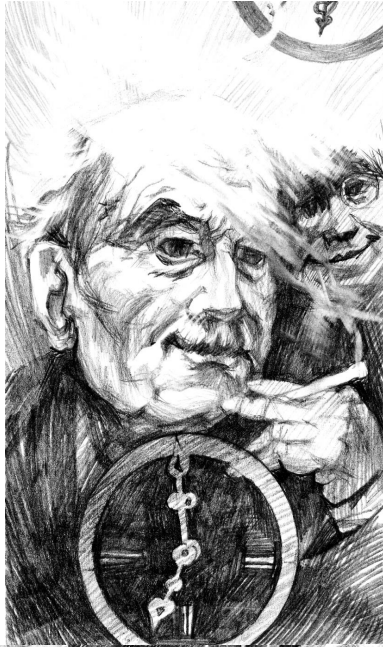
- Муравейник отличается от тела человека хотя бы уже тем, что муравей сможет жить, покинув муравейник, а клетка, покинув тело человека, не сможет, - ответил Барт. - У муравейника нет единого сознания - есть лишь выполнение заданных задач, но они формируются вне муравейника.

- Иногда я говорю студентам, докажите мне, что муравейник – это не организм, а колония живых существ, и каждый ваш довод я готов использовать для того, чтобы доказать, что вы – это не организм, а колония одноклеточных существ. Если моя клетка покинет организм, то она проживет некоторое время, а потом погибнет, так как может существовать только в симби-

озе с другими клетками организма. Аналогично, муравей не сможет жить без муравейника. Он даже не сможет питаться, так как у муравьев сложная система переваривания пищи по цепочке от одного муравья к другому. Один муравей не сможет переварить пищу. И это не говоря уже о том, что у одинокого муравья полностью теряется мотивация к жизни. Когда мы говорим, что у муравейника нет единого сознания, то это преувеличение, вызванное типичным материалистическим стереотипом. Существует масса фактов, подтверждающих гипотезу о том, что любой организованный социум, в котором налажены четкие взаимные информационные связи, обладает аналогом коллективного сознания (эффект стаи, эффект толпы и т.п.). Даже если взять стаю рыб, которую каждая рыба действительно может спокойно покинуть и существовать обособленно, тем не менее, при объединении в стаю здесь возникает нечто, что можно условно назвать «духом стаи». Ни одна птица не знает путей сезонных миграций, но стая птиц знает эти пути (одинокая птица не знает куда лететь). Я могу перечислять множество фактов, говорящих о том, что каждый социум обладает аналогом сознательности – духом стаи, эгрегором и т.п.

- Да, говорим мы о таких вещах, забывая обо всем, а между тем — сегодня у нас в университете собрание по науке, - улыбнулся Александр Иванович. - Вы не забыли?

- Забудешь про такую дрянь! - возмутился Карл Владимирович. - Это как раз одно из тех мероприятий, которые доказывают мне, что Минобрнауки управляется духом стаи или темным эгрегором или кем-то типа того!

Совещание по науке

Заместитель министра науки и образования любил посещать университет. Ему импонировала Адель Адольфовна Пикова, да и Акакий Павсикахиевич Заподлянский казался вполне перспективным образовательным деятелем.

Поэтому в этот раз он выбрал университет местом для проведения межрегионального совещания по науке. Кроме двух названных выше лиц никто этому не обрадовался: ректор как чувствовал, что для него это добром не закончится, а несколько ученых из университета, которых на совещание пригласили, заместителя министра терпеть не могли.

- Приперся темный эгрегор! - бормотал себе под нос Барт.

Впрочем, поллитра коньяка выпитые потихоньку из фляжки примирили бы профессора, как ему казалось, с необходимостью слушать и настоящего эгрегора, а не только этого противного мужика из столицы.

- Мы стоим перед началом новой эры науки, - торжественно начал заместитель министра. - Скоро инновационное развитие научных технологий дойдет до такой степени, что никто кроме единиц — специалистов высочайшей квалификации, даже и не будет понимать сути происходящих процессов. Результаты будут появляться таким образом, что людям непосвященным это может казаться чудом. На самом же деле...

- Это просто бесовщина, - пробормотал себе под нос Карл Владимирович и отхлебнул коньяк.

- ... это прорыв человеческого гения в тонкую сферу научных знаний, которых раньше посвященные достигали через определенные ритуальные действия, теперь же они становятся доступны, благодаря...

- Научному колдовству, - пробормотал Барт и сплюнул прямо на пол. Все сделали вид, что не заметили.

- обобщению научного опыта поколений, изучению разных научных традиций, системному подходу, нанотехнологиям и инновационному прорыву в сферы знаний, которые нашим необразованным предкам казались магией. Они считали, что совершение определенных ритуальных действий, приносящих конкретный результат, с ними вроде бы никак напрямую не связанный, — это магия. Мы же считаем, что это просто новая отрасль научных знаний, связанная с холистическим устройством мира, когда действие в одной сфере может вызвать неожиданный результат в другой. Как писал Вернадский, «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности... Лик планеты – биосфера – химически резко меняется человеком сознательно и главным образом бессознательно... Человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет... Это новое состояние эволюции, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера»... Ход этого процесса только начинает нами выясняться...» Так вот, сегодня научные свершения таковы, что Вернадскому и не снилось. Фантастические сказки о могуществе машин начинают становиться реальностью...

- Простите, - вдруг перебил докладчика опьяневший Барт, - а вам не кажется, что в ситуации интер-

фейса, мы сталкиваемся с тем, что появляется знание без понимания, а наука превращается в шаманство?

- Хороший вопрос, - заместитель министра сделал вид, что ничуть не раздражен, - а нужно ли понимание людям, которым инновационный прорыв науки обещает бессмертие?

- Меня приводят в некоторый ужас работы современных ученых по созданию эликсира бессмертия. Если им это удастся и человек действительно станет бессмертным, то Земля, по-видимому, погибнет вместе с бессмертными, - вмешался вдруг и Александр Иванович.

Пикова была зла необычайно.

- Сделайте же что-нибудь! - зашипела она ректору.

- Карл Владимирович, Александр Иванович, мы очень благодарны вам, что вы нашли возможность участвовать в нашем мероприятии, но у вас сейчас лекции, мы не имеем морального права лишать студентов возможности послушать таких выдающихся профессоров, - нашелся ректор.

- Так ведь, - начал, было, Александр Иванович, который наивно хотел сказать, что занятия-то им перенесли..., но Барт, хоть и выпивший, все понимал четко.

- Да мы идем, спасибо за содержательное выступление, - сказал он, уводя друга под руку.

Заместитель министра говорил еще часа два, больше его уже никто не смел перебивать. После окончания он спросил у Пиковой:

- А что, Адель, не пора ли нам менять ректора?

- Давно пора! - согласилась та, как будто ждала этого вопроса.

- И есть кто на примете?

- А вон Кака Заподлянский — чем не ректор?

- С таким именем и фамилией он должен быть министром образования, - покачал головой чиновник, - но, для начала пусть будет и ректором.

- А с этими чего будем делать? - поинтересовалась Адель Адольфовна.

- С профессорами? Да ничего. Если не дураки — сами убегут из высшей школы, а так пусть выпускают пар. Все равно ведь всем по фигу, чего бы они ни говорили.

А Карл Владимирович тем временем уже опять погрузился в чтение.

Между двух огней

Павел, Мэримэ и Лориэль оказались вдруг в каком-то совсем ином месте, напоминающем джунгли.

- Видимо, герцог сюда нас отправил, - предположила Лориэль.

- А может Великий Пан вмешался, - возразила ей Мэримэ и, обратившись к Павлу, недовольно сказала: - Слушай, а ты, собственно говоря, почему это собрался ради нее идти на какие-то страшные испытания, оставляя меня совсем одну? Что это значит?

- Это значит, что он в меня влюбился, - весело промяукала эльфийка, не успев мужчину и рта раскрыть.

- Влюбился?! - возмутилась фея.

- Ну да, втюрился по самые уши! - довольно отвечала ей неожиданная соперница, которую это, по всей видимости, очень развлекало.

- А я что такое, по-твоему?

- Ты пленила его разум, а я забрала его сердце! - заявила Лориэль.

- Девочки... - попробовал было остановить их Павел, но это только подлило масла в огонь.

- Вот видишь, - торжествующе сказала эльфийка, - мы обе ему нужны. Да и верно: как жить без сердца или без мозга?

- Ты еще скажи, что ему бывшая жена нужна: как можно жить без задницы! - огрызнулась Мэримэ.

- О, а без этой части тела жить вообще невозможно! - Мозг и сердце могут конкурировать между собой, но если в дело вмешается задница, то она непременно их победит! - вполне серьезно сказала Лориэль и обернулась к Павлу: - А ты ловелас!

- Послушайте, - смог, наконец, вклиниться в их разговор мужчина, - с чего вы взяли, что я влюбился в Лориэль! Я просто не мог допустить, чтобы девушка пострадала по моей вине!

- Не влюбился? Я что не видела, как ты на меня смотрел? - взвилась эльфийка.

- Как ты на нее смотрел? - грозно посмотрела фея.

- Да никак я не смотрел...

- Глаза прятал?

- Да нет, я...

- Вот видишь, - торжествующе сказала Лориэль, - он и сам не знает, кто из нас ему дороже!

- Пусть выбирает! - сказала Мэримэ.

- А может это жестоко по отношению к нему? Может, втроем останемся?

- Нет уж, мне такая дрянь не нужна! - заявила фея. - Пусть выбирает!

И обе они пристально уставились на Павла.

- А что мне выбирать? - растерянно спросил тот. - Я свой выбор сделал, один раз и навсегда.

- Это ты про бывшую жену говоришь? - уточнила эльфийка.

- Нет, это молодость, гормоны... Я про Мэриэм говорю. И не давал я тебе никакого повода...

- Давал, еще как давал! - обиженно сказала Лориэль. - Злые вы, ухажу я от вас!

Она повернула какой-то камень на кольце, надетом на безымянный палец левой руки, и исчезла.

- Разведенка видимо, чего с нее взять! - уже спокойно сказала фея, которой отсутствие неожиданной соперницы придало уверенности. - А ты тоже хорош: развел тут непонятные отношения!

- Да не развел я ничего...

- Не спорь...

- Послушай, мне тут вспомнилась одна очень забавная история, - решил отвлечь девушку Павел. - Есть такая американская журналистка Джейн Догс, которая очень усиленно защищает американский империализм, при этом часто невпопад, так что даже получила большую известность в мире из-за ляпов, которые она допускает. И вот один русский журналист написал про нее статью, а жена его спрашивает: «А чего это ты надумал про нее писать, влюбился, небось?» Тот так удивился, что ответил стихами:

Когда б английским лордом был,
То Джейн я пламенно б любил,
Ее блистательным умом,
Я был бы очень восхищен;
Восторгом был бы я объят,
И говорил бы всем подряд,
Что нет прекраснее, чем Джейн,
Пил вместо водки б я глинтвейн...

Но я как русский патриот,
Люблю другую как-то вот...

А жена его и спрашивает: «А кто эта другая?» Вот и мне ваш сегодняшний диалог эту историю напомнил...

- Так наверняка была другая! - безапелляционно заявила Мэримэ. - Все вы мужики козлы!

- Ладно, давай лучше решим, куда нам дальше идти, - примиряюще сказал Павел.

- Думаю, что мы пойдём на восток, - уже спокойно сказала фея.

В баре гоблинов

- Какое-то стремное место, - поежился Павел, заходя в бар. - Чего это тебя сюда понесло?

- Мне было видение, что здесь решится наша судьба, - загадочно улыбаясь, ответила Мэримэ.

- А в менее мерзком месте она не могла решиться? - обреченно спросил мужчина. - Несет тебя - не пойми куда!

В баре было много народа — все больше гоблины, несколько троллей, да пара лепреконов. Сначала никто не обращал внимания на зашедшую пару, и они могли спокойно поговорить за столиком, стоявшим у стены.

- Кот Карл сказал мне, что не нужно ничего бояться, - произнесла фея, - страхи в нашем воображении.

- И нужно специально искать себе приключений?

- Они сами нас находят.

Внезапно к их столу подошел кот Карл.

- Что, ребята, развлекаетесь? - поинтересовался он.
- Не то чтобы очень, - начал, было, Павел, но Мэримэ наступила ему на ногу:

- Мы очень рады видеть вас, мессир, - сказала она.
- А вы, какими судьбами здесь?

- Цепь золотую пропиваю, - задумчиво сказал кот. - Мне открылась одна интересная вещь: смерти нет!

- Да что вы говорите! - насмешливо воскликнул мужчина. - И что вы надумали делать, узнав об этом?

- Пока не решил.

И отхлебнув приличный глоток из большой бутылки абсента, Карл отправился поболтать с одним из лепреконов.

- Думаю, что он ошибается, - к столику Павла и Мэримэ подошли пять гоблинов, наблюдавших за ними из-за соседнего столика все время пока кот был рядом с ними. Говорил главный из них, что определялось наиболее мерзкой внешностью и количеством татуировок на всех частях тела. - Так что, мужик, если не хочешь проверить на практике правду ли тебе говорил этот кот, то вали лучше отсюда, а подружку оставь нам, в качестве выкупа за твою жизнь; мы найдем ей применение!

- Никого я вам не отдам! - твердо сказал Павел и заслонил собою фею.

В его голове пронеслись тысячи мыслей: конечно, он не сможет справиться с гоблинами, но привлечет внимание других посетителей, и Мэримэ спасется...

- Это ты зря так! - с усмешкой сказал гoblin, как будто читая его мысли. - Жизнь людей и фей здесь и гроша ломаного не стоит. Королевская полиция плевать на таких как вы хотела! Так что сейчас тогда уж

прирежем тебя, а потом познакомимся с твоей подружкой!

Гоблин не спеша достал длинный нож. Павел стоял, закрывая собой Мэримэ.

- Неет!!! Только не это!!! - пронзительно закричал вдруг гоблин, нанеся сильный удар.

Кот Карл, услышавший их разговор, заслонил собой Павла. Удар пришелся ему в грудь. По полу быстро растекалась лужа бордовой крови.

- Бежим! - схватил главного гоблина за руку один из его приятелей. - Это тебе не шутка: убить ученого кота! Да королевская полиция с тебя шкуру живого за него сдерет!

И гоблины бросились наутек из бара, хозяин которого уже вызвал полицию. Фея и мужчина бросились к коту, который их спас. Он прошептал: «Будьте вместе!» и больше не подавал признаков жизни.

Смерти нет

Пикова и Заподлянский сидели в небольшом кабинете университетской столовой, предназначенном для приема вип-персон и весело смеялись, не забывая поглощать кофе с ликером и мороженое.

- Это смешнее всего, что я когда-либо слышала! - хохоча, рассказывала Адель Адольфовна. - Представляешь, Кака... Кстати, ты не обижаешься, что я так тебя называю? Это же ласкательно!

- Нет, что ты, - скривясь, улыбнулся проректор.

- И правильно делаешь! Потому что это помогло твоей карьере!

- Каким это образом?

- Самым прямым. Помнишь, заместителя министра, который проводил у нас совещание?

- Ну. И что?

- Так вот он, когда я ему про тебя рассказала, заявил, что человек, которого зовут Кака Заподлянский просто не может быть на вторых ролях! Так что скоро ты будешь ректором!

- Но как это технически возможно? - заинтересовался проректор, несколько не смутившийся критериями, по которым его выбрали на такой пост.

- Технически — ты имеешь в виду ученый совет?

- Типа того.

- По результатам совещания по науке, которое провел у нас заместитель министра, ректору предложат написать заявление по собственному желанию, тебя назначат и.о., ученый совет запланируют через год... А, как ты сам прекрасно знаешь, нет ничего более постоянного, чем временное!

- Спасибо! - прочувствованно сказал Заподлянский и трижды расцеловал Пикову.

- Так вот, - задумчиво продолжала она, вытираясь платком, - помнишь, как долго мы не знали, что же нам делать с этим Бартом?

- Так мы и сейчас не знаем? Или знаем?

- В том-то и дело, что теперь знаем! - удовлетворенно сказала Адель Адольфовна. - Он допился до белой горячки. Сначала все читал какую-то тетрадку, которую ему якобы дал какой-то человек. Прикинь, я однажды заглянула в эту тетрадь. Знаешь, что там было написано?

- Что?

- В том-то и дело, что ничего! Он часами читал тетрадь, в которой ничего не написано, и раздражался, когда его от этого, так сказать чтения, отвлекали!

- Ни хрена себе! - присвистнул Акакий Павсикахичевич. - Но ведь этого самого по себе маловато, чтобы он был обгажен с головы до ног.

- Маловато, - согласилась Пикова, - но слушай, что было дальше. Однажды он допился до того, что поперся в какой-то ночной клуб...

- «Скотоферм»? - машинально спросил Заподлянский.

- Да, - заинтересованно ответила Пикова. - А ты что, то же туда захаживаешь? Это же наркопритон!

- Конечно же, нет! - возмущенно ответил проректор. - Просто предположил.

- Так вот, пришел он туда в дупель пьяный, а там была одна его студентка, которую он, помнишь, говорил, что хочет в аспирантуру к себе взять. Нашла какого-то мужика себе и потащила в этот клуб. И, видимо, приняли они ЛСД, так что вставило им весьма прилично и штырило их не по-детски. И привлекли они внимание местных бандитов-наркоманов. Мужик у них говорит: «типа, вали, а девчонку нам оставь».

- А он?

- Ты-то, конечно, ушел бы с превеликим удовольствием, ничуть не сомневаясь в правильности такого решения, - расхохоталась Адель Адольфовна. - Но это настоящий мужик был, а не заподлянский. Готов умереть за нее был, закрыл собой.

- И что?

- А вот тут самое интересное. Таких как эти парень с девкой в этом клубе легко можно списать в расход, найдут потом на помойке тело, одним висяком у полиции больше, одним меньше... Клуб-то ведь через подставных лиц министеру образования принадлежит...

- Неуж правда?

- Так говорят... Но ты меня перебил. В общем, чудо их спасло, в лице Карла Владимировича...

- В смысле?

- В прямом. Закрыл он собой этого мужика, когда нарик его ножом бил. Прямо в грудь профессора пришелся удар. Растеклась бордовая лужа по полу притона... Бандюки бежать: Барта все знают, его просто так не спишешь. Теперь скорее их тела на помойках нужно будет искать...

- Что он в таком авторитете? - удивился проректор.

- Типа да.

- Так он мертв?

- Вот это самое интересное. Бросились парень с девкой к нему, плачут, он их благословил на прощание, а потом сознание потерял. А мужик-то посообразительнее, чем девчонка, он принялся: кровь как-то не так пахнет!

- И что?

- Да то! Оказывается, в кармане пиджака профессора бутылка портвейна была, в нее нож и попал. Так что не кровь это разлилась, а портвейн. Сознание он потерял, потому что сильно бухой был — одного абсента поллитра только за вечер выжрал...

- Так он жив?

- Живее всех живых! - засмеялась Пикова. - Полиция приехала быстро, очень их это все позабавило, от них я и знаю об этом. Дела открывать не стали, но Барта, когда он в себя пришел, так это впечатлило, что решил он идти в наркологию сдаваться... А мужик с девчонкой вроде пожениться решили... Зачем только дуракам размножаться? Клевая история, правда?

- Типа да. Но ты думаешь, что Барта это все смутит? Он же наглый, скажет, что наоборот герой.

- Так он бросить пить решил. Уверенности прежней у него уже не будет.

- Это другое дело, - повеселел Заподлянский. - Мне как ректору лучше было бы его нейтрализовать.

- Да считай, что все решено! Кстати, знаешь, что он твердил все время, пока не пришел в себя?

- Что?

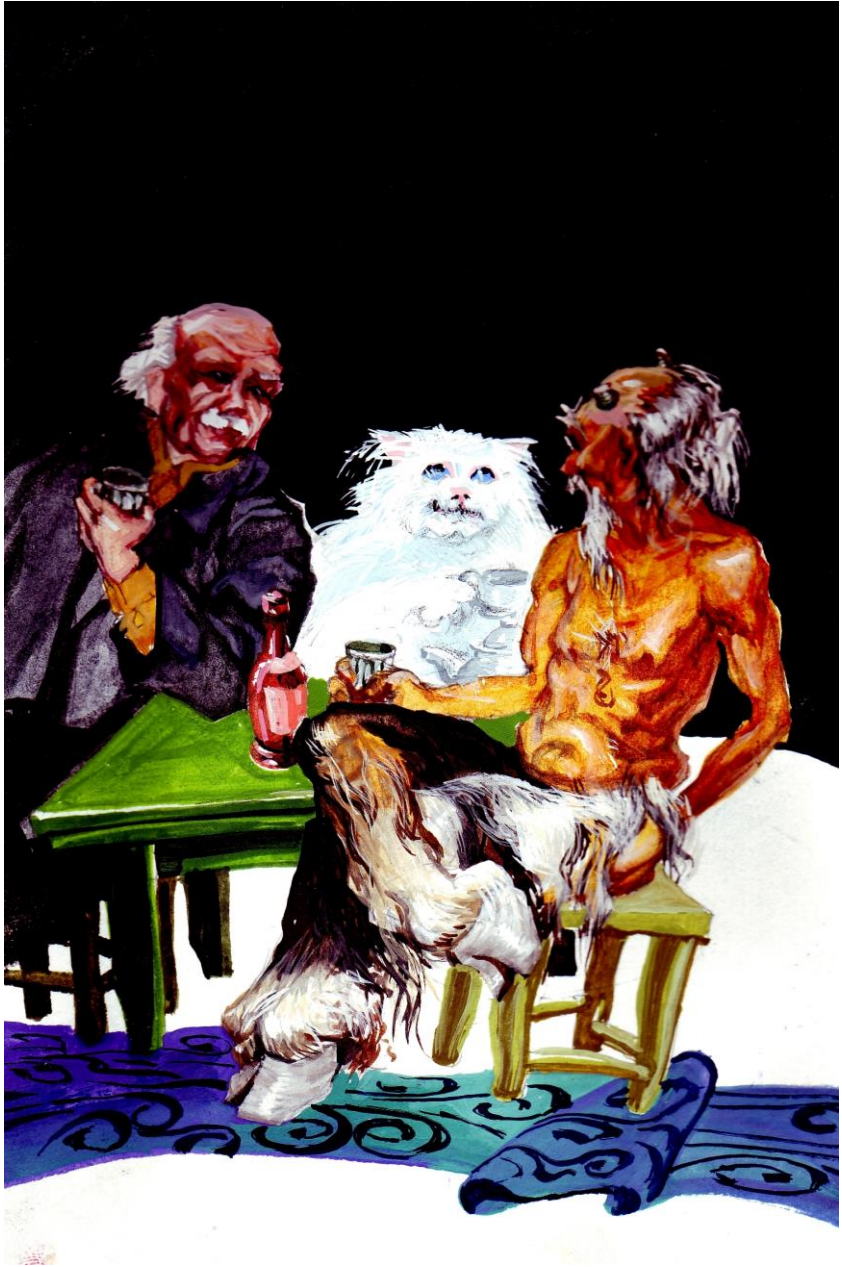
- Смерти нет, - передразнивая интонации Карла Владимировича, сказала Пикова.

Но Заподлянскому почему-то стало не смешно, а немного жутковато:

- Может быть, он видит что-то, что не видим мы?

- Попей с его, и ты увидишь! Короче, господин ректор, мы сделаем здесь такой университет, что никакая лизергиновая кислота нам не нужна будет: и так всех здесь будет штырить – будьте любезны!

И деятели образования и науки погрузились в обсуждение того, каким же на практике будет их идеальный университет будущего.

ЧАСТЬ II . PER ASPERA AD ASTRA

Отрок Эфесский

Карл Владимирович задумчиво сидел за своим столом в кабинете. Все было знакомым и одновременно каким-то не таким. Напротив него стоял Иван Николаевич Петров, озабоченно рассматривающий друга:

- Сколько ты говоришь уже не пьешь? - деловито спросил он Барта.

- Второй день, - все так же задумчиво отвечал тот. - После того события решил я отказаться от этого пакостного зелья раз и навсегда!

- Событие, что и говорить, неординарное, да и зелье дурное, но нельзя так резко завязывать тем, кто пил, как ты! - покачал головой Петров. - Что у тебя сейчас в голове?

- В голове чисто, а перед глазами туманная дымка. Мне кажется, что я отрок Эфесский, проснувшийся от смертного сна!

- Они, как ты помнишь, больше полутора сотен лет спали, - заметил Иван Николаевич. - А ты вообще-то веришь в эту историю?

- А почему нет? - спросил Карл Владимирович. - Что тебя в ней смущает? Середина третьего века, Римская империя. Император Декий проводит антихристианские репрессии. Несколько молодых воинов-христиан отказываются отречься от Христа. Их лишают знаков воинского достоинства, предупреждают о казни, если они не передумают, а потом отпускают домой, чтобы до казни у них было время одуматься...

- Вот это уже сомнительно, - покачал головой Петров. - Почему не побоялись, что они сбегут?

- Ну, у них же там типа слово воина, тем более, слово христианина...

- Наши бы ни за что не отпустили под подписку о невыезде того, кому через несколько дней смертная казнь предстоит!

- Так там не наши и были. Менталитет у них другой, вот как-то так... И потом: сбежав, они же имперской пропаганде какой козырь бы дали: христианство из смелых воинов делает презренных трусов и лжецов! Не могли они бежать!

- Ну, а дальше? Пошли они в эту пещеру, чтобы подумать о вечности и помолиться, один ходил на рынок за продуктами. Потом в какой-то момент, накануне казни, они обратились к Богу с просьбой, чтобы она их миновала, и уснули летаргическим сном. А император приказал заложить пещеру, чтобы эти парни, проснувшись, умерли от голода. Христиане же написали на свинцовых табличках их имена и историю и положили там же.

- И что тебя здесь смущает?

- Дальше смущает, - сказал Петров. - Прошло больше полутора столетий, хозяин горы решает расширить загон для овец; пещеру разобрали, но попасть в нее почему-то не смогли. А молодые люди проснулись, подумав, что заснули только вчера; и даже одежда их не истлела. Как такое может быть?

- Все может быть, даже с точки зрения современной науки. Катаlepsия ведь бывает... просто кроме этого – нет описанных случаев, чтобы она длилась так долго. Возможно, в пещере из-за того, что ее особым образом замуровали, сформировался определенный

режим воздуха, температуры и т. д., который не дал тлению коснуться ни до чего, что в ней было.

- А ты как был материалистом, так и остался! - засмеялся Иван Николаевич. - В чем же тогда чудо?

- Чудо, что их открыли в то время, когда это было полезно для Церкви. Иудейская секта саддукеев оказывала тогда огромное влияние на христианское мировоззрение, пытаясь на общецерковном уровне пробить положение о том, что воскресения мертвых нет. Чудо, что они сумели прожить после пробуждения ровно столько, чтобы увидеть императора и рассказать ему свою историю, хотя какая могла быть жизнь в их телах после такого продолжительного сна! В какой-то мере чудо даже то, что нашлась табличка, подтвердившая их слова.

- А ты не думаешь, что раз это все так вовремя совпало, то отроков просто придумали?

- В смысле разыграли спектакль, а актеров потом убили, чтобы все было поэффектнее? Не думаю. Не стали бы они рисковать, вызывая императора на такое представление. А потом: ты забыл, *кто* выступал против воскресения мертвых? Думаешь, *эти* не накопили бы доказательств, если бы что-то там было нечисто?

- Мне сложно судить...

- А мне легко, я-то знаю, о чем говорю! Это в советской школе тебя научили верить в глупость, а сомневаться в том, что ясно как свет!

- Это в какую, например, глупость?

- Ну, в эволюцию человека из обезьяны. Глупей ведь ничего не придумать: нашли кусочки костей разных существ, сложили из них скелет, дополнив недостающее методом реконструкции. Получился монстрик, которого называли предком человека, переходным этапом... И ведь на основании этого скелета,

которого не было, придумали быт, культуру этих существ...

- Ты знаешь, у нас деревня одна есть, там пьяницы в четвертом поколении живут, так там при желании и питекантропа найдешь, и синантропа и неандертальца, - засмеялся вдруг Иван Николаевич.

- Вот и я о том! - подхватил Барт. - Почему мировой капитал финансировал эти дурацкие экспедиции и вообще всю науку антихристианской направленности?

- И сейчас финансирует, нужно заметить!

- Про сейчас и речь молчит!

- Да понял я тебя, - согласился Петров. - Есть в твоих словах правда. Только вот скажи мне: с какого это перепуга ты вдруг отрок Эфесский? Умирать, что ли собрался?

- Я слышу ангельские трубы, - таинственно прищурившись, сказал Карл Владимирович.

- Да ты что! А еще что?

- Еще?... Шотландскую волынку, пение эльфов. Вижу фей, танцующих на зеленых лугах... Похоже, что я буду восхищен в мир духов...

- Похоже, ты белочку словил, друг мой! - покачал головой Иван Николаевич. - В больницу тебе нельзя: слишком большой козырь будет у твоих врагов. Ну-ка выпей вот это!

- Что это? - подозрительно посмотрел Барт на двухсотграммовую фляжку.

- Коньяк. Выпей половину, и я отвезу тебя домой. Там дам тебе водки с люминалом и воды, надеюсь, что ты заснешь... Ты ведь так и не спал, как проснулся после тех событий?

- Нет.

- Ну, вот видишь, надо тебя вытаскивать!

- Так я же решил не пить! - с сомнением посмотрел на фляжку профессор.

- Так это и не пить, а лечиться.

- Люминал – это типа фенобарбитал?

- Типа да.

... Следующие три дня Иван Николаевич ухаживал за другом. Когда тот, наконец, пришел в себя, сказал ему:

- Ну что, отрок Эфесский, теперь, если хочешь, можешь и не пить!

- Хочу, - кивнул головой Карл Владимирович.

Границы реальности

Барт критически осмотрел комнату, в которой провел последние дни.

- Ты что же, так и сидел возле меня постоянно? - спросил он Петрова.

- Нет, постоянно - это было рискованно: помнишь, ты меня учил, что самое главное правильно выбрать место, где укрыться?

- В смысле?

- В прямом: ты блевал часов тридцать подряд с небольшими перерывами так, что в этой комнате находиться не стоило. Но приходилось: тебе же нужна была вода, много воды.

- А чего же сейчас так подозрительно чисто в сравнении с тем, что должно быть, если придерживаться твоей версии происходивших событий?

- Прибрался уж разок за другом, чего уж там! - усмехнулся Иван Николаевич.

- А спал ты где?

- На раскладушке – на кухне.

- Понятно, - Карл Владимирович обессилено откинул голову на подушку. - Странная вещь: все как в ту мане было, и в то же время – такие ярчайшие образы... Меня события последнего времени заставили задуматься о гранях реальности.

- Да? Какие именно?

- Я, например, точно помню человека, который принес мне тетрадь своего умершего брата. Помню, как читал ее. И потом вдруг главная героиня повествования из тетради оказалась моей студенткой... Как это может быть?

- Попей с твое, и не то еще может быть! - обнадеживающе сказал Петров.

- Но самое интересное: тетрадь-то оказалась чистой! Но я ведь сам ее читал! И Павел... Он, получается, не умер...

- Ты знаешь, мне вспомнилась сейчас писанина одного человека, который вообразил, что землю захватили рептилоиды. В качестве одного из неопровержимых доказательств этого, он утверждал, что сам видел, как английская Королева превращается в рептилоида... Тебе это ничего не напоминает? Кстати, он еще описывал подробно психические болезни, которыми страдает...

- Тебе бы все хи-хи, а тут серьезный вопрос! - вскипел Барт.

- А раз серьезный, так перестань пить!

- Это да. А как ты думаешь, Мэримэ, то есть Марина, моя студентка, она и, правда, – фея?

- Когда лизергиновую кислоту примет, то да. А так нет.

- Слушай, мне нужно ухватиться за какую-то грань реальности, иначе у меня все так смешивается в голове...

- Ты чувствуешь, что тебе есть для чего жить?

- Не знаю даже... Это так сложно... Я ведь как в тумане жил последние годы. Мне не нравилось то, что я заведую кафедрой теологии - это слишком обязывает, ведь мной столько всего изучено об этом мире... И уйти сам я как-то не мог, пытался сделать так, чтобы меня выгнали, а все закрывали глаза...

- И?

- Для того чтобы жить ради идей я как-то уже староват и слишком много знаю... Может, мне попробовать помочь по жизни этим детям, раз уж оказалось, что я невольно их спас?

- Ну, мужику точно помогать не стоит: он не инвалид, в самом расцвете сил, пусть сам себе дорогу пробивает. А в отношении Марины... Ты ведь раньше говорил о том, как в молодости хотел, чтобы у тебя была дочь, но не случилось...

- Да, наверное, ты прав, - кивнул Карл Владимирович. - Только без всяких там высокопарных соплей!

- А про них никто и не говорит! Кстати, не хочешь подшиться или ввести внутривенную инъекцию, чтобы не пить?

- Не пить из страха смерти? А тем более, я ведь знаю, что эти препараты не работают...

- Какие-то не работают, а какие-то очень даже и работают. Сколько народа от них мрет!

- От самовнушения мрут, - устало возразил Барт.

- А может, нет. Откуда ты знаешь, что им вводят?

- Даже если это действительно: не пить, потому что боишься? Это как-то низко...

- Ну, почему боишься? Помнишь, у апостола Павла говорится о том, чтобы умереть для греха. Считай, что это будет твоя смерть для греха пьянства. И нельзя оборачиваться назад: обратишься в соляной столб как жена Лота. Тебе покажут наглядно, что произойдет, ес-

ли ты выпьешь. Но тут будут рядом врачи: наложат кислородную маску, введут преднизолон... А выпьешь - будешь самоубийцей!

- А если нечаянно выпью - кто-то подсунет спиртное? - усмехнулся профессор.

- Нечаянно не будет считаться! - уверенно заявил Петров. - Помнишь в Евангелии: если что и смертное испиют - не вредит им!

- Как нас на кафедре научного атеизма научили цитировать Библию, - улыбнулся Барт. - Ну, что же: и в этих твоих словах что-то есть. В любом случае пара недель от последней выпивки должна пройти до такого мероприятия, поэтому у меня еще есть время подумать.

Мэриэмэ у Пифии

- Что же, теперь ты – человек, - насмешливо сказала Пифия стоявшей перед ней Мэриэмэ.

- Почему же тогда я здесь? - спросила бывшая фея.

- Ты пока без сознания. Твоя душа носится там, где хочет быть... Или где должна...

- А что я вам должна?

- Нам? Скорее коту Карлу. Он окончательно решил раствориться в этом смертном, утратив свою личность.

- Разве так бывает?

- А как ты смогла стать человеком? Мы сами ничего не знаем. Знаю только, что вся книга жизни твоего Павла оказалась другой из-за нашего ученого кота.

- А что должно было произойти?

- Он должен был умереть. А ты успела бы убежать. И осталась феей. А мессир Карл умер за вас, чтобы дать вам шанс.

- Так он по-настоящему умер?

- А ты думаешь понарошку? Он отдал свои знания и опыт тому смертному, тоже Карлу, который читал историю вашей с Павлом любви. Кстати, вся эта книга оказалась стерта: теперь вам надо писать все по-новому!

- Почему стерта?

- Потому что ты существо из другого мира теперь. Потому что жених твой не умер. Потому что мессира Карла не вернуть... Кстати, его преемник решил бросить пить и хочет удочерить тебя... Не на бумаге: думает о тебе заботиться, ты смыслом его жизни будешь... - Пифия рассмеялась. - Забавные существа все же эти люди! А ты не жалеешь, что стала человеком?

- Нет. Я теперь не буду видеть наш..., то есть теперь уже ваш мир?

- В дурку не захочешь - не будешь, - с усмешкой ответила Пифия. - А если серьезно: кто же это знает? Только учти, что в мире смертных порядки не лучше, чем у нас, а то и похуже. Вот твой новый папаша работает вроде в университете, работа не пыльная, не у станка стоять. Поболтал чего-нибудь, написал бумажки, да и к стороне... Ан нет: его начальники служат тем силам, которые мучают и наш мир! Поэтому легко тебе там не будет!

- Где же реальность? - растерянно спросила Мэримэ.

- В этом ты уж давай сама разбирайся, Марина, - сказала Пифия.

- Почему Марина? - удивилась Мэриэмэ.
- Зовут тебя так теперь в мире смертных. Марина Карловна, - хихикнула Пифия.
- Почему Карловна?
- Догадайся с одного раза. Подарок от мессира кота на прощание. А теперь иди: ты уже приходишь в себя!

НОВЫЙ КОТ

Но перед тем как покинуть мир грез, Мэриэмэ ждала еще одна встреча. Не успела она придти в себя, как увидела кота - как две капли воды похожего на мессира Карла, но какого-то более благородного что ли.

- Это вы, сэръ? - робко спросила она.
- Все зависит от того, кого вы имеете в виду, - улыбнулся кот. - Я это я, но это не значит, что я именно тот я, который вам нужен.
- Вы мессир Карл? - с надеждой спросила девушка.
- А вот на это сложно ответить.
- Сложно? Почему?
- Потому что правильнее было бы сказать, что я уже - новый кот. Тот Карл умер, появился другой - в чем-то схожий с тем, но в чем-то иной...
- Вы говорите про переселение душ?
- Какая пошлость! Нет, конечно! Не бывает никакого переселения душ, пора бы уж это знать такой взрослой девушке! Кстати, не вздумай сказать жениху,

сколько тебе лет было в нашем мире! - назидательно сказал кот.

- Это не стоит, - согласилась Мэримэ.

- Так вот, переселения душ нет...

- А как же воспоминания людей о жизни, которую они прожили сотни лет назад, возникающие с мельчайшими подробностями?

- Это потому что темные духи, которые мучают все миры, кроме мира Света, могут жить в этих людях как в домах. Они-то эти воспоминания сохраняют и могут рассказать тому, в ком живут в данный момент. При этом несчастный будет считать, что это его собственные воспоминания. Кстати, многие из подлунного мира называют светом владыку мира темного...

- Но как вы тогда не умерли, если вы смертны и у вас нет бессмертной души?

- Ты, видимо, совсем все забыла о нашем мире, - засмеялся кот. - Неуничтожимость материи, новые формы существования - в виде фантазии, воспоминания, мечты... Впрочем, это лишь аналогии, которые не передают, конечно, сути моей новой формы бытия. Кот Карл умер, так как умерло то, что было в нем самым существенным - его пьянство, которое составляло стержень его существования. Но он и не умер, потому что взамен негодного стержня появился новый...

- Любовь и самопожертвование? - со слезами спросила Мэримэ.

- Ты знаешь, я не люблю таких высоких слов, - нахмурился кот.

- А как вы связаны с тем профессором из подлунного мира?

- Хочешь спросить - не жил ли я в нем? Нет, конечно, я же не темный дух. Это просто некоторая духовная общность существ из разных миров, питающая силы обоих.

- Можно ли сказать, что вы моя фантазия?

- Откуда в тебе столько позитивизма, ты же еще едва человеком успела стать? - удивился кот. - Ты же читала «Диалектику мифа» Алексея Федоровича Лосева? Помнишь, как он писал: «позитивизм есть попросту пошлейший нигилизм и религия дыромоляйства. Говорили: идите к нам, у нас - полный реализм, живая жизнь; вместо ваших фантазий и мечтаний откроем живые глаза и будем телесно ощущать все окружающее, весь подлинный реальный мир. И что же? Вот мы пришли, бросили «фантазии» и «мечтания», открыли глаза. Оказывается - полный обман и подлог. Оказывается: на горизонт не смотри, это наша фантазия; на небо не смотри - никакого неба нет; границы мира не ищи - никакой границы тоже нет; глазам не верь, ушам не верь, осязанию не верь... Батюшки мои, да куда же это мы попали? Какая нелегкая занесла нас в этот бедлам, где чудятся только одни пустые дыры и мертвые точки?»

- Я поняла... Мы увидимся еще?

- По ходу, - усмехнулся кот.

- И еще вопрос: в Библии, где про Новое Небо и Новую Землю - это про вас?

- Ну, что ты! Это про другое. А я просто новый кот.

Си Бемоль

Карл Владимирович всегда чувствовал себя в кафедральном соборе немного не в своей тарелке... Здесь постоянно было полно случайных людей, которые пытались свои чисто житейские проблемы переложить на высшие силы, чтобы те их за них благополучно решили, ну, а они им за это, так и быть, свечечку купят, молебен закажут или чего там еще надо-то? Говорить им что-то было в высшей степени бесполезно: этот народ не слышал абсолютно ничего из того, что им говорили, кроме того, что слышать хотелось: от зубной боли свечку к этой иконе, чтобы деньги водились этому молебен заказать и т. д. Такая профанация раздражала Карла Владимировича необычайно. То ли дело в той приходской церкви, в которую он ходил: там люди понимали, куда они пришли и зачем.

Барт не ходил бы в собор, но здесь работал псаломщиком его друг - Валериан Сергеевич Водкин, по прозвищу «Си Бемоль». Валериан Сергеевич работал в свое время на кафедре научного атеизма, а в начале девяностых, оставшись без работы, решил вдруг сходить в церковь. И так ему здесь понравилось, что так он и стал сначала постоянным прихожанином собора, а затем и псаломщиком. Прозвище же свое Валериан Сергеевич заслужил тем, что имея громкий резкий голос и более чем посредственный слух, не раз вызывал нареkanie певчих за свое пение. Обладая при этом еще и навыком диалектики, Водкин возражал им - они ничего не понимают: на самом деле его пение между нот - это гармонизация, вообще он композитор, только об этом пока не знают, но вообще-то в будущем все композиторы такие будут. Надо, чтобы за ним бегал кто-нибудь и записывал ноты, так как он улучшает существующие

музыкальные произведения. После такого пассажа Водкина и прозвали Си Бемолем, на что он, впрочем, не обижался, так как смотрел на жизнь философски: разве можно обижаться на несчастных, которые, даже напрягши все свои извилины, не смогли бы найти разницу между диалектическим и историческим материализмом.

Валериан Сергеевич любил иногда философствовать на публику, однажды его, как человека образованного, даже выпустили сказать проповедь. Некоторые старые священники ворчали, что негоже простому мужику, который не от священного чина, говорить с амвона. Но более прогрессивный настоятель привел им пример лавры, где проповеди говорят студенты духовной академии, чем и посрамил их.

И вот в один из воскресных дней, когда архиерей уехал служить куда-то на приход, Валериан Водкин, облачившись в стихарь, вышел на амвон.

- Дорогие братья и сестры! - прочувствованно начал он. - Как говорил великий Карл Маркс, «религия - это вздох угнетенной твари, религия - это душа бездушного мира, религия - это цветы, которыми украшаются кандалы, религия - это опиум народа». И нужно заметить, что во времена Маркса опиум считался лекарством! Но ведь религия - это всего лишь внешний покров веры. Мы ходим в храм, но имеем ли мы веру? И если мы не верим в Бога всей душой и всем сердцем, то как мы можем ждать от Него помощи? Мы видим много примеров, когда невозможное для человека совершается и по вере, источник которой не в Боге, а в силах противных Ему. И речь не только об оккультистах. По характеристике Ж.П. Сартра «атеист - это маньяк, одержимый Господом Богом настолько, что всюду видит Его отсутствие, рта не может раскрыть, чтобы не

упомануть Его имени, одним словом это господин с религиозными убеждениями». И история свидетельствует о множестве действительно великих свершений богборцев, когда за период с Французской революции 1789 года политические и экономические свершения, научные открытия были по-настоящему грандиозными. Мы знаем о людях, в мучениях отдавших свои жизни во имя этих идей, и ведь какая-то часть из них, наверное, была искренней в этом порыве, вспомним Александра Матросова и Зою Космодемьянскую.

Так неужели мы, находясь в Церкви Христовой, не обретем той веры, которую обрели атеисты? Митрополит Антоний (Блум) писал, что ни один человек не может уверовать в Бога, пока не увидит на лице другого сияния вечной славы. Но каждый христианин, если он правда христианин, знает, что Сам Бог настолько в него поверил, что стал Человеком, претерпел крестную смерть и воскрес, чтобы спасти каждого из нас.

А чем мы отвечаем на эту веру Бога в нас? Мне вспоминается эпизод из романа английской писательницы Шарлотты Бронте «Джен Эйр». Там за девочкой, чтобы забрать ее в закрытую школу, приехал мистер Брокльхерст - мерзкий такой святоша. И вот он ее спрашивает: «Любишь ли ты псалмы, Джен?» Она: «Нет, сэръ, они скучные». Он: «Какой ужас! Я знаю одного маленького мальчика, он младше тебя. Так он так любит псалмы, что когда его спрашивают: «Что ты больше хочешь? Съесть пряник, или выучить стих из псалма?», не задумываясь, отвечает: «Конечно же, выучить стих из псалма! Ведь псалмы поют ангелы, а я хочу уже здесь на земле быть маленьким ангелом!» И тогда он получает два пряника за свое благочестие!» Так вот, дорогие мои, пока мы ждем два пряника за свое благочестие, не

видать нам от Бога Его неизреченных даров, как своих ушей!

Водкин отнесся к проповеди весьма ответственно, он даже уложился в те пять минут, которые ему определил настоятель кафедрального собора, и говорил просто и образно. Но вот духовенству проповедь его не понравилась, поэтому посрамлен оказался настоятель, который более уже не дерзал выпускать псаломщика на амвон.

А протоиерей Василий даже подошел к Валериану и сказал:

- Это ты меня задумал обличить? Видел, что мне прихожане сумку с пряниками сегодня принесли?

- Да нет, при чем здесь твои пряники, это же образ, - попытался возразить Водкин, но священник его не слушал:

- Анчутка ты, как и твой возлюбленный Карл Маркс! Великий еще! У нас в церкви, если хочешь знать, Василий Великий, а не какой-то там!..

И в конец разобиженный священник ушел, не желая ничего слушать. Да и из прихожан проповедь понравилась одному лишь Карлу Владимировичу, который услышав ее как-то по-новому взглянул на бывшего коллегу и стал иногда заходить к нему в собор, чтобы посоветоваться. Вот и в этот раз его привело сюда именно желание поговорить с псаломщиком.

Диалектика

Валериан Сергеевич всегда был рад увидеть коллегу. Вот и сейчас, увидев его, он заулыбался и с распахнутыми объятиями пошел навстречу:

- Карл Владимирович, дорогой, какая радость!

Друзья пожали друг другу руки и по обычаю трижды расцеловались.

- А помнишь, как ты тогда про диалектику объяснил тому священнику? - вдруг спросил Барт, не любивший сразу переходить к сути вопроса, а предпочитавший сначала поговорить о чем-то не таком сложном.

- Ну как же не помнить? - засмеялся Водкин.

История была и правда забавная. Валериан Сергеевич тогда доказывал священникам в алтаре, что для падшего мира три основные принципа диалектики - единство и борьба противоположностей, переход количества в качество и отрицание отрицания - работают как часы; а один из его собеседников, закончивший когда-то университет, но потом осознавший «пагубу знания мирского, умножающего печаль и обратившегося на пажить духовную», как сам он о себе рассказывал, яростно ему оппонировал.

- Отец Харлампий, так ведь я и не говорю о том, что мы можем говорить о дуализме. В идеальном мире нет единства противоположностей, нет их и в Церкви Христовой, как Богочеловеческом Теле. Зло и добро четко разделены, борьба между ними идет, и это никогда не приводит к их единству. Но в мире падшем и материальном зло и добро тесно перемешаны, здесь очень много полутонов, светотени, иногда трудно даже сказать, где добро и где зло, настолько все расплывчато. Здесь противоположности могут бороться внутри даже отдельно взятого человека, будучи едины через единство их носителя...

- Вся эта философия, Валериан Николаевич, до добра не доводит! - назидательно сказал отец Харлампий. - Ибо непотребство сие есть, кое срамно и глаголати. Но вот по второму принципу диалектики, что вы скажете: про переход количества в качество? Как из кучи дерьма можно получить шоколадку?

Водкин хотел было сказать, что имелось в виду нечто иное, но под испытующими взглядами духовенства решил созоровать:

- В падшем мире это вполне возможно!

- Как? - не унимался оппонент.

- Очень просто. Определенное количество дерьма здесь может иметь рыночную стоимость равную стоимости определенного количества шоколада!

Громкий смех священников показал, что псаломщик вышел победителем в споре, но он решил окончательно добить противника:

- Это подтверждает и третий принцип диалектики - отрицание отрицания. Сначала вы отрицали возможность перехода количества в качество, но теперь, под столь бесспорными аргументами вынуждены отрицать само отрицание!

И важно удалился.

- Диалектика - великая сила! - уважительно сказал ему вслед отец Силуан, имевший незаконченное среднее образование.

... Валериану Сергеевичу нравилось вспоминать этот эпизод, вот и сейчас он от души посмеялся.

- Но ведь ты же не за этим ко мне пришел? - сказал он, наконец, Барту. - Рассказывай, что тебя мучает?

Два друга отошли в конец собора, присели на лавочку, и Карл Владимирович начал говорить.

Поцелуй Свинчутки

- Сложный твой рассказ, друг мой, - сказал псаломщик после того, как Барт в течение более чем часа рассказал ему свою историю.

- Ну, а ты мне что скажешь?

- Отец Харлампий сказал бы тебе так: «Хоть волосы ваши седы, но глаголы ваши - глаголы неразумного отрока, но не мужа убеленного сединой. Непотребно профессору допиваться до такой степени, чтобы аки

свину бессловесному путешествовать в inferнальные миры...

- Что-то сленг у тебя не выдержанный в одном стиле, - хмыкнул Карл Владимирович.

- Ну, так я и не отец Харлампий. Да и у него, честно сказать, не всегда получается: все-таки университет когда-то закончил.

- И??

- Я вот что скажу: пить-то тебе, конечно, стоит бросить. Но в отношении того, что то, что с тобой произошло — однозначно плохо - это еще можно поспорить. Видишь, какой-то смысл жить у тебя появился.

- А как ты думаешь - то, что со мной, было - это правда или галлюцинации?

- Я вот тебе расскажу байку одну, которую у нас под большим секретом по епархии рассказывают. И то же не знают - правда это или нет. Новый архиерей, когда его назначили, решил всю память о старом вытравить. Вплоть до того, что дом, в котором тот жил по бревнышку раскатал, и даже фундамент распорядился на метр срыть...

- А бревна сжег? - усмехнулся Барт.

- Кто его знает? Может, посчитал, что это колдовские бревна и продал их папам Карлам для изготовления Буратин. Но это смех, а история - не смешная. Была у нас часовня в центре города, недавно ее построили, хорошая такая с крестом, иконой. И вот пришел к архиерею как-то один очень влиятельный в нашем городе, а поговаривают, что и во всем мире, человек - с необычным предложением. Говорит: снесите эту часовню, и постройте на ее месте собор. А денег я вам дам. И сумму назвал с такими нулями в долларах, что у архиерея аж голова закружилась.

- А какие гарантии, что вы эти деньги дадите? - спрашивает.

- Да любые! - отвечает визитер.

Через три дня были гарантии трех иностранных корпораций, что они готовы выделить благотворительную помощь на строительство собора при условии сноса часовни. И, представляешь, снес епископ часовню!

- А почему никакого шума не было в городе?

- Потому что все, кто может шуметь, служат тому, кто такое предложение сделал или тем, кто ему служит, или тем, кто служит тем, кто служит тем, кто ему служит... Так вот после сноса подошел этот человек к епископу и говорит:

- Теперь ты такой же, как я! Дай я тебя поцелую!

Поцеловал он его и по щеке еще потрепал.

- А что с деньгами? - тот спрашивает.

- О! Деньги теперь для тебя - не проблема!

А через три дня почувствовал архиерей резкое ухудшение здоровья. Пошел к врачу, а у него онкология - уже тройка и прогноз неблагоприятный. И человек тот тут как тут, недовольный такой:

- Я не предусмотрел некоторых вещей, - говорит. - Видимо, сан ваш много что значит. Я-то думал, что вы после моего поцелуя станете таким же, как я, мы с вами все церкви понемногу под казино и публичные дома перепрофилируем, ну или снесем хотя бы, а у вас вот вместо этого рак начался, шанс ваш вернуться к вашему Богу...

Архиерей перепугался, но спрашивает:

- А что с собором?

- О, это извините! - и дает письма, что из-за режима санкций корпорации теперь не могут выполнить ранее взятые обязательства.

- И что же с епископом? - спросил Барт.
- Месяц уже сидит взаперти, никого не принимает, через келейника с миром связь держит, - задумчиво сказал Водкин.
- Но правда ли это?
- Кто ж его знает? Может - да, может - нет. Как и то, что с тобой было. Но люди говорят...
- А кто хоть к нему приходил? Имя у него есть?
- О, да! И имя и отчество и фамилия - Борух Никанорович Свинчутка.

«Это Амур крыльями машет...»

В одной из университетских аудиторий сидели две чем-то похожие друг на друга блондинки. Одна из них, Марина, только что была принята в аспирантуру. Вторая, Лера, на два года младше, еще была студенткой. Они познакомились недавно в ночном клубе, Марина еще приревновала к Лере своего жениха. А теперь девушки подружились и сплетничали о всякой ерунде. Из открытого окна с улицы доносилась дурацкая песня:

«Знай: это любовь, это Амур крыльями машет»...

- Кстати, про любовь, - доверительно наклонилась Марина, - мне про одного нашего профессора тут такое рассказали... Не буду имя его называть...

- Но мне-то можно!

- Ладно, - кивнула Марина и тихо прошептала что-то в ухо подружке.

- Да ты что! - воскликнула та.

- Вот именно. Представляешь, был такой патриот, выступал везде, статьи писал. А тут влюбился в амери-

канскую журналистку Джейн Догс, да так, что английский язык специально выучил, чтобы суметь с ней поговорить, если что.

- А до этого не знал?

- Куда там! Говорил всем, что не учит буржуйский язык, потому что ему это типа запахло и засорение его сознания. Но думаю, что ларчик проще открывался: тупой он просто и к языкам не способный, а признаться не солидно как-то: все-таки профессор!

- Но тут выучил?

- Стимул был, - засмеялась Марина, - впрочем, выучил, все равно, не пойми как. И написал он ей письмо для начала, что так он ей восхищен, что изменил свое отношение даже к американскому империализму...

- Погоди, а это не та чудная тетка, над которой все смеются?

- По ходу та, но ему-то она казалась необыкновенной и распрекрасной.

- И она ему ответила?

- И не просто ответила: решила его в Белый дом сводить, чтобы президент их там принял и проникся, какая Джейн заслуженная, что красота ее мир спасает.

- Не уж президент согласился? - скептически пожала плечами Лера.

- В том-то и дело, что да. Но дальше — самое смешное. Профессор-то неловкий такой, под ноги не смотрит. А при входе в Белый дом какая-то собака нагадила, он в это дерьмо и вступил.

- И что?

- Да ничего. Вытер еще его о любимый ковер первой леди. В общем, выставили это так, что это провокация русских, которые использовали лучшие чувства американской девушки для того, чтобы втереться в до-

верие к американской элите и измазать дерьмом семейные ценности президента!

Подруги долго смеялись.

- Ну, ему хоть ничего не было? - вытирая выступившие от смеха слезы, спросила Лера.

- Ну, это как сказать. Джейн с ним теперь не общается, он переживает страшно, на десять килограммов похудел...

- Погоди, а правда ли это?

- Не знаю даже, мне Паша рассказал...

- Он у тебя еще тот пересмешник, поди наврал! А у меня тут по-настоящему было смешно. Прикинь: вызывает меня наш ректор, Кака Заподлянский, и говорит, что так проникся красотой моей неземной, что хочет мне что-то подарить необыкновенное.

- Это что-то новенькое: он ведь – жмот известный.

- Ты слушай дальше. Говорит: подарил бы я Вам бриллиантовое кольцо, только нет таких драгоценностей, настолько же прекрасных как Вы, да и ведь могут его у вас украсть, да и небезопасно девушке носить дорогие вещи. Шуба - по той же причине отпадает. Конфет хотел бы подарить - только сладкое вредно.

- Чего же подарил? - давась от смеха, спросила Марина.

- Программу модернизации образования с автографом министра.

Подруги опять зашлись хохотом.

- Теперь он от тебя не отстанет, - серьезно сказала Марина. - Ведь столь ценный подарок надо отработать.

- Да не взяла я эту дрянь. Сказала, что если так уж хочет туалетную бумагу подарить, пусть хоть на ней типографской краски не будет.

- А он?

- А что он? Хорошее, говорит, у вас чувство юмора. Нашлись, как не принять столь драгоценный подарок. Но мы все равно будем общаться.

- Ну-ну. Кстати, Лера, хотела тебя спросить: как твое полное имя: Калерия, Валерия?

- Лориэль.

Марина вздрогнула, на языке у нее вертелся вопрос, но задать его она не решилась.

Маска

Лориэль, повернув кольцо на пальце, оказалась в замке герцога.

- Надо же, кто к нам пожаловал! - с деланным удивлением сказал тот. - И чем обязаны?

- Да ну их, уперся этот мужик, Мэримэ ему, видите ли, нужна. А я чем хуже?

- Я не ставил бы вопрос так хуже или лучше. Он в иной плоскости: ты - это не она, вот и все. Эти двое вышли из законов нашего мира, вообще у них все теперь непонятно... Но ты можешь попробовать с ними поиграть!

- Как?

- Ты можешь отправиться с ними в их мир под видом человека.

- То есть я стану человеком, как Мэримэ?

- Конечно, нет. Это чудо, а я специалист по фокусам. Но я могу дать тебе то, что в принципе может дать любая нормальная спецслужба и в мире людей: хорошую легенду, под которой ты внедришься в окружение Павла и Мэримэ (кстати, она теперь Марина) и можешь попробовать разбить их отношения.

- А смысл?

- А разве того, что это просто прикольно, и ты сможешь пожить в новой маске в новом мире, недостаточно?

- Типа не очень.

- Не романтичная ты натура, - усмехнулся герцог.

- А если поставим вопрос так: их дальнейшая судьба много значит и для нашего и для их мира, и мне, и тем, кто намного выше меня хотелось бы, чтобы не было у них никаких розовых соплей, а разбежались они, и разочаровались в любви?

- А что это изменит?

- Не скажи: если у одного человека умрет любовь в его сердце, это уже многое изменит, а если у двух, то это существенно упрочит власть над землей могущественных сущностей, контролирующих и наш мир, про которых такие наивные чудаки как Пан говорят, что они нас мучают. Мучают слабых, а сильных делают сильнее. Так ты готова?

- Можно попробовать, - кивнула Лориэль. - И кем я буду в их мире?

- Студенткой. И заметь: там тебе будет двадцать лет.

- Годится! - кивнула эльфийка. - Меня как-то последнее время стало жутко напрягать то, что мне триста восемьдесят лет.

- Триста восемьдесят шесть, если быть точнее, - усмехнулся герцог. - Так договорились?

- Да.

- Для усиления эффекта мы не будем придумывать тебе псевдонима. Там тебя будут звать Лера. Но

если Марина напрямую спросит твое полное имя, ты будешь должна сказать, что ты - Лориэль.

- А ее это не насторожит?

- Конечно, насторожит, но думаю, что дополнительные вопросы она не решится тебе задать.

Необычный разговор

Карл Владимирович, выйдя из собора, подумал, что, пожалуй, перестанет он лучше пить на будущей неделе, а сейчас выпьет еще немного. Зайдя в магазин, он купил две бутылки коньяка, три бутылки водки, несколько апельсинов на закуску и отправился домой. Первый стакан коньяка он выпил залпом, не закусывая, сразу налил второй. Выпив его, съел дольку апельсина, достал сигарету и умиротворенно закурил...

Он пил затем уже водку какое-то время, затем заснул прямо за столом. Проснувшись, он увидел, что сидит за столом не один. Напротив него за столом сидели фавн и огромный черный кот в очках в золотой оправе. Оба с интересом разглядывали профессора, как какой-то диковинный экспонат.

- Ну что, Карлуша, - ласково сказал фавн, - наливай, раз уж такая пьянка пошла.

Барт ошалело смотрел на них и не знал, что делать.

- Вот бутылка, вот стаканы. Давай скорее!

Профессор как на автомате налил фавну стакан коньяка и хотел налить коту, но тот жестом остановил его:

- Я не пью!

- А я вот пью! - усмехнулся фавн и залпом осушил стакан. - Ну, за знакомство! Меня зовут Великий Пан!

- А меня...

- Да знаем мы тебя, чего ты нам будешь рассказывать, - засмеялся Пан. Мессир, - обратился он к коту, - вам не запаadlo, что у вас связь в мире людей именно с таким человеком?

- Запаadlo, конечно, - грустно сказал кот, но каждый имеет то, что он заслужил. Я сам был не намного лучше...

- Но лучше же? - торжествующе воскликнул фавн.

- Может, и нет, - улыбнулся кот. - Карл Владимирович, - обратился он к Барту, - зачем же опять так свинничать?

- Карл Владимирович он будет, когда протрезвеет, а пока с него и Карлуши будет довольно, - встрял Пан, налив себе стакан водки, который тут же выпил.

- Не в этом суть, - досадливо отмахнулся от него лапой кот. - Ну, так что, Карл Владимирович, мы бросаем пить или как?

- Вы - галлюцинации? - сдавленно спросил Барт.

- Называйте это как хотите. Если галлюцинации, то хорошие, потому что хотим, чтобы вы выполнили свое предназначение в этом мире, а не стали тем, в кого я никому не пожелал бы превратиться.

- Какое предназначение?

- Радует, что первый вопрос выбран правильно, - удовлетворенно улыбнулся кот. - Вы должны будете помочь Павлу и Марине.

- Я это и собирался...

- Собирался он! - передразнил фавн. - Эх, Карл Владимирович, хороший ты мужик, но пьянка тебя погубит!

- Может, и нет, если он сейчас все правильно решит, - возразил кот. - Ну, так и что?

- Я готов им помочь! - кивнул профессор.

- А чтобы вы не думали, что погубит — это просто смерть физического тела, как в вашем мире при употреблении алкоголя при наличии некоторых подкожных инъекций, то смотрите: сейчас ваш аналог в нашем мире - это я! - важно произнес кот.

- Не очень обнадеживает! - грустно усмехнулся Барт.

- Ну, во хамло! - взвился Пан. - Покажи ему тогда, кто будет его аналогом в нашем мире через два года пьянства!

- Это твоя специфика, - грустно сказал кот. - Показывай.

- Так у меня есть два года подумать? - с надеждой спросил профессор.

- Возможно, но они пролетят как миг. Лучше смотрите.

И Барт вдруг наглядно увидел мерзкого старого черного хряка, который ходил вокруг волшебного дуба, золотую цепь с которого давно пропил и, похлебывая какое-то отвратительного вида пойло из корыта, закусывал его гнилыми желудями. На его шее висела табличка «академик» и несколько орденов.

- Лучше просто умереть, - вздрогнул профессор. - И простите за «не очень».

- Так что решаем?

- Завязываю! - махнул рукой Барт.

- Ну и отлично! Завтра вы проснетесь как новый, а пока выпейте напоследок с Паном, попрощайтесь со старой привычкой. Да: и возьмите листы бумаги и ручку, можете нас проинтервьюировать, мы вам расскажем про нефилимов и про Атлантиду.

- Это правда, что вы расскажете? - загорелись глаза Карла Владимировича.

- Смотря, что считать правдой, - усмехнулся кот.

... Утром Барт проснулся на полу. В квартире никого кроме него не было. На столе стояли пять пустых бутылок, причем было видно, что пили из двух стаканов. Рядом с ними лежали исписанные листки. Станным образом ничего не болело. «Я должен больше не пить!» - подумал профессор.

Прозрение Нового Мира

Карл Владимирович вновь был в своем университетском кабинете. Что-то в нем изменилось после ночного разговора, о котором он и сам с уверенностью не мог сказать – был ли этот разговор или это привиделось его замутненному сознанию. С другой стороны: он чувствовал себя так, как будто и не пил вовсе... Его размышления прервал Александр Иванович, заглянувший в кабинет:

- Можно?

- Заходите, конечно, - обрадовался Барт. Говорить о ночных событиях ему не хотелось, но была острая потребность просто поговорить о том, что волновало его в последнее время.

Друзья перекинулись парой ничего не значащих фраз, и Карл Владимирович начал говорить:

- Много думаю над тем, о чем мы с вами говорили: человек - часть земной природы, являющейся единым целым, почему и стало возможным из-за грехопадения человека изменение всей природы - если мозг болен раком, то он отравит весь организм. А если рассматривать это так, как часто делается, что человек - царь природы, и она вся должна отвечать за его грех, то хотя это и может найти аналогии в жизни, когда подчиненные страдают за грехи начальника, но однозначно противоречит принципу Божественной справедливости. А вот если подходить с позиций холизма, то здесь многое проясняется. В «персти земной», т.е. основе творения человека, возможно, были заложены не только элементы земли, в которую превращается тело человека после окончания разложения, но и «гены» всех животных. Поэтому некоторые животные анатомически более похожи на человека (свиньи и обезьяны), а другие имеют характерологические черты сходства только с отдельными людьми - благородные львы, верные лебеди, птицы, поющие последнюю песнь ценой своей жизни. Поэтому первый человек, как существо, несущее в себе всю информацию о земле и населяющих ее существах, и называется царем природы. В отношении грехопадения - оно было именно в опытном познании добра и зла - например, знание о том, что опьянение сопровождается тем-то и тем-то не изменит человека, пока он не начнет пить и т.п. И это привело к реальным физическим изменениям сначала человека, а потом и всего мира, органичной частью которого он являлся, как принятый мышьяк отравляет весь организм, а не какую-то его часть. Мне кажется, что вот эту мысль нуж-

но бы сейчас развить с разных позиций - теологической, естественнонаучной, культурологической...

Александр Иванович подумал немного и, не глядя на Барта, задумчиво произнес:

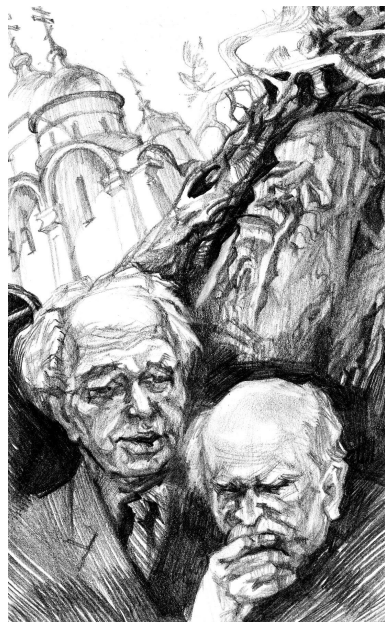
- По поводу ваших рассуждений о грехопадении человека и влиянии его на природу. Не знаю, смотрели ли вы фильм «Аватар». Очень советую. Там показан интересный мир, в котором, хотя и существует убийство (охота животных и людей друг на друга), но все живые существа живут в гармонии, уважают друг друга, умеют общаться с душой планеты - общей праmaterью, породившей все формы жизни и до сих пор объединяющей все формы жизни в единое гармоничное целое. Одновременно с ними показаны земные люди, пытающиеся колонизировать эту планету. Среди земных людей есть достойные люди с большой душой, а есть те, светлые душевные порывы которых ограничены возможностью добывать ценные полезные ископаемые на этой планете, ради них они готовы превратить этот рай в пустыню. Это очень напоминает наши разговоры о возможности существования планет, где людей не коснулось грехопадение. Я все больше начинаю верить в некоторые «интернетовские бредни», что когда-то первых людей на земле совратили пришельцы-рептилоиды - раса космических паразитов, которые до сих пор живут среди нас и влияют на жизнь всей земли. Мне кажется, история Земли, напоминает историю, описанную в фильме «Аватар».

- Какие разные, однако, ассоциации вызывают художественные произведения, в том числе фильмы! - засмеялся Барт. - Мне «Аватар» напомнил про американский империализм второй половины 20 века, про более раннее ставшее нарицательным киплингское «бремя белого человека», связанное с экспансией Бри-

танской империи, и все... Во всяком случае, историю Земли этот фильм мне не напоминает... Я согласен с Вами, что можно рассматривать планету Земля, как единый организм, и это логично объясняет тогда, почему грехопадение человека поразило всю Землю. Но вот утверждать, что у планеты есть душа - я думаю неправильно. Здесь более близок к пониманию правды был, по-моему, Вернадский, рассматривавший человека, как мыслящую часть планеты, своего рода ее «мозг». Понятие «душа», конечно, шире; может быть, у планеты есть Ангел, который ей управляет, но творил новые формы жизни из земли не он, а Сам Бог. И странно, почему Вы не хотите назвать «пришельцев-рептилоидов» присущим им названием «демонов»?

Вдруг перед глазами Барта возник Великий Пан, который обиженно спросил его: «Это что получается: и я - демон, что ли?» А Александр Иванович ответил ему очень пространно:

- Пришельцев-рептилоидов нельзя назвать демонами. Демоны бестелесные, а эти по земле ходят, но землю своей родиной не считают, как некоторые россияне не считают своей родиной Россию. Есть в интернетовских дебрях такая легенда о том, что среди нас ходят мутанты, генотип которых несет на себе следы пришельцев. Земля для них, как птичье гнездо для кукушат. Они его не ценят. Их цель - переделать землю («мы наш, мы новый мир построим...»), превратив ее в техногенный потребительский «рай». Если в этой легенде есть доля истины, то многое становится понятным. Чуждое для планеты мышление, разрушающее ее, - это как вирусная инфекция, поражающая души людей, отвращающая их от живой красоты, убеждающая в том, что искусственные синтетические сады из стекла и бетона красивей естественных земных лесов.

Насчет планетарной души - был у Вернадского друг за рубежом - епископ Пьер Тейяр де Шарден. То, что Вернадский не договаривал, Шарден говорил прямым текстом. Его книга «Феномен человека» в свое время в корне перевернула все мое осмысление теории эволюции. Много стало понятным. Хотя он и был епископом, но в то же время в теории эволюции не видел ничего антирелигиозного, за что и не был понят своими собратьями. Он смотрел на мир как на единое Божественное целое, эволюцию считал продолжением акта творения Вселенной, а целью эволюции жизни на планете считал достижение ею особого состояния, которое он назвал точкой Омеги, когда планета осознает себя как мыслящее существо космических масштабов. Когда мы говорим о душе, надо четко определять, имеем ли мы в виду только человеческую душу, или хотим понять, в чем суть этого феномена. Когда ученые заявляют, что животные не имеют разума (в научном мире не принято говорить о душе), то они, обычно, имеют в виду человеческий разум. Тут я согласен, у животных нет человеческого разума. Но когда они доводят свои рассуждения до логического заявления, что животные подобны автоматам, роботам, машинам, я перестаю их понимать. Давайте определим, что вы понимаете под душой, и что я вкладываю в этот термин, тогда можно будет рассуждать на эту тему. Вполне возможно, что придется как-то обозначить другим словом тот феномен, который присущ и животным, и человеку, и планете, чтобы никого не раздражать, применяя слово душа к нечеловеку (хотя, вообще говоря, русское слово «одушевленный» применимо не только к человеку).

Карл Владимирович вдруг наглядно представил, как посетивший его ночью кот возмущенно говорит:

«Что это получается, у меня души, что ли нет?» Он улыбнулся про себя, а вслух сказал:

- Согласен с тем, что определиться с терминами крайне важно. Ведь изначально язык человечества был одним, а термин «Слово» сейчас наполняется противоположным смыслом, как и термин «Свет». Слово - в Евангелии имя Бога, Второго Лица Святой Троицы, создавшего мир и воплотившегося во Христе, чтобы падший мир спасти от разрушения, механизм которого, в чем-то подобный реакции атомного распада был запущен грехопадением Адама и Евы. Боговоплощение дало шанс этому миру не только на продление его существования, но и на то, чтобы он стал основой для Нового Мира, реального для Бога, но пока не реального для нас. Мы должны признать неизбежность действия второго закона термодинамики в этом мире: от энтропии никуда не деться; землю «спасти» людям невозможно: наоборот они ее уничтожат сами. Но вопрос в том, когда это будет - может быть, скоро, а может быть, и нет.

- Приходится признать, что я сам очень скептически отношусь к возможности спасения Земли человеческими усилиями. Однажды я смирился с тем, что любые движения человеческого ума ведут лишь к ухудшению состояния Земли. Радуется, что мы не всемогущи в грехе своем, и что есть над всем этим мракобесием, творящимся вокруг нас, высшая сила, которая, как я верю, не допустит гибели планеты и нас спасет. Но даже в бессилии своем что-либо изменить - надо стремиться сделать хоть что-нибудь благое.

- Дело в том, что Земля уже спасена, - глядя куда-то вдаль, сказал Барт. - И у Бога уже есть Мир, где уже Отрок ведет льва и агнца, уже нет греха, зла, смерти, страдания и разрушения. Поскольку там нет времени, то этот Мир уже существует. А наша Земля - место, где

каждый из людей своей жизнью определит, какое место он может занять в том Мире. Но она не испытательный полигон, именно здесь закладывается настоящая жизнь человека, именно здесь человек раскрывает свои плохие и хорошие качества, именно здесь он может менять мир вокруг, использовать дар творчества и свободу воли. И тот, кто считает, что раз все здесь разрушено грехом, то и скорее бы уж этот мир прекратил свое существование - разрушают себя для вечности, обрекая себя вечно жить в разрушенном мире. После второй мировой войны, в ожидании третьей, некоторые представители англиканской иерархии говорили о том, что ядерная катастрофа - это нечто заслуженное человечеством, предсказанное в Апокалипсисе, и чуть ли не положительное. Мне кажется, что это нехристианский подход. Нужно пытаться менять себя в лучшую сторону в этой жизни, тогда могут измениться и те, кто рядом, изменится и мир вокруг нас. Ведь эта Земля может еще прожить десятки, а может и тысячи лет, все зависит от людей, от их поступков. Теория тоже нужна, но теория, в которую не верят даже ее авторы, ничего не даст. Поэтому будем трудиться дальше, пытаюсь соединить знания и духовный опыт.

Александр Иванович уже ушел, а Карл Владимирович все думал и думал о том, как много ему еще предстоит сделать. После разговора с другом ночная встреча и то, что он записал на листках, уже не казалось ему совсем уж нереальным...

Рак и пуля

После событий в ночном клубе Павел не раз пытался встретиться с Карлом Владимировичем, но

тот все откладывал «на потом» - некогда пока. А вот теперь профессор сам подумал, что надо бы увидаться, нашел в своем мобильнике телефон, позвонил, договорился о встрече.

Они сидели в небольшой кофейне, где спиртным не торговали: Барт пока не хотел подвергать свою силу воли ненужным дополнительным испытаниям.

- Ну что же, - сказал он Павлу, отпивая глоток горячего кофе из маленькой чашки, - Марина ведь не просто моя аспирантка. Она сирота, а сама пробилась в институт, а теперь и в аспирантуру. Очень целеустремленная и талантливая, а умная какая! Я всю жизнь мечтал о дочери, но как-то не сложилось. Так что вот как-то так... Если ты несерьезно к ней относишься, то лучше сейчас отойди: хорошая она девушка, нельзя ее обижать!

- Вы меня удивляете! - горячо сказал Павел. - Разве Вы забыли, как я тогда в клубе закрыл ее собой?

- Ну да, а я - тебя, - насмешливо сказал профессор, и глаза его озорно блеснули. - Только вся проблема была в том, что я был бухой, а ты обкуренный, так что считается это все, скажем так, наполовину.

Павел то же засмеялся:

- Если бы в нас этого не было, мы бы этого не сделали.

- Согласен, - кивнул Барт, - но меня вот что беспокоит: ты ведь был уже женат, имеешь негативный опыт семейной жизни. Почему ты так уверен, что с Мариной у тебя все будет по-другому? Ведь люди очень похожи в быту...

- Я ее люблю, - очень серьезно сказал Павел.

- Спорим, ты многим это говорил? - сухо ответил профессор. - Конкретнее?

- Есть вещи, которые сложно сформулировать, - задумчиво сказал ему мужчина, - облеченные в слова они звучат как-то глупо... Если я скажу, что то, что раздражало меня в жене, в Марине привлекает?

- То я отвечу, что это от неудовлетворенного желания, - усмехнулся Барт. - А стоит ему пройти, как пройдет и все это рвение.

- Да нет, - раздраженно махнул рукой его собеседник, - я же говорю, что не мастер говорить... Мне хочется беречь ее, заботиться о ней, баловать, кормить, одевать, дарить подарки, построить дом...

- Желания неплохие и вполне достойные, - кивнул Барт. - А где уверенность, что они не пройдут через год семейной жизни?

- Дело в том, что если так на это смотреть, то и жить не стоит вовсе. Мы ведь не знаем, что принесет завтрашний день. Зачем любить, если это может принести столько страданий, зачем вообще что-то делать, если согласно второму закону термодинамики все обречено на разрушение?

- Про энтропию от Марины набрался? - весело блеснул глазами Барт.

- Да. Так вот к чему я веду: тот брак, который у меня был, напоминал мне раковую опухоль, которая метастазами опутала меня так, что выхода нет. И порой я мечтал о смерти, как об избавлении от этого. Но смерть ведь тоже бывает разной...

- О какой же ты мечтал? - с интересом спросил Барт, допивая кофе.

- Я думал о том, что меня застрелят; о пуле, которая избавит меня от той безысходной муки, в которой я находился.

- Хорошо, но ведь к смерти нужно быть готовым, иначе всю свою помойку, которая есть сейчас, мы

возьмем и на ту сторону, об этом не судьба была подумать?

- Я о многом думал... Так вот, Марина — она как пуля, которая убила, но не меня, а убила во мне всю ту дрянь, которую я сам в себе ненавидел... Она дала мне второй шанс, о котором я не смел и мечтать; я как бы умер для смерти для того, чтобы жить для жизни – в общем, я первый раз люблю...

- Говорить ты научился, - одобрительно кивнул Барт, - будем надеяться, что слова твои будут не пустые.

- А кому нужны пустые слова? - удивленно посмотрел на него Павел. - И потом: мы попали в такой мир, где вес наших слов совсем иной.

- Ладно, будем считать, что ты меня успокоил, - одобрительно сказал Карл Владимирович. - Обращайся всегда, буду рад, если смогу чем-то тебе помочь.

Жена писателя

Они встали из-за стола, но Павел предложил проводить Барта до университета.

- Ну, пойдем, - согласился профессор.

- Так вы мне верите?

- Скажем так, пока не имею оснований не верить, - засмеялся Карл Владимирович. - Да ты не переживай: может быть, действительно у тебя не получилось с первого раза с браком, а во второй раз все будет по-другому. У меня были в жизни интересные примеры таких ситуаций...

Кофейня была недалеко от университета, им нужно было всего лишь пройти один квартал по засаженной тополями аллее. Обычно Барт, у которого была ал-

лергия на тополиный пух, обходил ее стороной, но сейчас была осень, поэтому профессор мог позволить себе идти не торопясь.

- А расскажите об одном из таких примеров, - попросил Павел.

- Рассказать? Слушай. Был один писатель. Он много писал изо дня в день. Его книги хвалили те, кто их прочитал, но коммерческого успеха они не имели. Ни славы, ни богатства автору его литературный труд не приносил. А он все равно писал. У писателя была жена, которая постоянно пилила его за то, что он занимается всякой ерундой, вместо того, чтобы зарабатывать деньги на ее содержание, да еще имеет наглость совать ей в нос свои поганые книжонки и предлагать их прочитать. «Убери от меня эти подтирки! - кричала она. - Их и в туалете-то нельзя использовать, потому что бумага испорчена типографской краской! Угораздило же меня выйти замуж за идиота, который пишет свой графоманский бред, который никому, кроме него самого не интересен, а не занимается делом!». «Каким делом?» - интересовался ее муж. Жена начинала подробно рассказывать о том, каковы обязанности мужа по отношению к жене, что он купил бы ей, если бы не был ничтожеством и тряпкой, ни на что не способным и ни на что не годным. «Хоть бы все твои книжки сгорели в огне! Как я об этом мечтаю! Ненавижу их!» - восклицала она. «Чем же тебе книжки мои не угодили, если ты их даже и не читала?» - смеялся писатель. «Да мне их не нужно читать! Я же тебя насквозь вижу - ничтожество, не способное ни на что хорошее и дельное! Что может написать ничтожество? Только что-то поистине ничтожное! То ли дело, например, Донцова или Шилова: вот бабы, а за ними издательства бегают, бешеные гонорары им платят. А твои подтирки никому

не нужны!». «Но ведь меня печатают!». «Ой, печатают! - истерически хохотала жена. - А ты хоть копейку от этого получил? Нет? Ну, так и плевать, что тебя печатают! Это все дурацкие детские игрушки, которые за хреном никому не нужны, кроме имбецильно-идиотических дураков! У нормальных мужей жены ходят в норковых шубах, в колье из драгоценных камней, они им квартиры новые покупают! А ты!!!!...» Тут возмущение захлестывало, и словарный поток прекращался и сменялся истерическими рыданиями.

- Достоянная женщина, - засмеялся Павел. - Чем-то напомнила мне мою бывшую жену. А что же писатель?

- А вот это интересно. Однажды он встретил женщину, которую полюбил по-настоящему. И все, что говорила ему жена в отношении того, что ей хотелось бы, он решил сделать. Только не для той, которая этого требовала, а для той, которая ничего не просила. Просто так, без условий. Он начал много работать, и все у него стало получаться. А когда он стал, наконец, вместе с той, которую любил всем сердцем, то и слава к нему пришла...

- А новая жена ценила его книги? - с надеждой спросил Павел, которому хотелось, чтобы Мэриэм ценила его творчество.

- Да что она - дура, что ли? - засмеялся Барт. - Да и он был уже не дурак: свои книги он ей дарил изредка, но читать никогда не навязывал.

- И он бросил писать?

- Почему? Нет. Просто проблемы из этого никто больше не делал: он писал в свободное время, вместо того, чтобы, например, телевизор посмотреть.

- Получается, что в новом браке ему стало сложнее?

- Вопрос ведь не в том, сложнее или легче. Вопрос любит или нет. Если любит, то все легко. Если нет - все сложно. А второй брак сложнее первого - это закон. Но он вот что интересное сказал: «Я в своих новых отношениях не думал о том, чтобы “подстелить соломку”, что я от них получу. Все мысли были только о том, что я смогу дать той, кого люблю. Это как будто узенький мост над пропастью. По нему можно или идти или нет, но если пошел, то сомнений или колебаний быть не может: тут же полетишь вниз».

- И что же он от этого получил?

- Много: счастье, смысл жизни, радость, вторую молодость и кучу проблем, - засмеялся Карл Владимирович. - Впрочем, думаю, что если бы у него можно было отнять любовь, то второй брак показался бы ему горше первого...

- А любовь можно отнять?

- Нет, - уверенно ответил профессор. - Ее можно только самому потерять, если не ценить и не беречь. Но тогда это проблемы того, кто потерял, и винить в этом некого вовсе...

За разговором они дошли до дверей университетского корпуса, в котором работал Барт.

- Ну, теперь точно прощаемся, - улыбнулся профессор Павлу. - Меня сегодня к начальству вызвали, уже запаздываю даже немного.

Искушение Карла Владимировича

В кабинете ректора Барта уже ждали новые руководители университета - ректор Заподлянский и президент Пикова, которая под шумок сумела пробить себе у заместителя министра эту должность.

- Кал Вгадимигович, - с деланной улыбкой сказала она, - очень гады вас видеть!

А новоявленный ректор и вовсе расстарался: на столе стояли две бутылки коньяка в красивых бутылках, на одной из которых красовалась этикета «Президент», а на другой - «Ректор». Рядом стояли тарелки с разнообразной закуской.

- Так сказать, расстарались, ради встречи с вами, зная ваш вкус и чувство юмора, - со всей возможной предупредительностью скороговоркой проговорил Заподлянский, пожимая руку профессору. - Надеюсь, не побрезгуете нашим гостеприимством!

На самом деле то, что стояло на столе, было не таким уж и аппетитным. В бутылках была самогонка, подкрашенная крепким чаем. Сами бутылки нашли в мусорных ведрах бывшего ректора. Тематические наклейки на них распечатали на цветном принтере одного из подразделений вуза, находившегося на самокупаемости и за свой счет покупавшего расходные материалы для оргтехники. Красиво разложенные закуски были рассованы ректором по карманам во время одного из фуршетов, на который его вчера пригласили, и где он не преминул воспользоваться опрометчивым предложением принимающей стороны взять что-нибудь с собой.

Карл Владимирович все это считал, конечно, сразу, впрочем, если бы здесь ему предложили бы нормальные напитки и еду, он подумал бы, что его хотят отравить. Близкие к этому мысли, наверное, посещали голову руководства, как раз перед встречей с профессором обсуждавшего, что же с ним делать.

- Похоже, если он не будет пить, он может начать восприниматься всерьез, а тогда его деятельность бу-

дет опасной, такова установка министерства, - озабоченно сказала Пикова.

- Да? - беззаботно спросил Заподлянский. - Так напоим его и всех дел!

- Боюсь, что не будет он пить! - сокрушенно покачала головой Адель Адольфовна.

- Чой-то ему не пить? Вот увидишь: так ли еще будет! Я его приглашу как человека, шикарный стол накрою!

«Шикарный стол» вообще-то вызвал у профессора желание посидеть как в старые добрые времена: ведь он только что перестал пить, а, как многим сильно пьющим людям, ему иногда хотелось выпить не чего-то хорошего, а как раз какой-нибудь дряни. Но он справился со слюнотечением, вызванным предвкушением столь заманчивого застолья, и выпивать категорически отказался.

- Ну, тогда хоть поешьте! - с неожиданной легкостью согласился ректор.

Повода отказываться поест, действительно, не было, и Барт, поддерживая разговор ни о чем, съел несколько кусков мясной и рыбной нарезки, разложенных на тарелках.

- Надеюсь, Акакий Павсикахиевич, что мы сработаемся, - сказал профессор ректору, когда они прощались, а тот лишь улыбнулся в ответ.

- И мы надеемся, - с мерзкой улыбкой ответила Пикова.

Когда дверь за Карлом Владимировичем закрылась, она возмущенно спросила Заподлянского:

- И что теперь? Он отказался пить! Чего с ним делать?

- Но есть-то он не отказался, - беззаботно усмехнулся тот, осушая целый фужер самогонки.

- На что ты намекаешь? Ведь ты ел то же самое, что и он?

- Дело в том, что то, что подают на банкете, где я был вчера, есть можно только, запив этим напитком, как своего рода антидотом. Иначе можно отравиться. Я-то запил, а он нет!

- погоди, я ведь то же не запила! - испуганно сказала Пикова.

- Так пей скорее, - также спокойно ответил ей ректор и протянул фужер с мерзковатого вида и запаха самогонкой, который она, давясь и морщась от отвращения, тут же выпила, проклиная «поганца Каку».

- А ты уверен, что он от этого умрет? - поинтересовалась президент университета.

- Нет, но проблюется так, что неделю точно не сможет работать! - с уверенностью заявил Заподлянский.

- Так нам мало этого! - всплеснула руками злобная старуха.

- Ну, это как сказать! - пожал плечами Акакий Павсикахиевич, осушая еще один фужер с самогонкой. - Если за неделю нас с тобой с этих должностей не выгонят, то придумаем, что-нибудь покруче!

... А Карл Владимирович тем временем шел по коридору в свой кабинет. Внутри протекали очень противоречивые процессы: жалость, что отказался, боролась с гордостью от того, что сумел, да еще организм начал уже сигнализировать о начавшемся процессе отравления головокружением, слабостью и приступом тошноты...

Свободные ассоциации

Психоаналитик Збигнев Фрейд тяжело вздохнул: к нему опять пришел самый ненавистный из пациентов - Акакий Заподлянский. Лечил его Фрейд методом свободных ассоциаций. Зигмунд Фрейд и его последователи предполагали, что неконтролируемые ассоциации - это символическая или иногда даже прямая проекция внутреннего, часто неосознаваемого содержания сознания. Это позволяет использовать ассоциативный эксперимент для выявления и описания аффективных комплексов.

Основное правило психоанализа - инструкция, которая дается пациенту для осуществления психоанализа: *«говорить всё, что приходит в голову»*. В этой инструкции подчеркивается необходимость избегать какой-либо «фильтрации» высказываний, даже если возникающие мысли кажутся нелепыми, неважными, не относящимися к теме обсуждения, и даже если они способны вызвать чувство неловкости или стыда. Исполнение основного аналитического правила нередко вызывает сопротивление ввиду непривычности ситуации (незаданность темы, отсутствие видимой поддержки собеседника, требование правдивости в раскрытии возникающих мыслей), а также в силу специфических сопротивлений аналитическому процессу. Однако эти затруднения преодолимы - посредством повторяемой пациентом практики и с помощью специальных психоаналитических методов (проработки сопротивлений).

Заподлянский, с одной стороны, был идеальным пациентом: он с удовольствием говорил все, что ему приходит в голову, такие чувства, как стыд и неловкость были ему вовсе не знакомы.

Сопротивления анализу у него не было никакого, поддержка собеседника ему не требовалась, но бред, который он нес, было тяжело слушать даже психоаналитику.

- Ложитесь на кушетку, - внешне Фрейм ничем не выдавал того, что творилось в его душе. - Расскажите что-нибудь.

- А что? - поинтересовался пациент.

- Да что угодно, что в голову придет.

- Это можно! - обрадовался Заподлянский. - Вы знаете, мне все чаще кажется, что мне полторы тысячи лет. То, что у меня особое предназначение, думаю, ни у кого не вызывает сомнений. Я призван изменить принципы образования в этой стране; скажу по секрету: не так давно меня сделали академиком небесной академии и гранд-доктором высшей теологии. Когда я выполню свою миссию, на Венере меня ждут дворцы из платины и королевские почести...

- А система образования в России так важна тем, кто распределяет дворцы из платины? - не выдержав, спросил психоаналитик, обычно не перебивавший больных.

- О!!! Вы не представляете насколько!

... Поток сознания становился все бредовее, а ассоциации все более дурацкими. За часовой сеанс Збигнева трижды прошибал пот, ему становилось дурно, и он всерьез задумался, а вдруг все-таки правы те, кто считает, что психические расстройства заразны. Но наконец, пациент ушел.

Фрейм вытер пот со лба и подумал: «Невольно вспомнишь Юнга, который сказал: «Каждый новый случай для меня – почти новая теория. Я не думаю, что эта точка зрения лишена смысла, особенно если учитывать крайнюю молодость современной психологии,

которая, на мой взгляд, еще не покинула своей колыбели. Поэтому время для гениальных теорий еще не наступило. Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно «души», психического, *psyche*». Потом психоаналитик подумал, как правильно, что он не слушался никогда Фрейда, говорившего о том, что нужно хотя бы одного пациента лечить бесплатно, чтобы не коммерциализировать психоанализ. «До чего бы сейчас было обиднее!» - усмехнулся Фрейм. Он с удовлетворением взял грязноватую, но от этого не менее привлекательную для него стодолларовую бумажку, оставленную Заподлянским и, по развившейся у него в последнее время привычке, поцеловал ее.

Збигнев не знал, что его пациент действительно стал посвященным в одном тайном обществе. Учитель Акакия - Борух Никанорович Свинчутка - заставлял его подтираться стодолларовыми бумажками, для того, чтобы осознать, что деньги это тлен и достигнуть просветления. Но Заподлянский слушался своего гуру лишь наполовину: сначала он выполнял то, что ему было велено, но потом бумажки отмывал и расплачивался ими со своим психоаналитиком. Свинчутка сначала разозлился, но потом увидел особым зрением, как целует бумажки Фрейм и повеселел: это его очень развлекало каждый раз до такой степени, что он даже стал сам давать своему ученику новенькие стодолларовые купюры, чтобы он не экономил и не жалел денег на психоаналитика. Кроме того, Борух Никанорович с нетерпением ждал, когда же у его подопечного начнет развиваться рак прямой кишки, что согласно опыту великого посвященного было неизбежным следствием

использования сделанных из вредных для организма материалов купюр таким образом.

Странная стенограмма

Карлу Владимировичу между тем становилось все хуже; через некоторое время он понял, что у него уже нет сил, и отправился домой. Там ему стало совсем плохо. Чтобы попробовать отвлечься, он вновь начал читать странную стенограмму своей встречи с Паном и черным котом...

Барт. Интересно, а есть жизнь на других планетах?

Пан. Может быть, а может, нет: тебе-то что с того?

Кот. Здесь все зависит от того, что понимать под жизнью; если конкретно те формы органики, которые присущи Земле, то скорее нет, чем да. Если же смотреть на это шире, то скорее да, чем нет.

Барт. Но вообще, что такое космос?

Пан. Это мой огород.

Кот. Мой друг шутит, хотя его шутка не более нелепа, чем рассуждения ваших ученых о черной дыре. Вообще ваша наука после Нового времени — нечто весьма любопытное. Как писал Алексей Федорович Лосев в «Диалектике мифа», «метафизика Нового времени почти всегда приводила к тому, что, например, понятие материи гипостазировалось и проецировалось вовне в виде какой-то реальной вещи, понятие силы понималось почти всегда реально-натуралистически, т.к. по существу ничем не отличалось от демонических сил природы (как мы это нахо-

дим в разных религиях и т.д.), но только с явными признаками рационалистического вырожденчества. Нужно ли все это науке как таковой? Совершенно не нужно. Дело физика доказать, что между такими-то явлениями существует такая-то зависимость. А существует ли *реально* такая зависимость и даже само явление, будет ли или не будет существовать *всегда* и *вечно* эта зависимость, истинна она или не истинна в абсолютном смысле, – ничего этого физик как физик не может и не должен говорить. Все эти бесконечные физики, химики, механики и астрономы *имеют совершенно богословские представления* о своих «силах», «законах», «материи», «электронах», «газах», «жидкостях», «телах», «теплоте», «электричестве» и т.д. Если бы они были чистыми физиками, химиками и т.д., они ограничились бы выводом только самих законов и больше ничего, да и всякие «законы», даже самые основные и непоколебимые, толковались бы у них исключительно как гипотезы. Это было бы чистой наукой».

Барт (удивленно). А вы и Лосева читали?

Пан (*насмешливо*). Нет, он типа совсем тупой, читать даже не умеет. Куда нам, мы же не профессура!

Барт. Простите...

Пан. Не забудем, не простим!

Кот. Он шутит...

Барт. А что вы вообще думаете о той бесконечной вселенной, которую доказала наша современная наука?

Пан. У меня тоже был знакомый ученый, который доказал, что пустое и полное - это одно и то же.

Барт. Как это?

Кот. Обычная софистика. Если равны половины, значит, равны и целые. Следовательно, пустое есть то же, что и полное.

Барт. А, вы об этом! Но ведь бесконечность вселенной основана не на софистических эквилибристиках, а на точных расчетах...

Пан. Один из ваших математиков, введя понятие бесконечности в точную науку, исключил возможность точных расчетов. Погрешность может быть как плюс бесконечность, так и минус бесконечность...

Кот. Ну, вот вы умный вроде бы человек, хотя и спившийся. Подумайте сами: как можно в лабораторных условиях измерить скорость света, расстояние до других планет и звезд, систематизировать вселенную, введя в ней административно-территориальное деление на галактики, увидеть ее границы, до которых невозможно добраться за человеческую жизнь, даже, если передвигаться со скоростью света и квазары на этих границах... Правильно: только умозрительно. Раньше для того, чтобы подтвердить для масс верность подобных утверждений, нужен был бы признанный мистический опыт того, кто выдвинул эти положения, а после Нового времени - научный опыт. Наука стала религией своего рода, вот и все... Вы верите в исходные допущения астрономов и не верите в исходные допущения астрологов...

Барт. Но ведь расчеты астрономов помогли человеку попасть на Луну!

Пан. Эка невидаль! У меня там летний домик. И что?

Кот. На самом деле: согласно схеме вселенной, которая дана вашей наукой, то, что вы добрались до

Луны, подобно тому, что вы научились из одной комнаты переходить в другую, а между тем вам нужно бы слетать в Антарктиду...

Барт. Но ведь все с чего-то начинается!

Кот. Согласен, но мы опять выходим в иную систему координат. Не будете же вы утверждать, что на основании данных о том, чем одна комната отличается от другой, вы можете говорить, что знаете, чем Антарктида отличается от места вашего проживания?

Барт. Луна между прочим сильно от Земли отличается.

Кот. Тем более.

Барт. Вы обещали мне рассказать про исполинов и Атлантиду...

Пан. А чего про них рассказывать?

Кот. Наверное, в следующий раз... Боюсь, что мы еще увидимся...

...Дочитав до этого места, профессор впал в забытьё. Ему приснился зал заседаний университета. В президиуме сидят заместитель министра, Заподлянский, Пикова и еще какой-то незнакомый мужчина. То, что они говорят, жутко возмущает всех, но все молчат и боятся что-либо сказать. И вдруг незнакомец, который, похоже даже главнее, чем замминистра хитро посмотрел на Барта и сказал:

- Вот товарищ, похоже, хочет что-то нам сказать.

Сразу засуетившийся ректор тут же предоставил профессору слово:

- Проходите к трибуне, Карл Владимирович, мы будем рады вас послушать.

- Это вряд ли, - усмехнулся незнакомец. - Но слушаем с интересом.

Выступление Барта

Карл Владимирович не спеша поднялся на трибуну и уверенно начал говорить. Ему удалось сказать все, что он хотел, его никто не перебил.

- В меняющемся на глазах мире, перед лицом новых угроз, когда, как писали в свое время в советских газетах, «иностранный империализм показал свой звериный оскал», России сегодня следует уделить пристальное внимание тому, что происходит в образовательной сфере в нашей стране. Сегодня российская система высшего образования все больше ориентируется на англосаксонские образцы. Высшие должностные лица страны переживают из-за того, что ведущие российские вузы не входят в число лучших по версии какого-нибудь англоязычного журнала. Но при этом у западной системы образования зачастую берется далеко не то, что заслуживает подражания.

Герцогу Веллингтону приписывают фразу (неизвестно принадлежит ли она именно ему) о том, что победа при Ватерлоо ковалась на спортивных площадках Итона. Закрытые клубы вузов англосаксонского мира играют огромную роль в будущей карьере их членов, а через них и в целом в политике. Однако, какой видится эта система образования тем, кто непосредственно с ним связан?

Говоря об образовании и воспитании, на примере Англии конца 19 века, Д.А. Гобсон писал о том, что они

все более становятся зависимыми от финансирующего их частного капитала: «Философия, естественные науки, история, экономика, социология – должны возводить новые укрепления в защиту денежных интересов plutократии от нападок обездоленных масс». «В воспитании решающие моменты определяются следующими тремя вопросами: “Кто будет учить? Чему будут учить? Как будут учить?”». Там, где доходы университета зависят от щедрот богатых людей, от милосердия миллионеров, там, по необходимости, будут даны следующие ответы: «Благонамеренные учителя», «Благонамеренной науке», «Здоровыми (т.е. ортодоксальными) методами». Народная пословица, гласящая: «на чьем возу сидишь, тому и песню поешь», вполне применима здесь, и никакие вздорные разговоры об академической гордости и интеллектуальной честности не могут заставить нас закрыть глаза на это обстоятельство».

К.С. Льюис, вся жизнь которого была связана с английской школой 20 века – в качестве ученика, студента, а затем профессора университета в одном из своих писем вспоминал: «Я учился в трех школах (все три – пансионы), из них две были ужасные. Ни к чему я не испытывал такой ненависти, даже к фронтовым окопам в Первую мировую, так что и рассказывать не буду, не хочу тебя пугать». В своем художественном произведении «Баламут поднимает тост» Льюис отмечал: «Нынешнее образование стоит на том, что тупиц и лентяев нельзя унижать, другими словами - нельзя, чтобы они догадались, что хоть чем-то отличаются от умных и прилежных. Школьникам, которым не по уму грамматика или арифметика, позволяем заниматься

тем, чем они занимались дома, - скажем, лепить куличики и называть это “моделированием”. Мало того, успевающих учеников скоро будут оставлять на второй год, чтобы не *травмировать* прочих».

Современный американский ученый Майкл Паренти так пишет о современной высшей школе США: «Те, кто контролирует заведения высшего образования в Соединенных Штатах, должны желать своим студентам тех же благ, которые они так страстно отстаивают для жителей “тоталитарных” стран, а именно возможность слушать, изучать, выражать и поддерживать (или отвергать) неспровергающие, критические взгляды в своей среде и образовательном заведении, не опасаясь репрессий. Вместо этого редкий радикально настроенный ученый не встречал серьезных трудностей в поиске работы или контракта, независимо от его или ее квалификации».

Создается впечатление, что именно эти примеры берутся в качестве образцов при реформировании российских образования и науки.

Сегодня многие показатели оценки деятельности ученых зачастую строятся на числовых данных. А наукометрия – вещь субъективная. Конечно, всем известен диалектический принцип о переходе количества в качество. Но задумаемся, кто важнее для науки: ученый, написавший пятнадцать малозначимых статей, каждую из которых по одному разу процитировал один из пятнадцати его знакомых, кого он об этом попросил, или же тот, кто написал две-три статьи, являющиеся прорывом в какой-либо отрасли науки? Судя по индексу Хирша, важнее первый... Так не формируется ли ситуация, когда многие из ученых будут счи-

тать, что их роль в науке определяется количеством циферок в имеющих условное значение рейтингах напротив их фамилий?

Другая недавняя инициатива современной России в сфере науки - устроить тотальную проверку на плагиат всех научных работ. Действительно, сама по себе идея правильная – необходимо бороться с профанацией. Но реализация ее на первом этапе смотрелась так, как будто кто-то задался целью: пусть не только чиновники, но и каждый мнительный ученый трясутся: а вдруг у него что-то найдут? Пусть все думают, что хорошо не быть кандидатом или доктором наук... Пусть обвинения в плагиате или ненаучности докторам наук предъявляют те, кто сами с грехом пополам получил среднее образование, но зато имеет доступ к публикациям в имеющих большие тиражи средствах массовой информации...

Насколько ведущим российским учебно-научным центрам следует переживать из-за того, что они не попали в рейтинг какого-то известного на Западе журнала? Если условная газета «Голос свиновосхоза», выпускаемая в условном Мухославском районе, напишет, что Гарварда, Стэнфорда и Массачусетского технологического университета вообще не существует как учебно-научных центров, то будут ли переживать те, чья жизнь связана с этими учебными заведениями?». Думаю, что нет.

Сегодня внедряется мысль, что цель науки, как любого бизнеса – получение скорой и ощутимой прибыли. А фундаментальные исследования, не приносящие дохода, - это платье голого короля. Делается намек, иногда достаточно прямой, что ученые, иссле-

дования которых убыточны - или проходимцы, живущие за чужой счет, или дурачки, занимающиеся не пойми чем. Любой ларечник может быть намного значимей академика, занимающегося фундаментальными исследованиями, если его деятельность приносит большой доход. Получается, что прибыль от научной деятельности - вот основной параметр, определяющий эффективна она или нет!

Говорится о том, что личностей скоро не будет, а будут «акторы», те, кто совершает те или иные эффективные или неэффективные действия, от которых зависит его успешность и вписанность в инновационное поле создаваемого нового мира, с новой моралью. Под эту идею организуется и образование, в котором упор делается не на умение анализировать, свободно мыслить, работать с источниками, а на заучивание массы малозначимых фактов. При таком подходе, не превратятся ли люди в своего рода винтики огромной всечеловеческой машины, лишенные даже намек на возможность по-настоящему глобально взглянуть на происходящее? То есть каждый будет выполнять свою операцию, не понимая онтологического смысла своего бытия, воспринимая окружающий мир сугубо поверхностно. Не придем ли мы к тому, что знание, объемы которого возрастают благодаря новым инновационным технологиям, не будет связано с пониманием, что понимание происходящего вообще будет необязательно для людей, ставших «актерами», и получающих подтверждения своей эффективности в виде экономических, сексуальных и иных бонусов?

Не так уж давно из уст высоких чиновников образовательной сферы мы слышали о том, что хорошо бы

в ведущих вузах преподавать на английском языке. Разве Россия колония? Представляется, что состояние образования в России является вопросом национальной безопасности; от того каким оно будет, зависит и будущее государства.

... Барт вдруг проснулся. Ему показалось, что то, что он видел сейчас во сне, произойдет и в реальности; более того: окажет решающее влияние на его судьбу.

- Так оно и будет, - услышал он спокойный уверенный голос.

За столом в его комнате сидели черный кот и Великий Пан и пили кофе.

- Присоединяйся, раз проснулся, - дружелюбно позвал его Пан.

В редакции

- Кстати, - сказал Великий Пан изумленному Карлу Владимировичу, - почему это условная газета «Голос свиновхоза» в условном Мухославском районе? Ведь есть у вас такой райцентр, а в нем такая газета...

И перед глазами профессора вдруг явно пронеслась следующая картинка.

Главный редактор районной газеты «Голос свиновхоза» Степан Николаевич Иванов работал в этой должности всего лишь третий день. Его предшественника уволили из-за того, что в заголовке передовицы, где говорилось о руководителе района, самом уважае-

мом человеке в округе, бывшем директоре свиновхоза Емельяне Петровиче Белове, было пропущено две буквы. Одна из них - буква «т» - была пропущена в слове «администрации». Вторая - буква «е» - была пропущена в фамилии главы... И ладно бы, если бы перед этим стояли полные имя и отчество, или хотя бы оба инициала. Так ведь - нет, один только первый инициал!

Степан Николаевич судьбу предшественника повторять не хотел, и поэтому к выпуску первого номера, который он должен был подписывать как главный редактор, решил отнестись со всей серьезностью. А сотрудники, которых и было-то трое, как будто специально сговорились нести ему на утверждение всякую чушь.

- Это что такое, Семен Семенович! - раздраженно воскликнул редактор, отбрасывая принесенный сотрудником, отвечавшим за «международную хронику» материал.

- А что? - невинно поинтересовался тот.

- Нет, ну вы сами понимаете, что написали: «По дошедшей до «Голоса свиновхоза» информации, Королева Англии Елизавета возвела в рыцарское достоинство бывшего Президента США Билла Клинтона. Теперь к нему необходимо обращаться «де Билл».

- И что?

- Как что! Во-первых, приставка «де» бывает не у английских, а французских дворян, а во Франции - республика, никто там новых дворян не делает, - блеснул эрудицией редактор.

- Надо же! - деланно удивился Семен Семенович.

- А во-вторых: откуда такие данные?

- Ну, это я по своим каналам узнал...

- Не надо мне никаких «своих каналов»! Только официальную информацию!

Следующий материал из сферы культуры опять заставил редактора выйти из себя:

- Александр, что это за чушь!

- А что?

- Нет, ну вы сами читали: «Сергей Ильичев - удивительный поэт. Он пишет стихи лучше Пушкина, но хуже Тетерина»! Кто такой Тетерин?

- Заведующий нашим районным литературным клубом.

- Это тот, который написал:

«Гордимся мы свиновхозом:

На зависть крупным совнархозам,

Он украшает землю нашу,

А мы едим и хлеб и кашу».

- Именно он! А чего - прикольные стихи!

- Неужели хуже этого можно написать?

- Ильичев смог!

- Но почему тогда он лучше Пушкина?

- Понимаете, – замялся Александр, - он мне трехлитровую банку самогонки обещал, если я так напишу.

- А как так может быть, что человек пишет стихи лучше Пушкина и хуже Тетерина?

- Так в этом и есть самое удивительное!

Редактор даже плюнул на пол от раздражения. Последняя сотрудница также его не порадовала:

- Дарья, ну что это такое: под коллективным обращением нашей редакции подпись «голосвинцы»?

- Мне показалось, что «голосистые свиновхозцы» или даже просто «свиновхозцы» будет слишком

длинно... – невинно хлопая длинными ресницами, сказала девушка.

- А «редакция» - не судьба было написать? - чуть не заплакал главный редактор. И впервые, наконец, пожалел своего предшественника.

- Очуметь! - только и сказал Барт. - А вообще-то кто-то обещал мне рассказать про нефелимов.

- Расскажем, - пообещал кот, отхлебнув кофе из чашки. - Но сначала посмотрите еще картинку из жизни Мухославска, из образовательной сферы, это, возможно, вам интереснее будет.

И перед глазами профессора возникло новое видение.

Четырехлистный клевер

В каморке учителя труда мухославской средней школы Петра Семеновича было накурено так, что из-за завесы дыма невозможно было увидеть, кто в ней находится. А кроме хозяина находился Сергей Ильич Зотов – учитель математики. Допив вторую бутылку водки, они жарко обсуждали мэра Мухославска – Ореста Анемподистовича Мухина.

- Ты прикинь, - смеясь, рассказывал Сергей, - когда он приехал в наш городишко, то распорядился, что во всех муниципальных учреждениях должны висеть его портреты!

- Да ну! - удивился Петр.

- Так это еще не самое интересное. Он сам напечатал портретов по количеству муниципальных учре-

ждений, вставил их в рамки и заставил покупать по две тысячи рублей. Опять же бизнес!

- Во, дает!

- А самое интересное - что денег у муниципальных учреждений нет, а портреты покупать надо. Так заведующий детским садом Иван Фомич знаешь, чего сделал?

- Чего?

- Не заплатил за вывоз мусора на эту сумму и купил портрет. Мухин приехал в детский сад вместе с представителями из области, а там, у входа, куча мусора. Он на заведующего: что за безобразие? А тот: - Так вот, все деньги ушли на ваш портрет, на утилизацию твердых бытовых отходов и не хватило... Скандал был страшный! Ивана Фомича потом уволили. Так он, что сделал: купил еще один портрет себе домой и повесил его в туалете...

- Да, фу! - махнул рукой Петр. - Чего приятного - ты сидишь на толчке, а на тебя такая рожа смотрит?

- Приятного-то ничего, - согласился Сергей. - Зато, какая ему была приятность, что ведь все-то кого он пригласил этот туалет посмотреть (человек триста, наверное) нашли способ Мухину рассказать о том, что видели!

- Это прикольно! - согласился учитель труда.

- Я тут у сына диск один смотрел. Фильм такой дурной немного. Называется «Лепрекон». Так вот, мне кажется, не наш ли это Мухин!

- Да, ну! - удивился Петр. - А что он делал?

- Да ничего хорошего! Увидел, например, у бабы золотой зуб во рту, и вырвал прямо с челюстью без за-

морозки. Потому что все золото должно быть его, лепреконское!

- Вот изверг! А средство-то против него есть?

- Средство-то есть и верное - четырехлистный клевер!

- Так может оно и против Мухина поможет?

- Может и поможет. Но больно рискованно это!

- Почему?

- А ты представь: дашь ты ему этот клевер под видом заварки в чай или гербария, что детишки насобирали, а он почернеет от этого и помрет. А тебе отвечаю. Ведь те, кто его поставил, ни за что не признают, что лепрекона назначили мэром. Скажут: у человека была аллергия, а враги его отравили.

- И то верно! - кивнул Петр. - Было бы за кого отвечать!

И, закурив по тридцатой сигарете, они переключились на директора школы Эльзу Марковну, о которой им тоже много разного хотелось сказать – особенно после того, как выпито две бутылки водки и выкурено три пачки сигарет.

- Может мне стоит начать пить галоперидол? - поинтересовался Барт, присаживаясь, наконец, за стол.

- Не поможет, - лениво ответил кот. - Выпейте лучше кофе. Пан, налей нашему другу чашечку.

- Это всегда, пожалуйста, - с охотой ответил Великий Пан и налил профессору кофе в жестяную кружку, добавив: - Не заслужил он пока как мы из фарфоровых пить!

Нефилимы и не только они

- Ну, теперь-то вы мне расскажете что-нибудь более содержательное? - с надеждой в голосе спросил профессор, присаживаясь рядом со странными гостями и отхлебывая кофе из кружки.

- Нет, ну как он надоел! - засмеялся фавн. - Мы же ему только интересное и рассказываем! Тебе интересно, кто такие нефилимы? Вот, смотри!

Но вместо того, чтобы опять показать фантазийное видение, Великий Пан вдруг взял ноутбук Барта, забил в поисковике «нефилим»...

- И это все? - разочарованно протянул Карл Владимирович. - По-вашему я сам не смог бы набрать это слово в поисковике?

- А что вам не нравится? - улыбнулся кот. - Вот множество версий о том, кто такие исполины. Выбирайте любую.

- Но ведь это все...

- Выдумки? А мы с фавном не выдумки? Помнится, кто-то только что хотел выпить галоперидол.

- Любите вы цепляться...

- Ну, смотри сам, - примиряюще сказал Великий Пан, - ведь на самом деле мир таков, каким ты его представляешь. Был у меня один приятель, Протагор его звали, мы с ним выпивали иногда по дружбе, так он прямо говорил, что человек – мера всех вещей.

- Фуфло - твой Протагор, - обиженно ответил Барт и надулся.

- Ничего себе фуфло: всемирно известный философ в отличие от тебя! - возмущенно ответил фавн. - Сам ты - фуфло!

- Мой друг хотел вот что сказать, - улыбнулся кот, - все познания людей основаны на вере. Даже то, что некоторые говорят: «я увижу - поверю» или «вложу палец в язвы - поверю» - это же ведь всего лишь вера в истинность собственных визуальных, тактильных восприятий. А где гарантия их истинности, кто может ее дать? Вот смотрите: вы видите нас и у вас есть два варианта отношения к этой ситуации: поверить, что это правда или подумать, что это галлюцинации из-за отказа от алкоголя. Или третий вариант: отказ от алкоголя изменил биохимию вашего организма таким образом, что вы сумели нас видеть, чего не могли бы сделать в обычном состоянии, от чего вас защищают кожаные ризы вашего тела...

- Так вы считаете, что кожаные ризы, о которых идет речь в Библии - это наше тело? - заинтересованно спросил Карл Владимирович. - Но разве у Адама и Евы не было тел?

- Были, но другие. Ваше тело в нынешнем состоянии, не на идеальном уровне - это плоть, которую христианские аскеты называют одним из врагов спасения, а многие нехристианские аскеты и вовсе отождествляли ее с телом, считая злом. Для вас же благо, что она есть: это ваша защита от мира духов, который по-настоящему страшен. Ведь даже Великого Пана многие боятся, а между тем, он вполне добрый, по своему, конечно. А вот духи тьмы, которые мучают и наш мир, - они не добрые...

- Кот дело говорит, - вступил в разговор фавн, - например, находят останки исполинов, которые так тебя волнуют. Ты же сам не проверял подлинность этих останков, да и нет у тебя должной квалификации

для этого. Поэтому тебе остается только верить либо в подлинность этих останков, либо в их поддельное происхождение. То, что о великанах, троллях и тому подобных существах, содержатся упоминания в тысячах источниках, а о каком-нибудь короле в какой-то одной задрипанной рукописи, которую на помойке нашли - для кого-то это основание верить в то, что все, что написано о первых - образный фольклор, хотя там и содержатся вполне конкретные данные с бытовыми деталями, а второе - истина в последней инстанции, хотя на самом деле три тысячи лет назад это была сказка, которую сам ее автор на помойку выбросил...

- То есть...

- Ну, вот о тех же исполинах. Возьмем даже сказку про Джека и бобовый стебель, - перебил Барта кот, - ведь там говорится о том, как боб вырос в небеса и по нему можно было попасть в страну великанов. И это совпадает с библейским повествованием о том, что некие существа спустились с неба и о союзе сыновей неба с земными женщинами и о тех, кто родился от таких связей...

- Их, кстати, полно среди моих друзей, - вклинился Великий Пан, - тот же Геракл, например, родился от такого союза.

- То есть вы хотите сказать, что вся греческая мифология, да и вся вообще мифология, это не отражение абстрактных концепций, а описание реальных фактов, а совпадения и различия в мифах разных народов лишь подчеркивают многообразие мира? - изумленно спросил профессор.

- Ну, - кивнул кот. - Ведь вообще-то, грубо говоря, даже то, что земля круглая и что дважды два четы-

ре - это плод вашей веры, признание незыблемым авторитетом для вас тех, кто выдвинул эти гипотезы.

- Так это аксиомы! - воскликнул Барт.

- Аксиомы для этой догматики. А для другой - другие аксиомы.

- То есть вы хотите сказать...

- Ничего мы не хотим сказать. Может, мы вообще - твои глюки. А возможно мы тебе просто снятся, - подвел черту под разговором Пан.

... Карл Владимирович проснулся утром за столом, на котором стояло два красивых кофейных прибора и жестяная кружка возле его места. Он был один в комнате.

Испытание Павла

- Паша!

Павел обернулся, чтобы посмотреть, кто его окликнул. Девушка из бара бросилась ему на шею и поцеловала прямо в губы.

- Как я рада тебя видеть! - хитро улыбаясь, сказала она.

Мужчина осторожно, но твердо отстранился от нее и как бы невзначай, но так чтобы она видела, провел рукой по губам, вытирая их, что вызвало у нее внутри приступ бешенства, который внешне, впрочем, ничем не проявился.

- Неожиданная встреча, - самым скучным голосом, на который он был способен, сказал Павел. - Какими судьбами?

- Так я учусь здесь! Ты же рядом с университетом! Вот глупый! - девушка засмеялась, делая вид, что не слышит его скучных интонаций. - А в отношении судеб - видимо, они строятся таким образом, чтобы наши пути вновь пересеклись и объединились в один. Не думаешь?

- Нет, - сухо ответил мужчина. - Помнишь девушку, с которой мы были в баре? Я женюсь на ней и это навсегда, я ведь не мальчишка.

- Ну, жена не стена, ее и подвинуть можно, - с беззаботным видом прощепетала Лера, внутри которой все клокотало от гнева, вызванного тем, что кто-то сопротивляется ее чарам.

- Может быть, и можно, но не нужно, - жестко сказал Павел. - Рад был видеть, но мне пора идти, у меня нет времени.

- А когда оно будет? Может быть, сходим в тот же бар?

- Нет.

- А в другой?

- Нет.

- А куда?

- Никуда.

Красивое лицо Леры стало злым и хищным.

- Значит, хотите быть вместе, пока смерть не разлучит вас... Ну-ну. А что если долго и счастливо не получится, и она разлучит вас очень быстро?

- Для меня один день рядом с Мариной дороже, чем год без нее. А быть с другой после того, как я узнал ее и у меня появился шанс быть вместе с ней - хуже смерти, - сказал, наконец, мужчина слова, которые заставили девушку отстать от него.

- Какие мы романтичные! Только надолго ли хватит этой романтики? Вспомни свой первый брак!

- Там все было по-другому, - ответил Павел, про себя удивившись, откуда она знает про то, что он был женат, но решив ответить.

- Так ты же выдумал себе все с Мариной! - холодно сказала Лера. - Твои чувства существуют только в твоей голове. А она просто обычная баба, такая же, как миллионы других. И какой смысл над ней трястись?

- Может быть, и выдумал, - серьезно ответил мужчина. - Но тогда, как писал один из английских писателей, выдумка лучше реальности. Если реальность такова, что в ней нет места любви, то она ничего не стоит. И я готов до конца бороться за свою мечту, чтобы быть верным ей до последнего дня моей жизни!

- Надо же какие мы фантазеры! - зло сказала Лера. - Ну, все, пока, теперь уже и мне некогда: у меня сейчас пара начнется. Не хочешь поцеловать меня на прощание?

Взгляд девушки опять стал игривым.

- Нет, - сухо ответил мужчина, отвернулся от нее и уверенно пошел в сторону от университета.

...Лориэль стояла перед герцогом и в бешенстве кричала:

- Мне в печенках уже сидит это задание! Ни один смертный не мог устоять перед моей красотой! А этот ублюдок - что он о себе возомнил! Видеть его не хочу, разве только для того, чтобы ускорить момент, когда смерть разлучит его с фантазиями!

- И тем облегчить ему жизнь? - насмешливо сказал герцог.

- В смысле?

- Получится, что он пройдет достойно свой путь любви до конца, а ты ему в этом поможешь.

- И что же делать?

- Надо подождать. Любить на расстоянии, любить мечту - намного легче, чем, живя с реальной женщиной сохранять отношение к ней, как к принцессе. Это мало вообще у кого из мужчин получается, впрочем, кого я учу? Может быть, через год-другой он будет уже сговорчивее.

- Никогда ему не прощу!

- Так и не надо прощать. Наоборот, что может быть прекраснее мести, когда он будет за тобой бегать, а ты будешь презрительно его отвергать!

- И что же делать сейчас? Он все расскажет Марине?

- А ты опереди его. Расскажи сама, что очень ее любишь, сильно переживала - не бабник ли ее избранник и решила его проверить. И рада за нее, что она нашла достойного человека.

- Поверит ли она в такую лажу? - скептически наморщила лоб Лориэль.

- Думаю, что да, - ответил герцог. - А в отношении того, что тебе будет непросто: вспоминай о том, как непросто мне!

- А что у вас произошло?

- У меня появился новый начальник - существо, которое невозможно отнести ни к какой прежде известной классификации; между тем он набирает все большее влияние и в нашем мире и в мире людей...

- Это кто?

- Борух Никанорович Свинчутка. Он, кстати, работает в том же городе, где ты учишься...

- Он человек?

- Да, если добавить к слову человек еще одно, - загадочно ответил герцог, давая понять, что их разговор окончен.

Новый посвященный

- Поздравляю тебя, мой ученик. Теперь ты - посвященный. И я нарекаю тебе новое имя, тайное имя, которое ты не должен никому говорить, но в твоём случае все будут сами они о нём догадываться, так явно его печать высвечивается на твоём челе. И, догадываясь о нём, сами будут тебя так называть. Но ты не удивляйся этому, но и не признавайся, что тебя так на самом деле и зовут, потому что это имя - тайна...

Борух Никанорович Свинчутка в кроваво красной мантии стоял посреди огромного помещения с готическими сводами и витражами на окнах. Перед ним на коленях в мантии желтого цвета стоял Акакий Заподлянский, прошедший через кучу унижительных ритуалов перед этим посвящением, но страстно его добивавшийся, потому что Свинчутка сказал ему, что это самый прямой и быстрый путь в кресло министра.

- А какое мое новое имя? - с интересом спросил Заподлянский.

Великий посвященный нагнулся над ним и что-то прошептал ему в ухо.

- Что?!!! - возмущенно воскликнул Акакий. - Сучий Потрох!

- А что тебе не нравится? Разве Кака Заподлянский лучше? - внутренне радуясь произведенному эффекту, но сохраняя внешнюю важность и невозмутимость, ответил ему Борух Никанорович.

- Да, но вы сказали, что меня так будут называть...
Раньше меня так не называли...

- Теперь будут! - успокоил его Свинчутка. - Так вот, мой Сучий друг, у меня есть к тебе еще одно задание, которое позволит тебе сделать шаг вперед в мире тьмы. Нужно организовать физическое устранение Барта.

- Но зачем? Это же просто старикашка, на которого никто не обращает внимания! - удивился новый посвященный.

- Твое дело - не рассуждать, а выполнять повеления! Запомни это, Потрох, иначе ты никогда не будешь министром! - назидательно сказал Борух Никанорович.
- Но поясню на первый раз: он в нашем мире уже произнес одну речь, которую ни в коем случае не нужно давать ему произнести в вашем. А для тебя это шаг вперед - организация убийства ни в чем не повинного человека.

- Какой же он ни в чем не повинный, если мешает нашей политике? - рассудительно сказал Заподлянский.

- Ты настоящий Сучий Потрох, я не ошибся в тебе! - довольно сказал Свинчутка. - Да, и привлеки к этому Пикову, пусть она сходит вместе с тобой к тем, с кем ты будешь договариваться об этом.

- Завтра же и займемся, - спокойно ответил Акакий. - И такой вопрос: почему у меня мантия желтая?

- Потому что это цвет дураков, - пробормотал про себя Борух Никанорович, а вслух сказал вновь напыщенно: - Ибо это цвет твоей разлуки с прежней жизнью, отринув которую ты должен устремиться навстречу к новым свершениям, к великой карьере и славе.

- Это мне подходит, - довольно ответил ему Сучий Потрох, который за эти минуты уже сроднился со своим новым именем.

Свадьба

Свадьба Павла и Марины была на редкость скромной: на взгляд современной молодежи можно сказать, что ее и не было. Они расписались, и затем посидели с тремя гостями несколько часов в небольшом ресторанчике. Они бы и этих гостей не пригласили, если бы не Лера, заявившая Марине, что непременно хочет быть свидетельницей на ее свадьбе.

- А ты мне правду рассказала? - подозрительно спросила ее Марина.

- Про Павла? Конечно! Ведь мужики - такие негодяи, так и норовят на первую попавшуюся юбку кинуться. А ты ведь мне лучшая подруга, можно сказать сестра. Я же не могла допустить, чтобы ты не пойми кому досталась!

- А чего тебе далось идти на мою роспись? Ведь не будет свадьбы как таковой!

- Ну, как я могу такое событие пропустить! И вообще ты единственная, у кого мне хочется быть подружкой невесты!

- Или ты хочешь моего мужа прямо в день регистрации брака кадрить? - полушутя-полусерьезно спросила Марина.

- Еще чего не хватало! - возмущенно ответила ей Лера, а про себя подумала: «Отличная мысль!». Но вслух сказала: - Я приду не одна: у меня появился поклонник!

- Вот как! - оживилась невеста. - И кто он?

- О, он знатная особа из-за границы.

- Старше тебя?

- Да, но разве это важно?

- А как он тебя нашел?

- Представляешь, случайно познакомились. Он приехал в наш город по делам, здесь инкогнито живет...

- Чего только не узнаешь о нашем городе! - засмеялась Марина. - А я тогда приглашу Карла Владимировича.

- На кой? - поморщилась Лера.

- Он мне как отец.

- Ну-ну.

- Не хочешь - не приходи!

- Нет, почему же, очень хочу! И буду рада видеть твоего старикашку....

- Познакомишь его со своим князем! - улыбнулась невеста.

- С герцогом.

- Что?! - вздрогнула Марина.

- Мой друг - герцог.

Сама роспись и ужин прошли внешне благополучно. Герцог оказался приятным седым мужчиной лет сорока, единственной его странностью было то, что он не снимал темные очки.

- Нельзя, - улыбаясь, пояснил он.

- А как вас зовут? - поинтересовался Павел.

- Герцог Мальборо.

- Как сигареты? - съехидничал успевший выпить молодой муж.

- Скорее как лорда Уинстона Черчилля, - невозмутимо ответил аристократ.

- А по каким вы делам оказались в нашем захолустье? - поинтересовался Барт.

- Скажем так, у меня здесь живет шеф, и он вызвал меня, чтобы я предстал перед его ясные очи.

- У герцогов бывают шефы? - изумленно спросила Марина.

- Они даже у царей бывают. И сидят в какой-нибудь дыре - не такой шикарной, как ваш замечательный город, а в какой-нибудь хижине зулусского колдуна. А короли, султаны и прочие едут туда...

- А вы, правда, любите нашу Леру? - продолжала спрашивать молодая жена.

- Насколько я вообще могу любить, - уклончиво ответил Мальборо.

- Она необычная девушка!

- О, в этом я уверен!

Лера довольно улыбнулась и положила голову на плечо герцогу.

- Карл Владимирович, - сказал вдруг аристократ, обращаясь к Барту, - мне кажется, что впереди нас ждет что-то интересное.

- Почему?

- Ну, меня ведь не просто так сюда вызвали, чтобы руку пожать. Грядет какая-то космическая драма.

- А я какое отношение имею к этому?

- Ну, не скромничайте: самое что ни на есть прямое. Вы ведь уже были героем одной такой драмы!

- Лера рассказала? - недовольно спросил профессор.

Девушка виновато хмыкнула.

- Не обижайтесь на нее: ваша история стоит того, чтобы о ней знали! - сказал герцог. - Но, судя по всему, у нее будет продолжение.

- Откуда вы это знаете? - поинтересовался Павел.

- О, просто интуиция. А, возможно, я смотрю слишком много голливудских фильмов, - ответил герцог и рассмеялся.

Все расслабились, а он, извинившись, вышел, чтобы сделать один звонок:

- Борух Никанорович, я предупредил его!

- Таки хорошо, - раздался гнусный голос в трубке. - Можно сказать, что черную метку он получил. Теперь все по правилам.

- По каким?

- Какие мне в голову взбредут. Навязали мне вот вас в подчиненные, а вы ведь то же не хухры-мухры, теперь из-за вас устанавливаю всякие дурацкие правила: игра, оказывается, дело очень занятное!

- Но ведь это же прикольно! - довольно усмехнулся герцог.

- Таки да! - согласился Свинчутка.

Странный финал космической драмы

В небольшом деревянном домишке на окраине областного центра за круглым столом сидели трое бандитов из тех, кого называют отморозки. Они пили водку, закусывали ее салом и обсуждали поступивший им вчера заказ.

- Прикиньте, - сказал старший из них, бомжеватого вида мужик со слипшимися от грязи рыжими волосами и бородой, - приходят ко мне этот хлюст и бабка с ним и говорят, что нужно замочить одного старикана.

- А ты?

- Я ясно дело: а что нам за это будет, и что за старикан? Условия подходящие, а старикан какой-то вроде неплохой, но нам ведь это без разницы как-то.

- Это верно, - согласился второй, беззубый парень лет двадцати с синим от кровоподтеков лицом.

- А может жалко старикана? - не очень уверенно спросил третий, мужик лет сорока, который еще не совсем опустился.

- Жалко? - злобно спросил рыжий. - А пить и жрать надо? Так надо и это делать. А жалеть - не наше дело, без нас жалельщики найдутся.

- Так, когда они дадут задаток? - поинтересовался парень.

- Вот стемнеет и принесут. Чудные они какие-то. И бабка, как баба яга, а хлюст вообще сучий потрох какой-то...

- Это без разницы, лишь бы деньги принесли...

Вдруг за столом ниоткуда возникли черный кот и фавн, которые сбросили на пол со стульев двух из трех отморожков, сели на их места, и налили себе в стаканы водки.

- Ради такого случая нарушу я свой зарок, - вздохнув, сказал кот и выпил налитый по рубчик стакан водки.

Бандиты обомлели. И кот был страшен, а фавн вообще внушал им панический ужас. Он чувствовал это, и явно этим забавлялся.

- Ну, так что, мессир, - сказал он, обращаясь к ко-ту, - может уничтожим эти никчемные создания, чтобы они больше не загрязняли землю?

- Неохота лапы марать, - лениво сказал кот. - Может быть, гидру позовем?

Под одним из сидящих на полу отморозков появилась лужа.

- Так вот, - медленно сказал им фавн, - меня зовут Великий Пан, а это - мессир Кот. Вы отданы нам во власть, вы исчерпали себя, и больше не нужны никому...

Рыжий вдруг попробовал ударить кота ножом, но под его взглядом вдруг переложил нож в левую руку и стал медленно отрезать правую, которой хотел его ударить. Потекла кровь, он дошел до кости...

- Ну, будет пока, мессир, - спокойно сказал Пан.

И отморозок остановился. Часть его рыжих волос стали седыми.

- Кто еще хочет с нами поиграть? - поинтересовался кот.

- Так вот, - продолжил фавн, - вы хотели убить нашего друга...

- Это старикана? - испуганно спросил парень.

- Да, именно его.

- А я говорил, что его не надо убивать, - робко встрял третий мужик, единственный, кого не сбросили со стула.

- Мы все слышали, - кивнул кот. - Но ты также в нашей власти. Так вот мы сегодня добрые и хотим дать вам последний шанс. Вы не убьете нашего друга и вообще никого больше. Завтра вас заберут в наркологическую клинику, откуда отправят в реабилитационный центр для наркоманов и алкоголиков. Через полгода вы придете в себя, и у вас будет шанс вернуться к нормальной жизни...

- Нет уж, это хуже смерти! - зло крикнул рыжий и ножом перерезал себе горло.

- Зачем ты так? - спросил Пан кота.

- Я тут ни при чем. Это его выбор. А кто-то из вас двоих хочет сделать такой же?

- Нет, - ответили двое оставшихся в живых, трясясь от страха.

- Тогда пока вас не забрали в клинику, когда придут те двое, которые поручали вам убить профессора...

- Так он еще и профессор! Сто пудов не стоило его мочить! - подбострastically сказал парень с мокрыми штанами.

- Мочить даже и твоего рыжего друга не стоило, - грустно усмехнулся кот. - А с теми двумя, вы сделаете вот что...

... Заподлянский и Пикова по шею в фекалиях сидели в выгребной яме дворового туалета дома отморозков, к которым пришли, чтобы дать им аванс.

- Сучий Потрох, я же говорила тебе, что нельзя экономить на таких вещах! - зло сказала Пикова.

- Так ведь выгодное было предложение, - возразил Акакий Павсикахиевич.

- И как мы отсюда теперь выберемся?

- Придумаем что-нибудь.

- Так зачем тянуть? Может они сейчас вернуться и нас замочат?

- Возможно, - согласился ректор. - Я думаю, что знаю, как поступить.

Он мысленно обратился к Боруху Никаноровичу и тот тут же их увидел.

Свинчутка сидел с герцогом за столом из слоновой кости и пил коньяк из хрустальных бокалов.

- Что вы будете делать? - искренне забавляясь, спросил герцог.

- Вы думаете, что я как супергерой недоделанный возникну из фекалий и эффектно спасу это отребье? Таки нет!

- Пусть захлебнется дерьмом? - давясь от смеха и восторга, спросил аристократ.

- Нет, они нужны, к сожалению.

- Что же вы сделаете?

- Пару звонков.

Через час Заподлянского и Пикову вытащили из выгребной ямы, двух отморозков забрала милицейская машина, тело третьего отвезли в морг судмедэкспертизы. При этом один из спасавших двух видных деятелей образования и науки оказался их бывшим студентом, которому они в свое время немало крови попили. Он снял весь процесс их нахождения в выгребной яме и извлечения их оттуда на мобильный телефон.

- Хорош паразит! - восхищенно произнес герцог. - Так ведь он это в интернет выложит!

- Ну и пусть, - усмехнулся Свинчутка. - Я готовлю Сучьего Потроха на должность министра образования, ему нужно быть узнаваемым.

- Вам не жалко ни его, ни эту старую женщину?

- Мне жалко экскременты, которые они собой испачкали, - усмехнулся Борух Никанорович.

- Это правильный подход, - согласился герцог. - А что будет с профессором? Я ведь настраивался видеть космическую драму, а увидел комическую...

- Космическое порой бывает комическим, - задумчиво сказал Свинчутка. - Он второй раз уже уходит от смерти, идущей за ним. Пусть живет пока. А как вы думаете, Пан и кот не сильно оборзели?

- Вы же знаете, что они - не люди, и могут делать только то, что им дозволено свыше.

- Это верно, - грустно кивнул великий посвященный. - Как все-таки труден наш путь, как говорили римляне *per aspera ad astra*.

- Мне кажется, это вообще не про нас, а скорее про этого профессора, да ту молодую пару, на свадьбе которых я с ним познакомился... - усмехнулся герцог.

- А вы сами часом не надумали жениться на той эльфийке? - подозрительно посмотрел на него Свинчутка.

Герцог засмеялся:

- О, нет! Там ничего личного - чисто деловой подход. Мы с ней планируем гнобить эту пару, а то они так любят друг друга и так счастливы, что нам тошно и не хочется жить... Хотите заодно и старика потроллим?

- Я об этом как раз собирался вас попросить, - с улыбкой сказал Свинчутка. - Пожалуй, я рад, что мы вместе работаем. А в отношении старика вы все же погорячились: вам ведь самому девятьсот тридцать шесть лет!

- Но на вид не больше сорока, так что жизнь только начинается! Гаудеамус! - весело воскликнул герцог и залпом выпил большой фужер конька.

- Таки все-таки вы женитесь, наверное, на этой эльфийке, - хитро усмехнулся Свинчутка и также залпом проглотил коньяк. - Но это же не то, что у людей, поэтому нам это все пойдет в зачет. Ну что же: гаудеамус, так гаудеамус. Надо кого-то послать нам за водкой, я думаю.

ЧАСТЬ III . И СВЕТ ВОССИЯЛ ИМ

Проверка

С огромным трудом отмытые после всех своих злоключений Заподлянский и Пикова готовились к проверке Рособнадзора. С документами в университете было не очень: необходимо подготовить целую кучу разных бумаг, требовавшихся только на время проверки, после которой они могли благополучно утилизироваться.

А тут как назло многие преподаватели и сотрудники, которым новые руководители урезали и без того маленькие зарплаты, решили проявить характер и уволились.

- И что же нам теперь делать? - поинтересовался ректор у Свинчутки, без рекомендаций которого теперь вовсе ничего не предпринимал, несмотря на то, что так пострадал, выполняя последнее его поручение.

Борух Никанорович ему разъяснил тогда, что это очень даже хорошо - это своего рода инициация, показывающая, откуда возникают современные видные деятели образования и науки. Он даже предложил дать денег на то, чтобы ролик с хроникой извлечения Заподлянского и Пиковой из выгребной ямы показали по центральному телевидению, и сулил немалые выгоды от этого. Акакий Павсикахиевич колебался, но Адель Адольфовна отказалась категорически.

- Ей же не хочется славы! - с усмешкой произнес Свинчутка. А по поводу проверки разъяснил так: - Вы

же с ними по одну сторону. Поэтому нужно сделать так: написать на одной страничке «Бла-бла-бла», чтобы страница нормально смотрелась: где-то полужирным выделить, где-то прописными, где-то по центру разместить, а потом просто эти странички в типографии отпечатать, сколько нужно, а титульные листы сверху с печатями положить уже нормальные.

- Не уж такое прокатит? - изумленно поинтересовался ректор.

- А если бы ты проверял, разве не прокатило? - услышал он вопрос на вопрос.

- Согласен, но если бы проверяла она, то нет, - ткнув пальцем в сторону сидящей со скептическим видом Пиковой, сказал Заподлянский.

- Так вот поэтому ты - Сучий Потрох, а не она! - раздраженно ответил ему его повелитель. - Делай, как тебе говорят, а если кто-то будет умничать, то хорошо это для него не закончится!

Проверка Рособнадзора продолжалась всего два дня, и была омрачена странным инцидентом. Четверо из пяти членов комиссии наперебой расхваливали высокий уровень качества подготовки документации в университете, а вот один оказался больным. Он сказал, что настоящие в документах - только первые страницы, а внутри написано только «Бла-бла-бла».

- Вы смеетесь что ли, говоря, что все здесь хорошо?! - кричал он на коллег.

Те поначалу пытались его образумить, показывая ему документы, в которых было написано все то, что они должны были в них увидеть:

- Ну как же, вот смотри, все здесь есть!

А тот возьми и напиши в прокуратуру, сотрудники которой, приехав, увидели то же самое, что и коллеги беспокойного работника Рособнадзора. Тут кто-то

из его коллег вспомнил, что несколько дней назад их возмущавшийся друг здорово выпил. Посовещавшись, решили вызвать «скорую». Врач диагностировал алкогольный психоз, несмотря на то, что пациент был трезв как стеклышко.

Незадачливого чиновника отвезли в наркологическую клинику, где для начала привязали к койке на пару дней, а затем еще две недели подержали в общей палате, где кроме него было полтора десятка живописнейших пропойц. Через шестнадцать дней его там навестил Свинчутка.

- Надо же, как вам не повезло, заболеть в нашем городе! - голосом, в котором сквозило искреннее сочувствие, сказал он. - Мне, как человеку, курирующему науку и образование в этом регионе, данный инцидент небезразличен, и искренне опечалил меня. И привидится же такое!

- Да ничего мне не привиделось, давайте вместе посмотрим! - начал было заводиться не сломленный еще борец за справедливость, но под взглядом посетителя осекся.

- Давайте посмотрим на это вот как: у вас есть возможность либо получить оплаченный больничный на это время, и огласки не будет, либо вас отправят на реабилитацию в наркологический центр на шесть месяцев, и... прощай работа. И все-все-все об этом узнают.

- Кто все-все-все? - машинально спросил чиновник.

- Которые с Винни-Пухом были. Книжка такая есть «Винни-Пух и все-все-все».

- Не хочу, чтобы они узнали! - зарыдал вдруг под взглядом Свинчутки несчастный, в голове которого действительно что-то сдвинулось в этот момент. - Как

же я тогда буду смотреть в глаза Иа-Иа, Тигре, Кристоферу Робину...

- В том-то и вопрос! - с серьезнейшим видом ответил Борух Никанорович. - Так, что мы решаем?

Пациент вдруг увидел себя со стороны, как нес всякую чушь, и со страхом подумал, что вдруг и, правда, сошел с ума. Поэтому вслух сказал:

- Я все понял. Это было минутное помешательство.

- Вас завтра выпишут, - доброжелательно ответил ему Свинчутка. - И не думайте дурить, а то все-все-все к вам придут! А это будет похуже, чем просто увольнение из вашей конторы!

И, напевая «семь сорок», великий посвященный покинул больницу, а перед глазами несчастного заплясали эльфы и лепреконы в зеленых ермолках и лапсердаках. Впрочем, к моменту выписки видения покинули его. Как понял незадачливый чиновник, это был знак, что с ним произойдет, если он будет умничать там, где не нужно. И в дальнейшем уже не шел против мнения большинства.

От кого произошли обезьяны

Карл Владимирович и Павел сидели в небольшом ресторанчике около университета. Они часто теперь встречались, обсуждая разные вещи. Им было интересно разговаривать друг с другом.

- А вы слышали версию о том, что не человек произошел от обезьяны, а наоборот? - поинтересовался Павел.

- Мне один чудака даже доказывал, что об этом написано в Коране, - ухмыльнулся Барт.

- А там, правда, такое написано?

- Прочитай первоисточник, узнаешь, - ехидно улыбнулся профессор.

- Понятно. А что вообще вы думаете об этом? Ведь эмбрион обезьяны проходит стадию человека, а эмбрион человека не проходит стадию обезьяны?

- Сложно сказать однозначно. Нужно определиться для начала, каково вообще место человека в мире. Вот возьми, например, христианское учение о том, что из-за грехопадения человека страдает весь мир. Где же тут Божественная справедливость?

- Действительно?

- Я много об этом думал. Не мог понять, почему из-за грехопадения первых людей вся земная природа, в том числе и все животные, оказываются обречены на страдание? Ответ на этот, казалось бы «неразрешимый» вопрос можно найти, если рассматривать весь материальный мир, как единое целое. Представляется интересным сравнение человечества в его измененном грехом состоянии с раковой опухолью планеты Земля. Это сравнение не более чем образ, но он органично дает ответ, почему из-за грехопадения человека пострадала вся земля: если рак возникает в одной части организма, то страдает целое. А живого на земле намного больше, чем обычно думают последователи механистической философии, в определенной степени являющейся философией смерти.

- То есть человек был как бы мозг этого мира? - взволнованно спросил Павел.

- Ну, сложно так конкретизировать, но мысль в этом направлении. Поэтому и есть столько сходства между человеком и животными.

- А что с обезьянами?

- Ну, это и Блаватская писала, вообще теория инволюции очень популярна в некоторых кругах, - усмехнулся Карл Владимирович.

- Но вы как к ней относитесь?

- Чуть! - однозначно заявил Барт.

Однако в тот же момент тон его перестал быть столь категоричным: он увидел вошедших в рестораник Заподлянского и Пикову.

- Пожалуй, я погорячился с критикой инволюции, - задумчиво сказал профессор. - Как раз сейчас я вижу перед собой пару, от которой вполне могли бы произойти обезьяны.

Павел увидел, куда смотрит его старший товарищ и расхохотался.

- Что пойдём на улице договорим? - предложил он.

- А то эти будут вас раздражать и не дадут сосредоточиться.

- Пожалуй, да, - согласился Карл Владимирович.

Животные Нового Мира

- А что тогда получается: животные тоже имеют вечную жизнь, как и люди, раз они страдают здесь из-за грехопадения человека? - поинтересовался Павел, когда они вышли на улицу.

- Сложный вопрос, - задумчиво ответил Барт. - Не такую, как и здесь, они не такие.

Перед его глазами вдруг явственно возник его друг Кот, который с интересом смотрел, что скажет профессор.

- Что замолчали? - спросил Павел.

- Вспоминал слова апостола Павла: «Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучается донныне», - произнес Карл Владимирович. - То есть все творение, исходя из логики этого текста, страдает по вине человека, и все оно будет освобождено от рабства тлению, когда человек сумеет это сделать.

- А когда это будет?

- Уже не в этом мире; в Новом Мире будут новые люди, новые животные, все будет другим. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) писал, что «Вся тварь жила бы в свете и радости, если бы грехопадение Адамово не изменило всех судеб мира, и в наставших печальных судьбах жизни она по греховной воле Адама, которому Бог подчинил ее, подпала суете, нестроениям и страданиям. И для нее есть надежда, что в день прославления всех праведных, искупленных Христом от рабства тлению, она и сама будет освобождена от страданий и тления, то есть будет нетленной. В новом Иерусалиме, новом мироздании и животным будет место; там не будет ничего нечистого, и новая тварь получит древнее оправдание и освящение Словом Божиим».

- Как вы все это помните? - удивился Павел.

- Не все, - улыбнулся профессор. - Но что-то помню.

Из одной из машин, стоявших у обочины дороги, по которой они шли, вдруг зазвучала песня «Под небом голубым, есть город золотой».

- Вот это к нашему разговору музыкальное сопровождение, - улыбнулся Барт.

- А какова же будет судьба животных в вечности?

- Вспомню Клайва Стейплза Льюиса, писавшего: «Мы не можем себе представить и собственной нашей вечной жизни, тем более не вообразить нам тамошней жизни животных. Если бы земной лев узнал, что ему уготовано есть сено, как волу, он счел бы это описанием ада, а не рая. И если во львах нет ничего, кроме кровожадности, в вечность переходить нечему. Но если что-то есть, Бог может дать этому и тело, какое пожелает, - не пожирающее ягненка, а львиное в том смысле, в каком мы употребляем это слово, когда говорим о силе, царственности и великодушии».

- Неужели связь человека и животных так велика?

- Митрополит Макарий в «Догматическом богословии» так формулирует место человека, на которое изначально он определялся в материальном мире: «человек был поставлен как бы посредником между Творцом и творением земным: в частности предназначен быть как бы его пророком, чтобы словом и делом предвозвещать в нем волю Божию; первосвященником, чтобы возносить от лица всех земнородных жертву хвалы и благодарения Богу и низводить на землю благословения небесные; главою и царем, чтобы сосредоточивая в себе цели бытия всех видимых творений, он мог соединять через себя все с Богом, и таким образом всю цепь земных творений содержать в стройном союзе и порядке».

- Как мозг в организме человека, так человек был подобным органом в едином теле материального мира?

- Ну вот, опять ты с этим мозгом, - улыбнулся Карл Владимирович.

- Но ведь нам нужны какие-то аналогии для понимания.

- Согласен. Они и даются в Библии. О будущем блаженстве животного мира образно написал пророк Исаия: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норой аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи».

- Что-то вы сегодня сыплете цитатами, - улыбнулся Павел. - К чему бы это?

- Просто я не думаю, что сам смогу сказать лучше, - улыбнулся Барт. - Я на самом деле по памяти знаю не так уж и много цитат, всего несколько десятков. Но если знаю, то считаю, что лучше их использовать, потому что своими словами мне лучше не сказать, получится как в том анекдоте...

- В каком?

- Один друг говорит другому: «Вот хвалят все Шаляпина, а я послушал — прескверно поет!» «Где же ты его слышал?» «Да мне Рабинович вчера напел по телефону».

Собеседники весело рассмеялись. За разговором они уже подошли к входу в университет.

- Как Марина? - спросил Карл Владимирович.

- Нормально. Мне иногда кажется, что в ней таится какая-то загадка, на которую я не могу найти ответ...

- Женщина - вообще загадка, которая и сама не знает ответа, - задумчиво сказал профессор.

- А кто же его знает?

- Наверное, мужчина, который ее полюбит по-настоящему. Но так как это редкость, то поэтому так много неразгаданных загадок...

- Если так, то я свою загадку разгадаю! - уверенно сказал Павел.

- Мне тоже так кажется, - улыбнулся профессор. - Ну, пока, мы пришли уже. Не пропадай!

Входная дверь уже закрылась за Бартом, а его собеседник все еще задумчиво стоял, обдумывая последние слова их разговора.

Предки обезьян

Заподлянский и Пикова с нескрываемой ненавистью посмотрели вслед выходявшему из ресторанчика Барту, сделавшему вид, что он их не заметил.

- Гадский старикашка! - прошипела вслед ему Адель Адольфовна.

- Это да, - согласился Акакий Павсикахиевич. - Но мы сейчас не из-за него здесь, поэтому давай присядем где-нибудь.

Они присели за свободный столик. К ним тут же подошел официант.

- Что желаете? - услужливо спросил он.

- Два бокала минералки без газа, - важно заявил ректор.

Через минуту фужеры были перед ними.

- Отпей половину, - предложил Заполянский своей спутнице, и сам проглотил половину воды.

- А что? - поинтересовалась та, зная, что от ее партнера всегда нужно ожидать какого-то подвоха.

- Мы туда добавим кое-что! - заговорщицки подмигнул ей Акакий Павсикахиевич и достал из кармана два пузырька настойки из боярышника, купленные им накануне в аптеке по двадцать три рубля за штуку.

- Ты издеваешься?! - возмутилась президент университета.

- А что? - невозмутимо отвечал ей напарник. - У меня еще кусок студня есть в портфеле: вчера в университетской столовке подобрал со стола, какой-то негодный студент не дожрал: вот как они хорошо живут, а еще жалуются на жизнь!

- Сучий Потрох, ты! - недовольно заявила Пикова и сказала: - Ладно, давай заказывай, что хочешь, я заплачу.

- Это же коренным образом меняет дело! - довольнo потирая руки, воскликнул ректор и тут же заказал две бутылки коньяка, сок, четыре жарких, три заливных, пять салатов, шесть порций бефстроганова и восемь десертов.

- В тебя же не влезет столько! - возмутилась Адель Адольфовна.

- Не влезет в меня - влезет в портфель! - невозмутимо заявил Заподлянский. Он залпом проглотил целый фужер коньяка, не жуя, заглoтал две порции салата, потом выпил еще пару фужеров коньяка, после чего заявил: - У нас одно важное поручение. При благополучном его выполнении...

- Было недавно одно такое, - недовольно сказала Пикова, переживавшая из-за того, что в YouTube ролик с их извлечением из уличного сортира набрал полтора миллиона просмотров.

- Не дуйся! - примиряюще ухмыльнулся ректор, при этом съев два жарких. - Тебе же дали компенсацию.

Свинчутка и, правда, разрешил им украсть у университета по три миллиона рублей, а на вопрос, что им за это будет, ответил, что хуже, чем есть, все равно не будет. Заподлянского это вдохновило, а Пикову не особенно.

- Как в тебя только влезает столько еды? - зло спросила она.

- Это не в меня, это в солитера! - заявил ее коллега и громко расхохотался собственной шутке, не забыв допить первую бутылку коньяка.

- Сучий Потрох! - еще более зло заявила президент и с горя выпила фужер коньяка.

- Вот это другое дело! - одобрительно кивнул Акакий Павсикахиевич. - А ты знаешь, была тут у меня мысль, что, может, стоит мне стать епископом?

Пикова аж поперхнулась, и чтобы придти в себя от того, что услышала, выпила еще один фужер коньяка.

- Повтори, - велела она.

- А что, - задумчиво сказал ректор, - архиерей в нашей области, говорят, очень болеет, а я справился бы.

- Так там же надо монахом быть! - усмехнулась Адель Адольфовна.

- Ну, и что? Я же фактически девственник!

- Ой, уж девственник! А кто два года назад снял проститутку по акции со скидкой девяносто процентов, а потом от триппера лечился?

- Это та, у которой паранджа была якобы для экзотики? - уточнил Заподлянский.

- Да.

- А потом оказалось, что это, потому что она такая страшная, что ее рожу невозможно видеть?

- Да.

- И которая еще в глухой одежде была, тоже якобы для экзотики?

- Да.

- А потом оказалось, что это у нее сыпь по всему телу?

- Да.

- Не я.

- А почему я с тобой потом целый год брезговала есть за одним столом?

- Потому что дура! - нравоучительно заявил ректор. - Я чистейший человек, который витает в высоких эмпиреях, и мне вовсе непонятен ход ваших пошлых мыслей!

- Ну да, ну да, - горько заявила президент, с горя допившая бутылку и сказавшая собеседнику: - Давай уже свой боярышник!

Выпив пузырек пополам с минералкой, она с надеждой спросила:

- Но это же ты от себя такую ерунду придумал? Или...

Страшная мысль пронзила ее голову, но ответ успокоил:

- Нет, это я так, на всякий случай продумываю разные варианты. А поручение у нас таково: мы должны провести общественную экспертизу деятельности Министерства образования и науки и Рособнадзора. Они сейчас вызывают общее негодование, поэтому нужно, чтобы их проверили мы, пока не началась настоящая проверка. И вполне возможно, что я буду министром! - пропел Заподлянский и, заговорщицки подмигивая, наклонился к Пиковой: - Купи-ка еще бутылочку, может, я тебя замом к себе возьму?

- Только водки! - категорично заявила та.

- Тогда пойдешь в Рособнадзор замом, - недовольно ответил ей ректор, и они погрузились в детали предстоящей общественной проверки.

Тайный пациент

Сэр Джеймс спустился на лифте в подвал самой престижной частной больницы Америки, известность которой, впрочем, ограничивалась узким кругом избранных. «Простые смертные» о ней, как правило, даже и не слышали. Лифт спустил президента университета на двенадцать метров под землю, где главный врач провел его по коридору со стенами из специального металла в палату с находящимся в ней пациентом, о существовании которого знали только они и дежурившие около него поочередно два врача.

- Это очень необычный клинический случай, - морщась от сильнейшего запаха трупного разложения, сказал главный врач, подводя сэра Джеймса к столу с опутанным трубками и проводками телом. Казалось бы, это был труп, но, тем не менее, тело подавало несомненные признаки жизни.

- Еще бы обычный! - горько усмехнулся сэр Джеймс.

На столе лежал профессор его университета Борух Никанорович Свинчутка, который умер от рака прямой кишки, вызванного тем, что он использовал вместо туалетной бумаги стодолларовые купюры. Его с почестями похоронили. А вот дальше произошло самое странное. В склепе, где похоронили Свинчутку, прорвало канализацию. Когда сэр Джеймс увидел плавающий в экскрементах труп, он с ужасом понял, что тот подает явные признаки жизни, оставаясь при этом трупом и продолжая разлагаться.

Президент университета потихоньку замял дело, а самого профессора переправил в эту больницу, строго приказав никому не говорить о случившемся. Борух Никанорович после этого стал частенько являться сэру

Джеймсу в галлюцинациях и кошмарах, но, судя по всему, он жил какой-то своей жизнью, не подозревая о той жизни, которая еще теплилась в его теле...

- Никаких изменений? - спросил сэр Джеймс у дежурного врача.

- Нет.

- Срочно доложите мне, если что-то произойдет!

- Конечно.

Президент университета достал из кармана пиджака фляжку с коньяком, которую стал последнее время носить и, отхлебнув приличный глоток, вытащил из того же кармана и сигару.

- Что вы, сэр! - попробовал протестовать дежурный врач.

- Ему хуже не будет! - невесело усмехнулся сэр Джеймс и, обернувшись к главному врачу, произнес: - Что же, все вроде ясно. Пошли обратно.

Бал масок

В замке герцога царил переполох: сегодня должен был состояться бал в честь бракосочетания его хозяйки с эльфийской принцессой. И вот торжественный момент наступил.

Герцог и его жена в алых мантиях и бордовых масках прошли через ряды подданных.

- Ты и правда меня любишь? - тихо спросила Лориэль мужа.

- Люблю? - усмехнулся тот. - Мы же живем в ином мире, здесь другие категории и термины.

- Почему же ты на мне женился?

- Встряхнемся оба. И потом: нам же надо отомстить твоей подружке и ее супругу за то, что у них есть то, чего нет у нас. А как мы узнаем, чего у них есть, если не поживем в браке?

-Ваша светлость, - к герцогу подошел один из его помощников, - поздравить вас приехал король.

- Он в маске? - лениво спросил герцог.

- Пока нет. Он у входа сейчас.

- Пусть наденет. Дайте ему золотую, чтобы он не обиделся.

Молодые, которым было по несколько сотен лет, учтиво, но без выражения восторга выслушали поздравления короля, специально прибывшего на их свадьбу: герцог считался с его статусом и возможностями, но проявлял независимость.

- Теперь ты здесь хозяйка, - с усмешкой сказал повелитель масок Лориэль.

- Я этого пока не чувствую.

- Это хорошо. Потому что все неуловимо и преходяще в тех мирах, где есть нам место с тобой...

Помощник опять подошел к герцогу.

- Там неизвестный мне посетитель. И он категорически отказывается надеть маску. И он сказал, что вы сейчас сами выбежите к нему, когда я назову вам его имя.

- Что? - вскипел герцог. - И как его зовут?

- Борух Никанорович Свинчутка.

- Ну, уж не выбегу, а выйду не спеша, - с достоинством сказал герцог, чуть не бегом припустившись ко входной двери.

А через минуту он вошел в сопровождении человека без маски.

- Это наш большой друг и покровитель нашего герцогства, - сказал он. - Для меня великая честь, что он прибыл на мою свадьбу. Вас, наверное, удивляет, почему он без маски. Так вот: его тело, которое вы видите, и есть его маска!

... Герцог был в тайной палате американской клиники, и он знал о своем шефе что-то такое, чего тому и самому было неизвестно. Но знал он и то, что пока этот медленно разлагающийся труп - его шеф, и нужно с этим жить.

Огромный банкетный зал лучшего ресторана города был полон первых лиц региона. Бизнесмен, инвестирующий в экономику области фантастическую сумму, потомок какого-то старинного рода с титулом герцога женился на местной студентке и устроил в честь этого костюмированный бал, на котором все должны были надеть маски, в самом дорогом ресторане с банкетным залом на триста мест и огромным залом для танцев.

- Золушка хренова нашлась, - завистливо шептались дамы, мужья и любовники которых были в десятки раз беднее хозяина торжества.

- Пришел губернатор, - подошел к хозяину бала его помощник.

- Пусть он наденет маску, найди, как это ему сказать.

Губернатор в маске подошел через несколько минут, говорил слова поздравления, пожал руку инвестору и поцеловал Леру.

Помощник опять подошел к хозяину и что-то прошептал. Тот тотчас вышел из залы и вернулся в сопровождении человека, которого мало кто из присут-

ствующим знал, а те, кто знали, ничуть не удивились тому, что он единственный здесь без маски.

- Для нас огромная честь видеть здесь Боруха Никаноровича Свинчутку!

- Первое лицо региона не нуждается в маске? - спросил Свинчутку губернатор, тут же подошедший, чтобы засвидетельствовать свое почтение, но не удержавшийся от того, чтобы не съязвить.

- Таки это вы первое лицо региона. Даже у виновника торжества значимость распространяется намного дальше границ какой-то одной области. Что касается меня...

- Да поняли мы все, - с усмешкой сказал ему герцог.

- А у меня таки для вас подарок, - ответил Свинчутка, отводя хозяина в сторону.

Там он вручил ему украшенный бриллиантами золотой диплом, на котором был написано, что его обладатель теперь герцог всего мира. Написано было по-английски, но перевод делал декан факультета иностранных языков, продвинутый на эту должность Заподлянским и имеющий соответствующий уровень компетенции.

- Нельзя ему давать важные документы переводить! - возражал ректор Свинчутке, который велел, чтобы его протезе выполнил одну работу.

- Надо.

- Так он не смыслит в этом ничего!

- В этом все и дело! Но смотри, он должен сам это сделать!

В итоге к восторгу Свинчутки «герцог мира» лингвист перевел как «rease Duke», что в русской транскрипции звучало более чем двусмысленно. Особого вреда это обладателю диплома принести не могло, так

как в отличие от многих других, он был волен на равных общаться с великим посвященным.

- Любите вы, Борух Никанорович, такие гадости, - с усмешкой сказал герцог.

- К сожалению, не в моей власти заставить вас так себя называть, вы же не местные отбросы, которыми можно вертеть как угодно - ответил ему Свинчутка. - Но гадость ведь все равно хочется сделать!

И, трескуче рассмеявшись, он обнял герцога и потащил его к Лере:

- Я ведь не поздравил еще вашу супругу.

История и религия

К Карлу Владимировичу в перерыве между лекциями зашел Александр Иванович.

- Заняты?

- А что?

- Да, вот хотелось бы поговорить.

- Давайте часа через два: лекция закончится, и спешить будет не нужно.

- Хорошо.

В условленное время дверь кабинета Барта вновь открылась.

- Как ваши успехи, Александр Иванович? - поинтересовался хозяин.

- Да так-то ничего. Меня вдруг не на шутку заинтересовало то, что пишет об истории Фоменко.

- А что там может быть интересного?

- Достижение Фоменко не в том, что он предоставил альтернативную версию истории, которая похожа на игру фантазии, а в том, что он (причем, не первый) поставил вопрос об истинности академической версии

истории, которая не менее фантастична, чем его собственная версия.

- Видите ли, игра ума, она всегда может быть привлекательна. Но зачем рядить это в одежды науки? Пусть бы он назвал свои опусы научной фантастикой, и претензий к нему не было бы. А так все это смотрится как бред своего рода...

- Почему?

- Ну, хотя бы потому, что как бы ни хотелось кому-то видеть в истории лишь политику, обращенную в прошлое, она помимо этого - еще и объективный процесс, запечатленный в разных свидетельствах, дошедших до нас, так называемых исторических источниках.

- Но ведь трактовка их может быть разной...

- Согласен, даже скромная история нашей собственной жизни может быть изложена по-разному, в зависимости не только от того кто ее излагает, но и когда и при каких обстоятельствах. Но в любом случае, я же никогда не скажу, что вы и Михаил Васильевич Ломоносов — это один и тот же человек, просто отдел кадров тут что-то намудрил из каких-то соображений...

- А причем тут Михаил Васильевич?

- Ну, так Фоменко так примерно рассуждает, если довести его цепочку до ее логического абсурдного заключения.

- Но вы согласны с тем, что история намного сложнее и многомернее, чем нам кажется?

- Фоменко же наоборот ее упрощает. То, что Шпенглер описывал как циклы развития цивилизации, он пытается выдать за описание одних и тех же событий.

- А как объяснить сходство исторических процессов?

- А как объяснить сходство жизненного пути разных людей? Люди вообще похожи. И в то же время не похожи. Сходство поверхностное и кажущееся.

- Я недавно слушал проповедь патриарха, - вдруг резко сменил тему Александр Иванович. - Мне понравилось. Я не помню дословно, но если выразить это своими словами, то получается примерно следующее. Он говорил про язычников, которые живут не по внешнему закону, а сами в себе несут закон. Внутренний закон построен по тем же принципам, что и закон, данный человеку Богом. Если язычник действительно живет по этому закону, то он не противостоит Богу. Однако природа человека очень хрупка, и язычник рискует тем, что внутренняя программа его будет разрушена внешним влиянием, как это происходит сегодня у нас на глазах. Для этого и нужна христианская церковь, чтобы в периоды таких потрясений хранить Закон, показывать людям, что существует альтернатива деградации души, показывать путь к спасению, укреплять и корректировать внутренний закон человека. Я полностью с этим согласен. Ни в коем случае не должны христиане бороться с язычниками, а язычники с христианами. Язычество - это доставшийся по цепи наследственной преемственности принцип построения внутреннего мира человека, взывающий к внутреннему закону - Совести. Христианство - это внешний эталон, с которым язычник может соизмерять свой внутренний закон. Это два луча, направляющих человека к Богу. Один идет из внутреннего мира, другой - из внешнего. Не воевать друг с другом надо, а взаимодействовать друг с другом. Язычник, потерявший внутреннюю опору, способен стать зверем, но может вновь обрести эту опору через христианство. Христианин, отрицающий языческую сущность своего народа, рискует

превратиться в фарисея, оторванного от Божественной природы.

- Язычество - изначально религия поврежденного грехом человека (до греха религия не была нужна). В нем может быть часть истины, но чем дольше живет человечество, тем больше искажений в этой религии. Языческие религии могут иметь развитые философию, науку и культ (Древний Египет, Ассирия, Вавилон, например). Иудаизм изначально уступал языческому миру в части знаний. Христианство уступало языческому римскому миру в части научных знаний. Не говоря уже про ислам. А буддизм вообще фактически отрицает знание. Язычество - это обращение к миру духов, а рядом с нами - падшие духи. Через них языческие жрецы могут иметь доступ к очень большим знаниям. И огромен риск, будучи язычником, служить именно им, включая все изуверские и кровавые ритуалы. Самое главное: христианство - не внешний эталон; это возможность во Христе онтологически соединиться с Богом во всей полноте в таинстве Причастия. Для христианина нет национальных границ. Язычество (в хорошей его части) нужно христианину примерно также как современному ученому-астроному карта земли, стоящей на ките и трех черепахах: ведь не видя этой карты, он рискует оторваться от истоков своей науки. Но воевать друг с другом не надо, в этом я полностью с вами согласен.

- С вами всегда интересно поговорить, - улыбнулся Александр Иванович. - Вы не даете мыслям заснуть.

- А они и не должны быть в спячке! - улыбнулся Карл Владимирович.

Наука, не изучающая свиней

Барт попрощался с другом, но потом, рассмеявшись, попросил его задержаться на минуту.

- Вот вы с вашим Фоменко отрицаете историю как науку, а мне тут вспомнился один профессор истории, который доказывал, что история и есть единственно верная наука на примере бессмысленных диссертаций.

- Как?

- Он брал книгу «Три поросенка» и объяснял, что по ее материалам можно написать диссертацию по техническим наукам - рассмотреть сопротивление разных материалов - соломы, хвороста и камня ветровой нагрузке, провести необходимые расчеты, сделать выводы, в том числе связанные с безопасностью жизнедеятельности. Можно подготовить диссертацию по экономике - рассчитать стоимость дома из соломы, из хвороста, из камня, уровень их амортизации, сроки окупаемости, целесообразность трудовых затрат и расходов на материалы перед лицом внешних угроз. Можно по филологии - это ведь сказка, имеющая разные интерпретации и переводы, литературные обработки. Можно по культурологии: ведь свинья - это архетип, связанный с определенным культурным феноменом восприятия жизни и самой реализации своей жизненной программы в этом мире...

- А по истории, какую диссертацию здесь можно написать? - усмехнулся Александр Иванович.

- Вот в этом все и дело. Как он заявлял: история свиней не изучает! Это шутка была у него такая, - пресек Карл Владимирович возможные возражения друга и с улыбкой пожал ему руку на прощание.

Герцог и его шеф

Свинчутка поздравил Лориэль, улыбнувшись так, что той стало не по себе, а потом предложил герцогу:

- Пойдемте, поговорим. У вас есть мое любимое блюдо?

- А как же? Ваши вкусы нам всегда известны! - с наигранной услужливостью сказал хозяин, протягивая Боруху Никаноровичу фужер водки и сало с мацой.

Тот уже давно не чувствовал вкуса еды, но водку выпил и все, что было на тарелке, съел.

- Эминенция, - обратился к нему герцог, - вы смотрите современный кинематограф?

- Таки да, но не часто, - кивнул Свинчутка. - А о чем речь, ваша светлость?

- Даже светлость! Почему не сиятельство?

- Некоторые владетельные особы имеют титул светлости, вы - в их числе. Но вернемся к нашей беседе.

- Да, вот я тут посмотрел фильм такой любопытный - «Матрица 3», не видели?

- Видел. И что?

- Помните, там агент Смит ко всему прикасался, и все становилось подобным ему? Так вот у меня иногда возникает ощущение, что вы пытаетесь все сделать подобным вам!

Герцог засмеялся собственной шутке, подумав, что отомстил за подарок и облегченно закурил сигару.

- А вы зря смеетесь, вопрос довольно серьезен, - ничуть не обижаясь, ответил ему Борух Никанорович. - Дело в том, что мне не нужно ни к чему прикасаться, чтобы оно становилось подобным мне. Оно все становится таким само!

- Второй закон термодинамики типа? - ухмыльнулся герцог.

- Подруга вашей жены дурно влияет даже на вас! - засмеялся Свинчутка. - Ну, какая тут термодинамика! Здесь более высокие законы - превращение всего в дерьмо!

- Но ведь что-то и не превращается, - возразил новобраный.

- Согласен, - кивнул Борух Никанорович. - И это жутко меня раздражает, потому что разрушает мою наистройнейшую и наинаучнейшую из концепций, за которую Нобелевскую премию нужно давать тем, кто на подхвате был - типа Заподлянского, а мой вклад в ее разработку просто неоценим!

- Какая витиеватость!

- Так со светлейшими-то пообщаешься...

- И все же вы согласны, что и Барт, и Марина, и Павел выбиваются из этой теории...

- Ну, с ними не все еще потеряно, - возразил Свинчутка. - Пока они не умерли, их еще можно на чем-то поймать. Но ведь очень много тех, кого поймать нельзя, и они мучают меня во снах...

- Вас мучают во снах?! - герцог рассмеялся. - А я-то наивно думал, что это вы мучаете бедного сэра Джеймса...

- Одно другому не мешает.

- И кто же доставляет вам страдание?

- Их много. Одного зовут Иоанн, раньше он был сэр Джон. Еще два священника - православный Николай и католик Альберт. И еще один, Григорий Александрович, этот хуже всего...

- Почему именно он?

- Потому что тех не я упустил, а этого мои подчиненные. Но что-то они все против меня ополчились...

- А что они делают в вашем сне?

- Представляете, - вдруг доверительно сказал Борух Никанорович, - мне снится, как будто я разложившийся труп, но жизнь еще теплится во мне. И эти все стоят вокруг и твердят: проснись, пока не поздно! У тебя еще есть шанс!

- Мерзковатый сон, - согласился герцог, подумав про себя, что тут еще надо бы разобраться, где тут сон, а где явь.

- Я их гоню, конечно...

- Вы боитесь их Хозяина?

- Я не очень об этом думаю...

- А вам не кажется, что именно Он не дает всему миру превратиться в то, во что вам хотелось бы?

- Что тут думать: это и так ясно! - грустно усмехнулся Свинчутка. - Но я, насколько могу, борюсь с теми, кто Ему служит. Слышали, что стало с епископом?

- Слышал, но...

- А одна из его помощниц, почтенная такая дама, которая всего год назад кланялась всем и говорила только «простите» и «благословите», теперь пьет как бочка и дымит как паровоз, а при составлении своего бюджета самую большую статью расходов отводит «на грехи»...

- «На грехи»? Очень прикольно. А какая идет расшифровка к этой строке сметы?

- Пьянки, гулянки, курево и так далее по списку, - довольно сказал Борух Никанорович.

- Вы не думали, что эти двое, которым вы уделяете столько сил, служат совсем не Тому, с Кем вы боретесь?

- Думал, - с горечью в голосе признался Свинчутка.

- И тогда другой вопрос: а вам не страшно, что эти из сна когда-то вас разбудят? И что будет после этого?

- Первые три позиции мелковаты.
- Дальше там, все намного лучше.
- Это все неплохо, но...
- Что?

Под пристальным взглядом герцога Борух Никанорович вздрогнул впервые за все время, которое прошло после его смерти.

- Думаю, не разбудят, - сипло сказал он.

Духовный мир

Карл Владимирович стоял на кафедре и читал лекции группе бакалавров направления теология.

- Большинство религиозных учений говорит о том, что человек не является единственным разумным существом во Вселенной, что кроме видимого материального мира существует мир духов. Согласно христианскому учению «Ангельский мир сотворен Богом, потому что “Им создано всё, что на небесах и на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано” (Кол 1. 16). Упоминаемые здесь престолы, господства, начальства (начала) и власти являются ангельскими чинами и входят в состав небесной иерархии. Косвенное свидетельство о создании Богом ангелов многие святые отцы усматривают в 1-м стихе 1-й гл. кн. Бытия («В начале сотворил Бог небо и землю»), где под «небом» они понимают мир ангельский, а под «землей» – мир вещественный».

В исламе «вторым столпом веры является вера в ангелов. Эта вера предполагает твердую, свободную от сомнений, убежденность в том, что у Аллаха есть ангелы, сотворенные Им из света и абсолютно покорные

Его повелениям. Мусульманин верит в то, что Аллах возложил на каждого из ангелов определенные обязанности, выполнением которых они заняты, и наделил их необходимыми для этого возможностями. В Коране можно найти множество упоминаний об ангелах. Однако из этих аятов можно получить не очень много информации об их сущности. В соответствии с кораническими текстами, ангелы по своей сущности - не подобны Аллаху, Всевышнему».

Для зороастризма в учении об ангелах характерен дуализм: добрые ангелы сотворены добрым богом Ормуздом, злые ангелы происходят от злого бога Аримана (по христианскому учению все ангелы являются по природе добрыми, все они сотворены единым благим Богом, наличие среди них ангелов злых, обусловлено падением последних). В зороастризме ангелы являются существами двуполовыми, которые даже вступают в брачные отношения. В Библии ангелы предстают как бесполое. Говоря о влиянии зла на человека, уместно процитировать Макария Египетского: «Те, которые говорят, что зло является чем-то существующим в себе (enupostataton), ничего не знают. Для Бога нет никакого существующего в себе зла, но в нас оно действует со всей силой и ощутительно, подсказывая нам все грязные желания». Тем не менее, от нашей воли зависит, принять или отвергнуть эти внушения зла. «Человеческий ум, когда он ищет Божественной помощи, не слабее сатаны, так что их борьба не является неравной». И даже когда душа смешивается с сатаной в большом грехе, она не утрачивает своей личности. «Зло, - говорит преподобный Макарий, - не смешалось с нами так, каким образом происходит смешение вина с водою, но как на одном поле пшеница находится сама по себе и плевелы сами по себе».

Сведения о разделении духовного мира на добрых и злых духов содержит и иудаизм: «Если человек исполняет одну заповедь, он поручается одному ангелу, если он исполняет две заповеди, то его поручают двум ангелам; если же он исполняет все заповеди, то к нему приставляется множество ангелов, ибо, как сказано: «Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих» (Псалом 90:11). Кто же эти ангелы? Они его хранители от злых духов»; и индуизм: «Остальные же, темные люди, жертвуют навьям / И множеству низших духов». Разные религиозные учения предупреждают об опасности для человека соприкоснуться с этим миром или же говорят о ненужности такого соприкосновения. Буддизм: «Мой последователь не учится колдовать и знахарствовать. Он не читает снов и не разгадывает предзнаменований по знакам Зодиака». Конфуцианство: «Учитель не говорил о чудесах, силе, беспорядках и духах».

В Православии об этом говорится более прямо. Так святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Духовного видения духов достигают одни истинные христиане, а к чувственному наиболее способны люди самой порочной жизни. Кто видит духов и находится в чувственном общении с ними? Волхвы, отрекшиеся от Бога и признавшие богом сатану; люди, предавшиеся страстям и для их удовлетворения прибегшие к волхвам, при посредстве их вступившие в явное общение с падшими духами, что совершается под непременною условием отречения от Христа; люди, истощенные пьянством и развратною жизнью; подвижники, впадшие в самомнение и гордость; весьма немногие способны к нему по естественному сложению; весьма немногим являются духи по поводу какого-либо особенного обстоятельства в жизни. В последних двух случаях

человек не подлежит порицанию, но должен приложить все тщание, чтобы выйти из этого положения, как весьма опасного». Святитель Игнатий пишет, что «демоны не знают будущего, известного Единому Богу и тем разумным Его тварям, которым Бог благоволил открыть будущее; но как умные и опытные люди из событий, совершившихся или совершающихся, предусматривают и предугадывают события, имеющие совершиться, так и хитрые, многоопытные лукавые духи иногда могут предполагать с достоверностью и предсказывать будущее. Часто они ошибаются; весьма часто лгут и неясными провещаниями приводят в недоумение и сомнение. Иногда же они могут предвозвестить событие, которое уже предназначено в мире духов, но между людьми не приведено еще в исполнение».

«В Библии об ангелах говорится очень осторожно и, фактически, об ангелах мы знаем лишь постольку, поскольку, их деятельность проявляется по отношению к человеку. Нигде в Библии не говорится о мире ангельском в самом себе, ни о каких подробностях из жизни ангелов, не имеющих отношения к человеку, мы не знаем. Такая осторожность в подходе к изображению ангельского мира не дает никакого основания полагать, что здесь нашли место какие-то народные представления, которые всегда отличались буйной фантазией». Архиепископ Василий (Кривошеин) объясняет это так: «Самая главная причина ограниченного и как бы “прикрытого” места, уделяемого Ангелам в духовной жизни, может быть найдена в ярко выраженном христоцентрическом и теоцентрическом направлении восточной духовной жизни, где высшие мистические состояния всегда мыслятся как непосредственное единение ума и сердца со Христом или познание

Святой Троицы. На этой степени духовной жизни всякое уклонение внимания в сторону Ангелов рассматривается если не как прямо ложное, то во всяком случае как имеющее меньшую ценность».

Рассмотрим подробнее православное учение о духовном мире. Святитель Игнатий (Брянчанинов), описывая мир духов, пытается так описать их сущность:

«Из поведаний Писания о духах вытекают следующие понятия о них. Сотворенные духи суть существа ограниченные, газообразные, одаренные силою словесности. Духами они названы в Писании потому, что в нем всякое газовидное вещество называется духом (Ин. 3,8): этим названием обозначается тонкость естества духов, которою они отличаются от видимого нами грубого вещества». При этом он указывает, что «Отцы знакомят нас с естеством духов настолько, насколько это нужно для нашего спасения. Они не усиливаются определить с точностью то, что может быть известным лишь отчасти. Не только духи, не только наше тело и тела животных, но и все предметы из царства растительного и ископаемого остаются для нас предметами, известными лишь отчасти. Приписывающий себе полное познание какого бы то ни было вещества выражает только свое невежество. Мы знаем нечто, никак не все». Св. Дионисий Ареопагит пишет об этом так: «Не без основания существа, не имеющие образа и вида, представляются в образах и очертаниях. Причиной этому, с одной стороны, служит то свойство нашей природы, что мы не можем непосредственно возноситься к созерцанию духовных предметов и имеем нужду в свойственных нам и приличных нашему естеству пособиях, которые бы в понятных для нас изображениях представляли неизобразимое и сверхчувственное; с другой стороны, то, что Священному

Писанию, исполненному таинств, весьма прилично скрывать священную и таинственную истину премирных Умов под непроницаемыми священными завесами и через то соделывать ее недоступной плотским людям».

О природе ангелов, можно привести и следующее определение Отцов VII Вселенского собора: «Что касается ангелов и архангелов и других святых сил, высших их, то кафолическая Церковь признает их разумными, но не совершенно бестелесными... только имеющими тела тонкие, воздухообразные и огнеобразные, согласно сказанному в Писании: *"Творяй ангелы Своя духи и слуги Своя огонь палящ"* (Евр 2. 7)».

О числе ангелов можно привести следующие слова святителя Кирилла Иерусалимского: «Населяемая нами земля есть как бы некоторая точка, находящаяся в средоточии неба, поэтому окружающее ее небо столь же большее имеет число обитателей, сколько больше пространство; Небеса Небес содержат необъятное их число. Если написано, что *тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним*, то это только потому, что большего числа пророк выразить не мог» .

Как пишет епископ Вениамин (Миров), «Ангелы неопишуты подобно телам, при чем по своему естеству не имеют вида или образа и трех измерений. Они мысленно бывают присущи и действуют там, где им повелено и не могут в одно и тоже время действовать и здесь и там. Следовательно, когда Ангелы посылаются на землю, их нет на небе. Бывая же на каком-либо месте, бывают не так, чтобы очерчивались какой-либо формой, протяженной в высоту, длину и ширину. Таких измерений они не имеют, не имеют и вида, свойственного телам. «Бестелесное естество, - говорит преподобный Иоанн Дамаскин, - не имеет вида, чтобы быть

объяту телесно». В известном месте оно присуще, действует, но не занимает места и не обнимается».

Св. Дионисий Ареопагит в своем учении «О Небесной иерархии», в целом принятом Православной Церковью пишет о разделении ангелов на девять чинов – три триады по три чина в каждой. При этом «высший чин предстоящих Богу Умов, святимый первоисточным освящением (потому что он получает его непосредственно), очищается, просвещается и совершенствуется освящением Божества, более сокровенным и более ясным. От этого чина, по тому же самому закону благоустроенного порядка в Божественной гармонии и соразмерности, возводится к безначальному началу и концу всякого благолепия второй чин, от второго третий, от третьего наша Иерархия». «Высшие чины всецело имеют у себя все святые свойства низших, а последние не имеют всех тех высших совершенств, которые имеют первые чины, а только некоторые из первоначальных озарений сообщены им первыми, по мере их приемлемости». При этом Дионисий Ареопагит считает, что все описанные в Ветхом Завете случаи явления Бога людям – это явление им Его посредством ангелов: «Если же кто скажет, что некоторым святым являлся Сам Бог непосредственно, тот пусть узнает из ясных слов Священного Писания (1 Ин. 4,12; Быт. 3,8; Быт. 18,1), что сокровенного Божьего никто не видел и никогда не увидит, но что Бог являлся святым в известных видениях, достойных Его и сообразных с свойством тех, которым были эти святые видения. Эти Божественные видения нашим славным отцам были открываемы посредством Небесных сил».

Некоторые отцы Церкви высказывают мнения, что разделение Ангелов на девять ликов охватывает только те имена, которые открыты в слове Божиим, но

не объемлет других имен и ангельских ликов, которые нам еще не открыты.

Духовная составляющая есть и в природе человека; дух жизни пронизывает все живое. Как писал архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), «между миром растительным и миром животным нельзя найти определенной границы, ибо в области простейших одноклеточных много почти совершенно похожих форм, из которых одни служат началом растительного мира, другие – животного, и различить их почти невозможно. Такие простейшие формы животных, как речная гидра, вольвокс, совершенно похожи на растения и по своим жизненным функциям почти не отличаются от них. От класса простейших начинаются два грандиозных мира живых существ – растений и животных. Совершенно несомненно, что весь растительный и животный мир обладает, по крайней мере, низшим из даров Святого Духа – духом жизни». «Движение в неорганической природе, как и в живой, есть проявление жизни, хотя бы в минимальной, мало известной нам форме. Генетическая связь между неорганической и органической природой подтверждает это. Ибо из земли получает начало жизнь растений, а от них питание – весь животный мир. Из тех же химических элементов и по тем же физическим законам построена неорганическая и органическая природа. Духовной энергией проникнута вся неорганическая природа, все мироздание. Но только в высших формах развития (творения) эта энергия достигает значения свободного, самосознающего духа». «Мы не приписываем растениям душу в том смысле, как она понимается у человека и животных, а только бессознательное представление и бессознательную волю».

В своей книге «Дух, душа и тело» святитель Лука делает смелое предположение о существовании бессмертной души у животных: «И у животных дух связан с телом, как у человека, и поэтому есть полное основание ожидать, что и их тела будут существовать в новой природе, новом мироздании после гибели нынешнего мира. Об этом говорит апостол Павел: «Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучается доныне» (Рим. 8, 19-22). Вся тварь жила бы в свете и радости, если бы грехопадение Адамово не изменило всех судеб мира, и в наставших печальных судьбах жизни она по греховной воле Адама, которому Бог подчинил ее, подпала суете, нестроениям и страданиям. И для нее есть надежда, что в день прославления всех праведных, искупленных Христом от рабства тлению, она и сама будет освобождена от страданий и тления, то есть будет нетленной. В новом Иерусалиме, новом мироздании и животным будет место; там не будет ничего нечистого, и новая тварь получит древнее оправдание и освящение Словом Божиим».

Дух человека и животных проявляет себя посредством материи. Как пишет протоиерей Валентин Свенцицкий, «электричество существует вне лампочки. Но для того, чтобы проявить себя, оно требует целого ряда материальных условий. Точно так же и та “энергия”, которую мы именуем душой. Если ты повредишь материальный аппарат, который служит для выражения душевной жизни, например, ту или иную часть мозга, – душевная жизнь не сможет выразить себя или будет выразать себя неправильно. Но из этого совсем не сле-

дует, что мозг твой и есть твоя душа или что душевная жизнь твоя – результат физико-химических процессов в мозговых клетках. Как не следует, что электрическая лампочка и электрическая энергия одно и то же».

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) приводит такой пример: «Нам известны в мозгу двигательные и сенсорные центры, вазомоторные и дыхательные, тепловые и другие центры, но нет в нем центров чувств. Хотя от всех органов чувств и всех вообще органов тела направляются в мозг и оканчиваются в клетках его сенсорных центров все чувствительные волокна, но они несут только ощущения зрительные и слуховые, обонятельные и вкусовые, тактильные и термические, локомоторные и другие. Но это только ощущения. А не делать разницы между ощущениями и чувствами – значит впадать в самую глубокую психологическую ошибку». «...сложнейшая мозговая деятельность остается только рефлексам головного мозга. Но разве это не то же самое, что говорил Бергсон: «Мозг не что иное, как нечто вроде центральной телефонной станции: его роль сводится к выдаче сообщения или выяснению его. Он ничего не прибавит к тому, что получил» .

Поднятые в данном разделе проблемы, касаются той сферы, которая выходит за рамки научного познания человека на данном этапе его исторического развития. Как писал святитель Лука, «легковерно принимая за научные доводы те доказательства, которые приводятся в пользу суждения, что Бога нет, мы забываем выясненные уже Кантом положения, что теоретический разум одинаково бессилён и доказать, и опровергнуть бытие Бога, бессмертие души и свободу воли. Эти объекты и эти вопросы поэтому называются трансцендентными. Мы можем познать разумом лишь внешний факт, а не вещь в себе».

Как писал протоиерей Валентин Свенцицкий: «Разве ты видишь непрерывно движущиеся атомы, которые составляют неподвижную для глаз материю? Разве ты видишь множество движущихся электронов в недрах этих движущихся атомов? И можешь ли отнестись без всякого внимания к указаниям философии, что, постигая вещественный мир, ты постигаешь лишь те «субъективные состояния своего сознания», которые зависят от твоих внешних чувств, а потому о сущности самого вещества ты ничего не можешь знать. Будь у тебя иные органы зрения, иные органы слуха, осязания и вкуса – весь мир представлялся бы тебе иным». «Логика действительна только тогда, когда есть общие положения, признаваемые обеими сторонами. Тогда одна из сторон может условно сказать: если ты признаешь эти положения, то логически обязан признать и проистекающие из них выводы. Если человек скажет: “На свете ничего не существует”, - как ему можно сказать, что он говорит нелепость? Ты покажешь ему солнце, предложишь ему осязать окружающие предметы. А он скажет тебе: “Солнца никакого нет, и никаких окружающих предметов не существует”. Какой логикой и каким опытом можно опровергнуть эти нелепые слова? Для людей абсолютного неверия и абсолютной веры доказательства одинаково не нужны. Для первых они бесполезны, а для вторых – излишни».

- Профессор, а насколько точны те данные, которые дает систематическое богословие о мире духов? - спросил один студент.

- Апостол Павел ответил на этот вопрос так: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан», - задумчиво ответил Барт.

На этом лекция закончилась.

Две сказочные девушки

Марина пришла на свадьбу Лориэль без Павла; он почему-то категорически отказался идти.

- Но они же были у нас на свадьбе, нехорошо! - пыталась увещевать его жена, но мужчина был непреклонен.

- Нет.

- Почему?

- Не знаю, но чувствую, что это очень важно!

- И мне не идти?

- Ты можешь.

Марина была смущена, когда Лориэль подошла к ней и спросила, а где же Паша.

- Уперся, ни в какую не пойду, говорит.

Лицо эльфийки вдруг стало серьезным:

- Значит, он почувствовал...

- Что?

- Я хотела дать ему кубок с волшебным напитком сегодня. Выпив его, смертный не может жить без той, которая ему его дала...

- Но он же не любит ее, ты же знаешь! - встревоженно воскликнула Марина.

- Да. А зачем мне любовь? Меня не любит даже мой муж. Но нам с ним было бы очень приятно наслаждаться твоими мучениями и мучениями твоего мужа...

- Почему ты это рассказываешь?

- Потому что этот эликсир действует лишь при особых условиях, и не чаще, чем один раз в десять лет. Условия не соблюдены, ждать еще десять лет из-за та-

ких недоносков, как вы, - много чести. Найдем себе новое развлечение...

- Ты не жалеешь, что не стала человеком? - тихо спросила Марина.

- Я похожа на дочерей смертных в тысячу раз больше, чем ты, - засмеялась Лориэль.

Бывшая фея ушла с бала с твердым намерением больше не общаться с той, которая была на нее так похожа и не похожа одновременно.

Церковь Христова и глобализация

Барт вновь стоял перед студентами. Сегодня на лекции он хотел сказать им что-то важное - то, что волновало его последние годы.

- Сегодня мы поговорим с вами о Церкви Христовой и глобальном мире. Существенные свойства Церкви Христовой изложены в Никео-цареградском Символе веры, где она называется: единою, святою, соборною и апостольскою, - неспешно начал говорить профессор.

Раскрывая первое из этих существенных свойств, а именно единство Церкви, пособия по православному догматическому богословию говорят о том, что Церковь едина по своему началу и основанию, своему устройству внешнему и внутреннему, по своей цели.

О единстве Церкви, как ее существенном свойстве, единогласно учили святые отцы и учителя Церкви. Святой Иринеи Лионский писал: «хотя Церковь рассеяна по всей вселенной до конец земли ... одинаково верует ... как бы имея одну душу и одно сердце, и согласен проповедует о сем, учит и передает, как бы имея единые уста». Тертуллиан учил, что «всякого рода

вещь должна быть оцениваема по своему началу. Итак, сколько и такое множество церквей составляют одну первую Церковь, основанную апостолами, от которой все. Все они первые и все апостольские, когда все показывают одно и то же единство, и когда есть между ними общение мира и наименование братства, и взаимное гостеприимство».

В «Основных принципах отношения к инославия», принятых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 года, говорится, что «общины, отпавшие от единства с Православием, никогда не рассматривались как полностью лишённые благодати Божией. Разрыв церковного общения неизбежно приводит к повреждению благодатной жизни, но не всегда к полному ее исчезновению в отделившихся общинах. <...> Но, признавая необходимость восстановления нарушенного христианского единства, Православная Церковь утверждает, что подлинное единство возможно лишь в лоне Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Все иные «модели» единства представляются неприемлемыми».

Однако современный мир все больше говорит об иных моделях единства, с Христом и Его Церковью никак не связанным. Как сказал в одной из своих проповедей протопресвитер Александр Шмеман: «О единстве и всеединстве говорит и учит древняя дохристианская философия, о стремлении к единству свидетельствуют мистики и духовидцы всех времен. Это стремление чувствует и воплощает искусство. И вне этого стремления, проще рассказать, вне любви, и мир, и жизнь становятся сразу же адом, ледящей душу борьбой всех со всеми».

Империализм (глобализация) - искаженное единство, имеющее фундамент не во Христе, а в том, кто Ему противостоит. Человечество с древнейших времен знает такую форму государственного устройства, как империя, объединяющую в своих границах государственные образования с разным уровнем культурного, политического и экономического развития. Многие из завоевателей Древнего мира мечтали о создании всемирной империи. Но лишь к началу XX века появились исторические и экономические предпосылки для реальной возможности ее создания.

Так называемое «Новое время» стало временем постепенного перехода от целостного (как сейчас принято говорить «холистического») восприятия мира к фрагментарному. А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа» писал, что «... понятие Бога есть условие и цель мыслимости бытия, как всего бытия, как цельного бытия. Вот почему понятие Бога рушится одновременно с разрушением интуиции цельности бытия вообще. Новоевропейская мысль не только отринула реальность Бога. Одновременно пришлось отринуть и реальность очерченного и обозримого космоса, т.е. мира вообще; пришлось отринуть реальность души, природы, истории, искусства и т. д.».

Империализм, как новая форма мироустройства, обусловил то, что некоторые монополии превратились в надгосударственные образования, которые могут диктовать их правительствам те или иные условия. Монополия на власть не входила в число предметов, рассматриваемых теоретиками учения об империализме начала XX века, но она является необходимым условием создания всемирной империи. И если закрытые общества и клубы Британской империи, а в более позднее время – США, являются нам прикрытый пример

монополизации власти надправительственными структурами, то правящие партии СССР и фашистской Германии уже четко ее отражают.

Все эти политические изменения происходили на фоне перемен в самом взгляде на мир. «В мире нет ничего,- учил В.И. Ленин, - кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени». Основатель антропогеографии Фридрих Ратцель писал: «Всеобщие законы распространения жизни охватывают также законы распространения жизни человеческой. Поэтому антропогеография мыслима только, как отрасль биогеографии, и целый ряд биогеографических понятий может быть непосредственно перенесен на вопросы о распространении человека». Позднее В.И. Вернадский развил учение о ноосфере. В частности он писал: «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. ... Это новое состояние эволюции, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть "ноосфера"... Ход этого процесса только начинает нами выясняться...».

В XX веке все более происходит обезличивание человека. Как писал в своей книге «Конец Нового времени» Роман Гвардини «и раньше были многие, составлявшие бесформенную массу в отличие от высоко-развитых единиц, но они выражали лишь тот факт, что там, где единица задает ценностные нормы, в качестве ее фона и почвы должны существовать и средние люди, ограниченные повседневностью. Однако они тоже стремились стать единицами и создать свою собственную жизнь. Масса в сегодняшнем смысле слова - нечто иное. Это не множество неразвитых, но способных к развитию отдельных существ; она с самого начала под-

чинена другой структуре: нормирующему закону, образцом для которого служит функционирование машины. Таковы даже самые высокоразвитые индивиды массы. Более того, именно они отчетливо сознают этот свой характер, именно они формируют этос и стиль массы...»

Современные ученые, культурологически осмысляя данную проблему, фактически прямо говорят о единстве постхристианского человечества, как единстве в Анти-Церкви. Профессор В. П. Океанский пишет: «Если для первого тысячелетия Антихрист выступал как внешняя по отношению к Церкви сила, «скованная на тысячу лет» (Ап. 20:2), для второго - как сила, вторгающаяся в Церковь, то для третьего он выступит как сила созидающая Анти-Церковь». Перекликаются с этим слова профессора А.И. Тихонова о том, что «те, кто еще способен видеть, могут распознать Зверя, тело которого подобно гигантскому муравейнику, состоящему из людей, покорно исполняющих его волю, даже не подозревая об этом».

Ценность конкретной человеческой жизни при таком подходе (единства не во Христе и Его Церкви - когда все человечество представлялось всего лишь геологическим или биогеографическим явлением) становилась все более ничтожной в глазах тех, кто строил новый мир. Экономический фактор объясняет далеко не все в развитии глобальных процессов XX - начала XXI века.

Как писал в своей книге «Закат Западного мира» Освальд Шпенглер «деньги подходят к концу своих успехов и начинается последняя схватка, в которой цивилизация принимает свою завершающую форму: схватка между деньгами и кровью. Силу может ниспровергнуть только другая сила, а не принцип, и перед

лицом денег никакой иной силы не существует. Деньги будут преодолены и упразднены только кровью». И попытка строительства всемирного государства диктатуры пролетариата, в котором в будущем деньги вообще должны были исчезнуть, началось именно с красного террора.

Крайними проявлениями попыток создания всемирного государства в XX веке явились нацистская Германия и попытка мировой социалистической революции, увенчанная победой в ряде стран, в первую очередь, в СССР. В сущности, обе попытки, являются подтверждением диалектического принципа о единстве и борьбе противоположностей и представляют собой две стороны одной медали. И в том и в другом случае мы можем видеть порабощение основных масс народа, истребление несогласных, с конечной целью создания всемирного «идеального» государства. Третья грань - это современные глобализационные процессы, осуществляемые под эгидой США. Впрочем, и на сегодняшний день еще преждевременно говорить о реальной возможности создания всемирного государства - с учетом возникновения новых политических сил, в первую очередь, Китая, а также в связи с начавшимся процессом восстановления геополитического влияния России, хотя исторические и экономические предпосылки такой возможности намного более четко очерчены, чем в начале XX века.

В чем же принципиальная разница единства в Церкви Христовой от единства глобального антихристианского по сути своей мира?

В современном обществе все больше тех, кто не понимает, а что же такое Церковь, почему быть в Церкви жизненно важно. А ведь учение о единстве человечества - но единстве не в грехе и умирании, а в свободе,

любви и вечной жизни - было дано Господом Иисусом Христом. Во Христе Бог соединился не с каким-то конкретным человеком, а со всей человеческой природой, со всем человечеством; сама же Личность Христа - Божественная. Он сошел в мир, обреченный умереть, для того, чтобы дать возможность всем, кто захочет за Ним последовать стать свободными от рабства греху и смерти. Свободными понять, что в мире есть много вещей намного более страшных, чем смерть физического тела, через которую после грехопадения Адама и Евы придется пройти всем людям, что смерть души, пораженной грехом, намного страшнее. Христос Сам прошел через мучительную крестную смерть, но, как поется в пасхальном песнопении, Он «смертию смерть поправ», даровав вечную жизнь всем тем, кто способен ее принять.

Известный православный богослов второй половины XX века митрополит Антоний (Блум) так писал о единстве Церкви: «Слишком часто Церковь мыслится как самое наисвященное общество людей, объединенных и связанных между собой общей верой и общей надеждой на одного и того же Бога, их любовью к одному и тому же Господу; многим представляется, что единство Самого Бога, к Которому разделенные и сопротивляющиеся христиане прибегают, - хотя и исключительный, но достаточный якорь их единства. Такой критерий слишком мелок; и также слишком мелок лежащий в его основе опыт о природе и о жизни Церкви. Церковь не есть просто человеческое объединение. Это не объединение, но организм и его члены - не «составные части» коллективного целого, но подлинные живые члены сложного, но единого тела (1 Кор. 12,27): не существует такого явления как христианский индивид. И тело это, одновременно и равно, человеческое и

Божественное. Церковь не ищет единства и полноты; она есть полнота и единство уже данные и принятые».

Церковь осуществляет единство через Литургию. «Таинством единства» называет Евхаристию протопресвитер Александр Шмеман и, раскрывая это определение, сетует: «и это значит – таинством Церкви, которую св. Игнатий Антиохийский определяет, как единство веры и любви». «Нас же всех от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу во единого Духа причастие», - именно это понимание и восприятие Евхаристии предельно ослаблены в современном церковном сознании».

И именно во время Божественной Литургии верующему сердцу православного христианина не умозрачительно, а опытно открывается все значение догмата о единстве Церкви Христовой. Митрополит Антоний (Блум) писал: «Оно раскрывает перед нами тайну Церкви за пределы человечества, это показывает нам, что Церковь, в конечном итоге, - космическое явление, которое охватывает собой и Бога, и человека и все вещество, и что все мы содержимся силой благодати Божией, взаимно действуя друг на друга».

Но, конечно, нельзя думать, что для того, чтобы соединиться со Христом достаточно просто причаститься, не имея ни веры, ни желания жить по тем заповедям, которые Им были даны. И к тем, кто мог бы так думать, обращены слова апостола в Новом Завете о том, что многие христиане болеют и умирают именно по причине того, что небрежно относятся к Таинству Причащения, называемого в церковной традиции страшным. Если мы, будучи христианами, вспомним дни земной жизни Воплощенного Бога, Его добровольные страшные мучения и крестную смерть для того, чтобы люди могли получить Вечную Жизнь; то, вспом-

нив это, мы не просто поймем, а почувствуем, что Литургия – это не просто символ, как учат некоторые протестанты, а реальное действие, выходящее за пределы постигаемого человеческим разумом мира, в котором нет времени, и в котором вновь и вновь Христос приносит Себя в жертву, чтобы Своею Кровью омыть наши грехи.

В Церкви человек получает подлинную свободу, в Церкви он узнает, что такое настоящая радость. Христу важен каждый человек, иногда даже не поступок, но и намерение имеют огромное значение. В этом и есть главное отличие единства в Церкви от единства в глобальном антихристианском мире - став частью Церкви, христианин не теряет своей ценности как самостоятельная личность, а наоборот находит в ней себя настоящего.

Есть вопросы?

Вопросов не было, и Карл Владимирович пошел к себе в кабинет.

Отец Уильям

В храм города Моуди к его настоятелю отцу Уильяму пришел человек с безумными глазами. Было видно, что ему немного еще лет, несмотря на то, что все волосы на голове были белоснежны.

- Я больше не могу! - истерически рыдая, сказал он.

- Что случилось? - спокойно спросил священник.

- Я врач в одной закрытой больнице. Меня представили к одному пациенту... Это ужасно!

- Что именно?

- Он труп, но и жив одновременно...

- Как это может быть?

- Его тело разлагается, но при этом чувствуется, что связь с душой еще не прервана окончательно, и само тело, несмотря на разложение, подает очевидные признаки жизни...

- Кто же этот несчастный?

- Это известный профессор Борух Никанорович Свинчутка.

- Я слышал о нем, - кивнул отец Уильям. - Так он жив?

- Да.

- Зачем вы мне это рассказываете?

- Я разное повидал в жизни. Но то, что сейчас, выше моих сил. И еще: он является ко мне во снах. Но не такой разложившийся, а какой-то другой. И просит помочь...

- Помочь? Как?

- Он просил съездить к вам.

- Ко мне? - изумился отец Уильям.

- Да. Возле вашего храма могилы двух священников, которые его будят, но им нужна ваша помощь.

- Вот как? А как зовут этих священников?

- Отец Альберт и отец Николай.

Отец Уильям вздрогнул.

- Я помолюсь об этом несчастном, - сказал он. - А вы сами идите с миром.

Но стоило священнику только начать молиться за Боруха, как перед ним появились отец Николай и отец Альберт, давно ушедшие в мир иной и почитаемые в Моуди как святые.

- Ты что делаешь? - строго спросил протоиерей Николай. - Тебе жить надоело?

- Но он сказал, что вы...

- Это демоны решили тебя убить таким образом. Разве можно нормальному человеку молиться за служителя тьмы!

- Но он сказал, что вы его будите...

- Мы-то уже умерли, но мы и не можем его разбудить! - ответил ему отец Альберт. - Сейчас своей молитвой ты запустил сложный механизм, который не может пройти для тебя просто так. Мы пока сдерживаем тех, кто пришел сюда, чтобы накинуться на тебя из-за того, что ты разбудил Боруха, но мы не сможем всегда их сдерживать. У тебя два варианта: либо ты будешь обречен видеть мир духов, либо у тебя сейчас просто поднимется сильно давление, ты умрешь и пойдешь вместе с нами. Выбирать нужно быстро!

- А как мне определить тогда, что вы сами не темные духи? - поинтересовался отец Уильям.

- Молодец, хороший вопрос! - одобрил отец Николай. - Скажем так: ответь на это теоретически, но с учетом того, что это будет иметь практические последствия.

- Я не справлюсь с жизнью сумасшедшего, - коротко ответил отец Уильям.

В тот же миг он почувствовал, как его давление быстро ползет вверх, глаза налились кровью, голова, казалось вот-вот лопнет, и...

Он стоял рядом с отцом Николаем и отцом Альбертом и смотрел, как к его мертвому телу с воплями бессилия бросились тысячи темных духов.

- Тебе повезло. - коротко сказал ему протоиерей Николай.

- А что с Борухом?

- Пойдем, посмотрим.

Пробуждение

Борух Никанорович проснулся в палате, весь облепленный проводками, с телом разложившегося трупа.

- Это сон? - спросил он себя.

- Нет, - раздался голос.

Перед ним стояли три священника, которые точно уже перешагнули границу этой жизни.

- Таки вы меня разбудили! - досадливо произнес Борух Никанорович.

- У тебя есть шанс сделать выбор еще один раз, - ответил ему отец Николай. - У тебя неделя на это, в течение которой никто не будет тебя трогать, ни светлые духи, ни темные, ни мы - ты сам с собой должен определиться с кем ты. А чтобы тело не отвлекало, то оно исцелится.

Борух с ужасом посмотрел, как его тело вновь стало прежним - мерзковатым, но вполне живым и не разложившимся.

- Неделя, - сказал ему священник. - Никто не будет давить, ты свободен сам решить, куда идешь.

- Почему мне дан этот шанс?

- Он почти никогда не дается. Но видимо что-то есть в тебе...

- Величественное? - важно поинтересовался Свинчутка.

- Жалобное. Ты прошел через нестерпимую боль, даже не замечая этого, возможно в этом причина. Но точно мы не знаем, - ответил ему отец Альберт.

Борух задумчиво сидел и смотрел вслед удалявшимся от него священникам, свет от появления которых оставался в палате и не только не исчезал, но становился все более ярким...

2014

Путешествие от тьмы к свету в поиске себя настоящего

Современный читатель – очень искушенный, его сложно чем-либо удивить. Однако среди книжных новинок появляются не только те, авторы которых изначально стремятся «попасть в тренд», но и самостоятельные книги, содержащие новые формы осмысления вечных вопросов.

Роман Алексея Федотова «Кожаные ризы» – очень современное высокоинтеллектуальное сатирическое произведение. Автор – историк и религиовед, писатель и журналист – смог в занимательной форме на серьезном уровне поднять целый ряд онтологических проблем. Произведение напоминает калейдоскоп – визуальный ряд, запечатленный в слова; сменяющие друг друга картинки, сменяющаяся реальность, когда непонятно, что реально, а что нет, когда время и пространство становятся размыты, а потом картинки где-то смыкаются одна с другой, придавая целостность обрывчатости...

Визуальность книги очень сильна. Реально видишь персонажей, место действия. Мог бы получиться очень интересный, злободневный, но и умный фильм. Сценарий писать, адаптировать роман было бы не сложно. Вспоминается «Матрица». Этот фильм – пример того двойничества мира, который возможно присутствует в реальности, но уж точно показан в фильме. Но в фильме показана технотронная фантазия, вероятность которой мала. А Федотов описал мир мифологический. Я сравнил бы роман с гениальными романами Д. Джойса «Улисс» или «Кентавр» Дж. Апдайка. А в кинематографе – с фильмом «Синий бархат» Дэвида Линча. Не выдуманный технотронный мир, а реальный параллельный мир, проявленный ещё в классической литературе, философии, мифологии; и описал его автор блестяще с глубоким знанием предмета. Визуально и

ярко. Особенно предметно взаимопроникновение и взаимосуществование миров. Можно вновь обратиться к уже упомянутым произведениям.

Диалоги двух профессоров, за которыми также угадываются реальные прообразы, выписаны блестяще. Они точны, высокоинтеллектуальны, художественны, как диалоги Платона. Но одна мелочь. Диалоги Платона – это особый жанр. Здесь же роман. И необходимо было бы, на мой взгляд, добавить «воздуха» – небольшие детали, уточняющие место, действие и эмоции говорящих. Это придало бы блестящим диалогам живое присутствие, живое дыхание автора и читателя. А то получается, что они говорят в космосе (что само по себе не плохо). Вот ведь А. Солженицын в своём романе (и в фильме Г. Панфилова) «В круге первом» выводит забывшихся в споре учёных на улицы современной Москвы из стен их «шарашки». Но и космос надо описать – короткими точными фразами. Впрочем, это не портит произведение, скорее придает ему особый колорит.

Образы современных дельцов от науки и образования показаны ярко, сочно и точно. Сразу предстают реальные прообразы в лице деятелей университетского движения. Как они живы, так и ждёшь продолжения их похождений в новых частях романа.

Вторая часть романа «Кожаные ризы» начинается медленно и тягуче, как выход человека из глубокого запоя, депрессии или тяжёлого сна, когда не понимаешь, здесь ли ты в светлой яви или ещё находишься в тяжёлом мареве тёмного сна. Но «мы сотканы из ткани наших снов», говорил У. Шекспир. Так главный персонаж профессор Барт пытается вернуться к обычной жизни после многих лет беспробудного пьянства и нескольких часов существования в мире мифов и грёз. И первое, что он хочет сделать, это даже не избавиться от пьянства, а спасти юную де-

вуху, помочь ей. Это неосознанный благородный порыв вызывает бурю ненависти в этом и ином мире. Но как говорил Гёте «несмотря на все их недостатки, люди больше всего достойны любви».

Но сначала отметим блестящую карьеру современных дельцов от образования и науки Заподлянского и Пиковой, так понравившимся читателям в первой части. Как и в современной нам не литературной жизни эти лихие ребята достигают, казалось бы, своего потолка – ректор и президент университета. Они достигли! И уже вершат судьбы людей не закулисными играми, а открыто; и, конечно, первой жертвой становится меняющийся Барт. После комичного отравления ворованной едой (Заподлянскому жалко денег на кусок колбасы, а Пикова вообще тратит деньги только на себя любимую, у неё и семьи то, наверное, нет), они замахиваются на убийство. Но «космическая трагедия» оборачивается для них фарсом – новым витком роста их карьеры. Это достойное место – отхожее место. Сцена сговора с бандитами и последующее пребывание в дерьме описано автором ярко, визуально в традициях лучших комедийных сцен мирового кинематографа. Достойная карьера на подъёме из ректоров в отхожее место и далее в министры. Но до чего бесцветен Заподлянский или как говорил Жан Лабрюйер, «нет ничего бесцветнее, чем характер бесхарактерного человека».

Появляется во второй части романа и уже известный персонаж нашего автора Борух Никанорович Свинчутка – не человек и не мелкий бес, а «великий посвящённый». Деятель, проплывший большую трудную жизнь и достигший больших глубин низости. На новом месте, в новом романе красавец разворачивается широко, устраивает карьеру неподлейшего «учёного и преподавателя». Даже посвящает его в тайное общество с новым звучным и «гордым» именем «Сучий Потрох», его теперь так и называют

все. Командует он и иным миром, но не всеми, правда, а только теми, кто отдан ему во власть; среди них есть и большие персоны – герцог, например. Автор романа приводит очень точное и злободневное замечание.

«- У герцогов бывают шефы? - изумленно спросила Марина.

- Они даже у царей бывают. И сидят в какой-нибудь дыре – не такой шикарной, как ваш замечательный город, а в какой-нибудь хижине зулусского колдуна. А короли, султаны и прочие едут туда...».

Свинчутка дан автором ярко, но ускользающе незаметно, каков он сам – этот не человек и не мелкий бес.

Кот и Великий Пан выступают как некие современные рыцари добра. Действуют они на жителей нашего света мистическими приёмами, пытаясь сохранить всеобщую мудрость и справедливость. И не подчиняются они «великому посвящённому» Свинчутке, выполняя чью-то иную волю.

Хотелось бы отметить великолепные иллюстрации к роману. Рисунки получились замечательные – живые, текучие, с внутренним движением. Очень современные. Визуальные образы персонажей, на мой взгляд, очень точны. Особенно хорош цветной рисунок на обложку: Великий Пан, Кот и Барт очень убедительны и привлекательны. (А что ещё нужно для обложки).

Финал второй части романа впечатляет. Этот «великий» финал космической драмы оборачивается великим конфузом тёмных сил. Но Свинчутка не унывает. Будут ещё битвы, и он обязательно победит, на его стороне герцог, Сучий Потрох, увёртливая Пикова и много ещё подобного «добра». А там на той стороне, ну, кто – пьющий профессор, влюблённые, да Кот с Паном. Разве это враги? Правда есть ещё Тот, Кто не назван... Но Его скользкий

Борух Никанорович уж точно «победит». Так ему кажется...

Третья часть романа «Кожаные ризы» небольшая по объёму, завершает все сюжетные ходы романа. Вначале мы видим вновь ушедших и жадных деятелей науки и образования. Они под воздействием Свинчутки продолжают творить мерзкие дела. Мы наблюдаем полное моральное разложение не только Заподлянского и Пиковой, но и проверяющих из федеральной власти. Эти деятели не видят самого простого подлога в отчёте этих руководителей. Да, отчёта собственно и нет, есть бумага заполненная белибердой. Есть только один, кто видит это, но Свинчутка пропускает его через некоторые круги земного ада и он смиряется.

Очистившийся от пьянства профессор Барт становится проповедником Слова Божия в студенческой среде, говоря о самом интересном, что мучает юные неокрепшие души – об ангелах Божьих и демонах, Церкви Христовой. Возвращая эти молодые души на путь истинный самой сложной дорогой, дорогой правды и мысли. Но как писал О. Генри «Дело не в дорогах, что мы выбираем, а в том, что внутри нас заставляет выбирать эти дороги».

Лекции профессора – образец прямого доступного и искреннего рассказа о непонятном и важном. Автор этой книги с помощью слова, обращённого непосредственно к читателю, пытается внести искру знания неземного. И у него это получается успешно.

Становится известна и тайна «великого посвящённого» Свинчутки. Этот повелитель тёмных сил и куратор науки и образования всего-навсего полуразложившийся труп. Но и ему, как еще не покинувшему до конца этот мир, Бог через Своих праведников предлагает еще раз вопрос «С кем ты?». Выбор поистине экзистенциальный – остаться с силами зла и по-прежнему гнить или обратиться

ся к Богу. Важно здесь, что выбор этот абсолютно свободен. И скажем словами Джорджа Элиота "Сильнейший принцип роста лежит в человеческом выборе". Автор оставляет Боруха Никаноровича в раздумье наблюдать за вечным Божественным светом добра, оставшемся от трёх явившихся к нему священников, один из которых умер из-за того, что по неосторожности решил молиться за того, кто посвятил себя тьме, тем самым дав ему еще один шанс выбора...

Вся книга пронизана верой в потенциальную возможность исправления и просветления этого мира. Даже Пикова насквозь погрязшая во лжи и стяжательстве, нет, не исправляется, но и она трезвеет от этой тёмной мути и проявляет ростки мысли, что дает надежду на покаяние. А некоторые герои романа постепенно находят себя настоящих в сложном и захватывающе интересном путешествии от тьмы к свету.

Представляется, что эта книга может иметь очень большие перспективы в плане ее признания читательским сообществом.

*Александр Тарасов,
кандидат культурологии, киновед, почетный
кинematографист России, член Союза
кинematографистов России*

«Кожаные ризы»: Тело-Плоть и Дух-Душа в последнем романе Алексея Федотова

Это не совсем рецензия и даже совсем не рецензия. Сейчас дотошное исследование текста не интересует даже профессионала в той мере, как это могло бы быть совсем

недавно. А рядового читателя, того, что без претензий на популярность книги и на котируемость ее в кругах записных библиоманов, разбор словесного поля просто утомляет. Слишком многое принято было вытягивать из любого произведения, но вытяжки эти оказывались чаще всего не квинтэссенцией, а своего рода антирекламой, потому что критики в силу профессии не были заинтересованы в полном и адекватном понимании общего герменевтического смысла литературного раритета. Их более занимало открытие возможности поставить под сомнение любое концептуальное или человековедческое открытие писателя или показать его неумение выразить жгучие для него и для читателей проблемы так, как он этого хотел бы. Время бежит, даже скачет, а дипломированные любители литературы до сих пор не оставляют возможности применить принцип мидраша при оценке текста: чем интерпретационнее его интерпретация, тем милее она сердцу «разрушителя иллюзий».

Любое литературное творчество имеет недостатки во всех своих параметрах, независимо от таланта и опыта писателя. Если быть честным хотя бы по минимуму, то придется признать, что самые яркие классики золотого века русской литературы сейчас зачастую читаются очень тяжело, и это не только от отсутствия культуры чтения у современного книголюбца, но и от обостренного ощущения у него катастрофической нехватки текстов с невыдуманной реальностью, где независимо от обыденности или фантастичности происходящего на страницах присутствует высшая правда Бытия, которая может не вписываться в систему стандартной системы ценностей или общепринятых принципов видения правды мира в литературе.

В последний десяток лет у меня нет времени на просто чтение: количество подготовок к лекциям давно перекрыло многократно все разумные пределы. О том, что чи-

тать - не только полезно, но что это еще и огромное удовольствие, забыто давно и прочно. И вот я получаю в семь утра на остановке подарок от автора: книгу «Кожаные ризы». Еду сорок минут до Кохмы - читаю, приезжаю в храм - еще час есть - читаю, не отрываясь. После службы читаю на морозе, ожидая маршрутку, и в маршрутке тоже. К вечеру книга залпом прочитана. От корки до корки. При полной преподавательской и храмовой нагрузке. С наслаждением. Взахлеб. С неоднократным перечитыванием нужных строк. С неудержимым смехом во многих местах. Настроение, которое до чтения было никаким, стало человеческим. Появились желание и силы жить, работать (включать!!!), опять, слава Богу, с радостью помогать детям. Подобного чтения в своей жизни я не помню, хотя точно было нечто очень похожее. Чтобы быть правильно понятым, разъясню некоторые моменты. Я когда-то очень много читал - все, что доступно и недоступно, разрешено и запрещено. Художественную, научную, даже детективы и фантастику (иногда!). С приходом в храм изменил отношение к большинству созданий культуры, прошел через почти полное отрицание пользы светского творчества и с боем вернулся на круги своя с острым критическим взглядом на многие явления во всех видах искусства. К литературе у меня было особое отношение: она повлияла на мою судьбу изнутри и снаружи в такой степени, что оставить ее в покое, как нечто безобидное и даже полезное, я не мог.

Продираясь сквозь ранее прочитанное и когда-то принятое и понятное с новым критическим энтузиазмом, я начал понимать такое, о чем ни у кого никогда не прочитал бы и не узнал. Потеряв почти весь бывший хрестоматийный авторитет, литература во многих случаях открылась для меня совсем другими своими гранями. И тот, почти нигилистический критицизм полного неприятия литера-

турной выдумки, обернулся умением видеть реальность не в имитационно-точных описаниях сюжетных коллизий, а в истинности и правдивости самих состояний, где полностью отсутствовал какой-либо алгоритм соответствия правде или неправде. Отношение к таланту писателя приобрело совершенно новые черты. Талант Человека стал почти всегда мериллом таланта писателя (не литератора или сочинителя!!!), потому что понимание человеческого в человеке всегда превышает концептуальные претензии автора, как бы ни были они интересны, остры, злободневны и оригинальны. Читая начинающих, совсем не известных авторов, я увидел, сколько поистине талантливых людей скрыто в национальном сундуке литературы, писателей, которые не догадываются о своем таланте, привыкнув исчислять его уровень по школьной схеме. Они умеют писать так, как научить нельзя, как можно только с помощью остро зрячей совести и чистого сердца раскрыться бесхитростно и нараспашку, не боясь показаться примитивным или умственно недалеким. Это совсем не значит, что все такие писатели лишены внешних знаков образования и работают интуитивно, по наитию и наощупь. Часто чувство правды, о котором если и говорилось когда-то, то лишь в смысле опосредованной придуманности в русле злобы дня, позволяет молодым и «неопытным» авторам творить чудеса откровения в структуре текста, создавая неоспоримые узлы реальности «малой кровью». Стилистика таких произведений зачастую переполнена банальностями непрофессионализма в привычном понимании этого термина, как он сложился в годы подпольной литературы, где диссиденты всех фасонов и расцветок правили бал гениев - заслуженно или нет. Но сейчас я уверен: многое из того, что совсем недавно считалось признаком дилетантства и недоработки, теперь исчисляется совсем другой мерой, потому что звучание истины, как оказалось на

практике, зачастую требует серьезных стилистических жертв, для которых необходимо мужество, не мыслимое как именно мужество в еще совсем недалекие от нас времена.

Прочитанные в последнее время книги оцениваются мной чаще всего по тому ощущению, которое они оставляют в душе, уме, сердце, а иногда и во всем существе, подобно явлению нерасшифрованного человека, которого почему-то прекрасно понимаешь даже тогда, когда не согласен с ним по самым наболевшим вопросам, но принимаешь без боли его противоположную правду, почти не удивляясь, что он тебе совсем не враг. Так Бог посещает нас, открываясь нам и понимая, что далеко не каждый свидетель чуда распознает это чудо, доверяя нашей нравственной интуиции видеть не юридический раритет, а Высшую реальность в Его следах. В этих текстах могут быть неровности и шероховатости стиля и смысла, композиционные и сюжетные потери, лингвистические несуразницы и многое другое, к чему обычно придираются специалисты. Но если в такой книге есть Состояние ума и духа, определенное и безусловное, она уже Книга, а не книжка. И она состоялась. Она не может быть не нужна людям. Ее НАДО читать. Или хотя бы прочитать. Роман «Кожаные ризы» Алексея Федотова создает яркий, однозначно читаемый образ духовного пространства, скомканного и искореженного безвременьем новейшего времени, в котором приходится компоновать свою жизнь и судьбу близких, вопреки устроенности в нем антагонистической сети Врага и его слуг. Книга не просто оставляет яркий след в душе, но дает совсем не литературную надежду на реальность значительно лучшего бытия для наших детей, чем то, что имеется у нас и для нас.

Профессор Алексей Александрович Федотов - очень разносторонне образованный, начитанный, яркий и ода-

ренный человек, талантливый писатель, но кроме высшей грамотности и культуры у него - колоссальный опыт общения с интереснейшими в разных отношениях людьми. Это общение не только предельно продуктивно именно как общение, но и результативно как способ незаменимого ничем познания абсолютно объективной реальности, рождающей особый авторский иронизм. Юмор этот охватывает все сферы высшего и низшего бытия на всех этажах и закоулках, поэтому, читая его, быстро привыкаешь к парадоксам панибратства с потусторонними силами и духовными сущностями, перетекающими в супертелесность и колеблющимися между присутствием в слове текста и реальной материальностью. Вообще, чтобы правильно читать и понимать произведения А. Федотова, надо категорически отказаться от привычной схемы восприятия литературного каркаса, раскрепостившись максимально и забыв все то, чему когда-то учили в школе или вузе на эту многострадальную тему. Все животрепещущие вопросы бытия, возникающие сегодня в любую секунду перед совестью или выбором человека вопреки логике нормальной жизни, представлены в романе А. Федотова в виде смеющихся картинок-действий как бы фантастического характера, где заведомая несерьезность положений вызвана их равноправным присутствием в нерасчлененной реальности рядом с прозаическими до тошноты событиями. В книге этой злободневным проблемам, о которых надоело, но стоит кричать, уделено очень много места. Но это место, точнее, места, так встроены в текст, что читатель, лишенный в личной судьбе понятия об этих проблемах, не замечает данной проблематики, почти ничего не теряя. Злободневность наличествует не как сиюминутная забота, а как общая для всех времен система неустройства жизни в ее беззаконных и безбожных линиях. Эти линии пересекают друг друга и каждого, кто оказывается на пути у

судьбы, и автор лишь корректирует сюжетную тропу не для ее удобочитаемого изменения в пользу слабого читателя, а для того, чтобы читающий знал и помнил: в реальности, что рядом, фантастики несравненно больше.

Скажу откровенно: мне крайне импонирует в текстах этого автора бескомпромиссное наличие очень нужных и мудрых мыслей о Родине, Церкви, Вере, религиозности и Безверии, мыслей, которые давным-давно приходят в голову верующим, не способным стать равнодушными к судьбе Отчизны и ее детей в наше нестандартно-оригинальное время, когда забота или помощь страждущим воспринимается большей частью людей как проявление недоумия и наивности. Это и думы, и размышления на, казалось бы, непрактические и умозрительные темы. Уровень мышления здесь так уместно высок, что не ощущается каким-то сверхъестественным процессом, не стоит над миром суеты и праздности, а вписывается в систему нормального повседневного умозрения через рассуждение человека, не способного миновать всего того, что вопиет к совести и способности осмысливать через высшее проявление Веры - через духовный интеллект внерассудочной совести. Таким образом, сложные научные построения обретают форму, свободно льющуюся в необходимое по ситуации русло в виде раздумий, притчей, реплик или шуток. Стиль этих мыслей может быть и принципиально книжным, и заведомо «кухонным», никогда не теряя уровня внутренней серьезности и подлинной значимости. В этих мыслях появляются цитаты и пересказы, открываются собственные, четко сформулированные, догадки и гипотезы. Видно, что у автора подобных мыслей - море, но он вынужден экономить силы всех, кто будет читать его книгу, а это иногда могут быть люди, не признающие ценность мысли самой по себе, или наоборот, не принимающие ее без связи с необходимостью момента.

Писатель не занимается доказательством истины или ее защитой. У него для себя и для потенциальных единомышленников есть точка отсчета, позволяющая в любой ситуации говорить с позиции силы и правды. Это Любовь, от которой все и происходит в меняющемся мире, к которой все возвращается, иногда с большим опозданием, иногда неожиданно вовремя. Каким бы умным, логичным и правдивым ни было бы суждение о предмете или явлении, результат этого суждения определяется знанием исходного источника. Не исчерпывающей информацией о нем, а именно знанием в древнейшем смысле этого слова. Автор «Кожаных риз» прекрасно знает саму Любовь, а не что-то очень важное о любви или про любовь, поэтому не позволяет никому усомниться в ее подлинности в пределах романа и не дает возможности читателю экспериментировать с этим священным понятием по моде нашего расхристанного и бесстыдного времени. Сила и правда, о которых уже сказано, ощущаются в постановке в романе проблем любой степени сложности: они не подвергаются неуместным сомнениям в надежности нравственных истоков любого доброго действия, которое может дать сиюминутный проигрыш, но в итоге все равно выигрывает. Или даже победит. И не из-за того, что наша правда всегда должна победить, а из-за того, что она - единственное мерило необходимости, не несущей никакого зла.

Книга очень смешная и грустная. Точнее, умеющая насмешить, рассмешить и тут же, пока смех еще не прошел, окунуть в кипящую вражду любых форм сатанизма, коих в нашей нынешней космологии прибавляется не по дням, а по часам. Алкоголь, как один из персонажей повествований А.А. Федотова, спутник и пособник лукавого, работает в тексте как бы походя, не обнаруживая особого персонифицированного образа и тем самым показывая свою реальную сосредоточенную работу по изменению

личности. Будучи совсем незаметным на фоне говорящих и действующих персонажей, он напоминает внимательному читателю без лишних уточнений и намеков, что его скромная и в то же время великая миссия - всегда быть наготове рядом с горем и радостью, чтобы в итоге превратить все и вся в одно и то же - в телесно-духовный студень.

Писатель не заявляет о проблемах так, как это сделал бы на его месте журналист: громко, четко сформулировав задачу дня. Он делает это смелее и умнее. Потому что за каждой проблемой стоит пять спереди и десять сзади, и, ухватившись цепко за одну, потеряешь все другие и эту тоже. Автор романа не исследует проблематику так, как это делает публицистическая наука: трогая ум и сердце железной логикой причин и следствий явления, задевая личностные струны души, щекоча сердце полной иллюзией взаимного соответствия мыслей и возможных действий вещающего и слушающего. Писатель, имея жесткую и незыблемую точку зрения на краеугольные явления Бытия, тем не менее, дает читателю полное право не соглашаться с его мировоззрением и противостоять ему вместе с веселыми персонажами романа, представляющими обобщенный портрет успешных по жизни современников, успешных только в смысле материальном.

И последнее, о чем обязательно надо сказать. Автор «Кожаных риз» - верующий человек. Не ищущий Бога, как говорят о ком угодно, а имеющий Его в своем сердце. Знающий Его. Поэтому особо ценно наличие у этого автора искрометного нестандартного юмора, живого и блестящего ума, умения увидеть в явлении бездну непридуманного содержания, а его любовь к русскому языку достойна более чем уважения. Через эти качества неброские на первый взгляд мысли приобретают философскую и лингвистическую значимость, становясь осознанной вехой на пути к правде...и к счастью. К счастью, которое не из этой

книги, а из самой глубины жизни... А книга помогает его увидеть в реальности... И начать сначала...

*Юрий Ермилов, преподаватель Ивановского
Богословского института им. Св. Ап. Иоанна Богослова
и Ивановского художественного училища
им. М.И.Малютина,
теолог, арт-теоретик, лингвист, изограф*

«Знай наших!»: о романе Алексея Федотова «Кожаные ризы»

Работа и учеба... Не до чтения... И все же... Бывает же такое!!! Мне даже не дают в руки книгу А. Федотова «Кожаные ризы», а открывают первую страницу и, тыча пальцем в строчку, велят читать. Мне не до того: на носу сессия. Но я прилежно читаю, постепенно все шире и шире улыбаюсь, наконец - смеюсь во весь голос... Ощущаю радость пополам со страхом: в тексте описывается то, что мне предстоит на днях - сдача экзаменов на юридическом факультете. Я успеваю даже проверить кое-какие свои знания и еще от души поиронизировать над незадачливыми коллегами из книги. Постепенно вчитываюсь и уже лишь с большим трудом могу оторваться.

Все, что дальше, совсем из другой оперы, юристы больше не появляются, все переходит в мистику пополам с фантастикой, хотя понятно, что автор вряд ли что-то выдумывает. Скорее всего, он подстраивает текст под нечто доступное любому уму, начитанному и не очень. Все что пришлось одолеть по школьной литературной программе, даже в самых необычных вариантах, значительно проще и понятнее, чем то, что у меня в руках. Впечатление от романа напоминает мне впечатление от фильмов Александра

Сокурова и Алексея Германа на кинофестивале «Зеркало», это фильмы «Фауст» и «Трудно быть Богом». Фильмы сложные для восприятия, трагичные и тяжелые, но захватывающие целиком и заставляющие вспоминать себя в необычных ролях маленькой еще пока биографии, это ощущение даже сильнее самой жизни и его уже никогда и ничем не заменишь.

Поначалу напрашиваются параллели с «Алисой в стране чудес» Л. Кэррола, потом с «Мастером и Маргаритой» М. Булгакова, но очень быстро это обманчивое тождество пропадает. Автор «Кожаных риз» - христианин не выдуманного интеллигентского толка. Все, что у него о Церкви и Боге, не подлежит сомнению скептика, а, безусловно.

В книге очень много знакомых мне проблем, известных от самого близкого человека - преподавателя вуза: это и зарплата, и научный подвиг, и проблемы публикаций. Другие - рутинные - заботы рода человеческого поданы как бы походя, но настолько точно и живо, что то, на что в жизни не обращала внимания, теперь становится легко понятным. Тема любви у автора, наверное, ведущая. Он явно знает, что это такое, больше других, знает на своем, возможно, горьком или счастливом опыте. Но чувствуется, что во всех линиях и намеках о любви нет ничего отчужденного: все там пережитое, свое. И мне думается, что все, кому давно уже надоели тусовки и пустые застолья с разговорами ни о чем, найдут в этой книге для себя нечто такое, чего не смогут найти больше нигде.

В романе о любви говорится так, что понятно, сколь близка и дорога эта тема автору. Мне, как посещающей храм, ясно очень немало церковного в тексте, но я думаю, немногие сумеют правильно понять некоторые рассуждения автора на специфические богословские и просто духовные темы. Но мне кажется, что каждому, кто любит чи-

тать, стоит познакомиться с этой необычной, очень непростой, но и очень интересной книгой. Тут есть над чем посмеяться и о чем серьезно подумать. Юмор Писателя необычен, доходит до почти хулиганства, и это мне просто нравится. Все-таки здорово, когда умнейший и серьезнейший человек способен рассмеяться там, где любой другой бы об этом и не подумал! Мне кажется, что, как все-таки классно, что в нашем городе есть такие интересные люди! Они не просто что-то сочиняют, а создают настоящую литературу. Знай наших!!! Молодые и юные! Если «Кожаные ризы» окажутся у вас в руках - читайте! Не пожалейте! Хочется для пущей честности добавить: не всё поймут в этой книге те, для кого проблемы счастья кажутся наивными и устаревшими. Но и для них здесь есть все, что их душе может быть угодно. Доброго вам чтения!

***Анна Фимилина, студентка юридического факультета
ФГБОУ ВПО «ИвГУ», лауреат областных и городских
краеведческих, литературных и конституционного
конкурсов***

О романе «Кожаные ризы»

Роман А.А. Федотова «Кожаные ризы» написан хорошим, литературным, удобочитаемым языком. Потому он и читается легко и непринужденно. Поднятые в нем вопросы - очень сложные для современного читателя. Однако, здесь автор смог найти оригинальную форму для их изложения и донесения до ума и сердца любого человека. Самая большая авторская находка, как нам кажется, это ненавязчивый способ изложения. С его помощью читатель незаметно вовлекается в некий процесс и начинает не только

усваивать, то, что ему «разжевал» автор, но и приобретает способность осмысливать прочитанное самостоятельно.

Сложная тема, затронутых в романе вопросов, разбита на короткие и продуманные в сюжетном плане эпизоды. Это делает книгу значительно более легкой для усвоения. В ней очень тонко переплелась и сатира, и глубоко продуманная духовная философия. В книге А.А.Федотов выступает не только, как автор, писатель и журналист, историк и религиовед, но и как прекрасный полемист, обладающий высокой эрудицией. Все это вкупе придает произведению мощную энергетическую направленность чувств, мыслей и слова. В унисон с содержанием книги выступают иллюстрации художника Журавлева В. С., удачно и метко отражающие ее содержание.

Весьма точным, нам кажется, является название романа «Кожаные ризы». Это что-то вроде облачения современного человека. Он облек себя в некую практичную оболочку из плоти, по сути, в «кожаные ризы», подверженные неизбежному тлению и смертности. Ум его помрачен настолько, что, как и похотливое тело становится таким же тлетворным, грязным, смердящим и в итоге таким же смертным. А что же душа? Лишь только она может быть нетленной, чистой и бессмертной... Это справедливо только при наличии у человека определенной духовной составляющей.

Вот такой подтекст (если совсем быть краткими) усмотрели мы в названии романа.

* * *

Внутри нас бьется в такт Вселенной сердце,
Сакральный свет пульсирует в крови.
Душе дано в объятиях согреться
Христова Храма солнечной любви.

Пусть Слово верой в душах отзовется,

Заря надежды нас связует с Ним.
Иисус Христос объемлет, словно Солнце,
Сходящий с неба град Иерусалим.

И, еще... Читая роман «Кожаные ризы», невольно ловишь себя на мысли, что он во многом перекликается с «Мастером и Маргаритой» М.А. Булгакова и с некоторыми произведениями Ф.М. Достоевского, а это говорит о сложности, поднятых в нем вопросов.

Действующие лица произведения, путешествуют в пространстве и во времени, поочередно пребывая то в материальном мире, то в духовном. Автору удалось не только коснуться важных тем, волнующих современный мир, но и обнажить сущность человеческой личности в культурологическом, морально-этическом и духовном аспектах.

Адель Адольфовна Пикова, представительница прекрасного пола, пожалуй, встречается практически в каждом учреждении страны. Именно от таких, поднаторевших в подковерных играх, женщин зависит судьба многих талантливых людей, остающихся все время почему-то в тени. Такие надменные «командоры» в юбках и, как правило, с постоянно дымящей сигаретой в руках, с накрашенными до неприличия губами и с чашечкой дымящегося кофе диктуют всем и каждому в отдельности свою норму поведения в обществе. Не Великий ли Пан вошел, в некотором смысле, в философию В.С. Соловьева и других представителей этого направления, сделавших Софию четвертой ипостасью Бога, что в корне неприемлемо для Православия?!

Кот Карл - это двойник Карла Владимировича, а если точнее, то его глюки, ведущие в иллюзорный мир алкогольного бреда. В Мухославске и Гадюкине, а, по сути, везде можно встретить своих Заподлянских и Петровых. В романе упоминается завод «Электроконтакт»... На одно-

именном предприятии в Кинешме мы проработали практически всю жизнь, и можем доподлинно засвидетельствовать, что и там среди нас работали свои Барты и Требушинские. Вполне очевидно, что нет необходимости перечислять все персонажи романа, поскольку с каждым из них мы довольно часто встречаемся в своей повседневной жизни.

О заключительной же главе романа «Пробуждение», все же следует сказать отдельно... Через образ Боруха Никаноровича и явившихся к нему в палату трех священников автор пытается дать надежду каждому человеку на то, что такой же свет, как тот, что остался от старцев, не исчезнет бесследно. Наступит время, когда этот свет воссияет в душах каждого, и мы все облачимся в нетленные ризы зари духобытия.

Известно древнее изречение Гермеса Трисмегиста из «Изумрудных скрижалей»: «Наибольшее зло для людей - есть незнание Бога». К подобному выводу можно прийти после прочтения «Кожаных риз». В каждом человеке, даже если он является атеистом, есть Совесть - Божий свет... Кстати, слово «совесть» имеет такие составляющие, как «Со» - Бог и «Весть» - Его глас.

Стремитесь в творческом порыве
Посеять знаний семена.
Взойдут они на Божьей ниве
И воссияют имена...

*Владимир Говорков, член Союза писателей России,
лауреат Всероссийской и областных
литературных премий
Иван Мягков, писатель, краевед, лауреат
и медалист ВДНХ*

СВИН В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Страшный ритуал

Сэр Свин был крупным финансовым магнатом. Он владел банками в разных частях мира, и правительства всех стран, в которых находились представительства его корпорации, вынуждены были с ним считаться. Но почти неограниченная теневая власть не устраивала сэра Свина - ему хотелось и публичного признания всего мира. А для этого он должен был из свина превратиться в кого-то другого.

Банкир обратился к Некроманту. Тот сказал ему, что есть один сложный, жестокий способ, связанный с призыванием самых темных сил, как из свина стать тигром. Любой другой содрогнулся бы от описания ритуала, который в подробностях рассказал Некромант, но только не тот, кто и так привык извлекать выгоду из чужих страданий.

В одной из стран у сэра Свина был большой замок. Он купил его с обременением: прежний владелец, Старый Тигр согласно подписанному между ними договору, должен был до своей кончины жить в одном из флигелей этого владения. Финансовый воротила редко бывал в замке, а тут приехал, да еще не один, а с четырьмя гостями. Один из них был Некромант, трое других - Крысоскунс, Змеежаб и Козлобык - были плодами научных опытов Некроманта, готовыми выполнить любой его приказ. Старый Тигр, ничего не подо-

зрелая, принял приглашение на ужин к хозяину. В еду ему подмешали снотворное, и старик не заметил, как заснул. Проснулся он от боли: его лапы прибили гвоздями к доскам, и готовились к чему-то еще более отвратительному и ужасному. Тигр понял, что пощады ждать не приходится и грустно спросил хозяина:

- Зачем вам это нужно?

- Ничего личного, поверьте, я отношусь к вам с большой симпатией и уважением, но, к глубокому моему сожалению, именно с вами вынужден проделать эту процедуру, которую невозможно избежать, так как это будет модернизационным рывком по инновационному развитию всего нашего мира, повышающим эффективность звериного сообщества на несколько порядков, - ответил ему сэр Свин так вальяжно и непринужденно, как будто они были на светском рауте.

И со Старого Тигра заживо содрали шкуру. Он еще помучился недолго, но наконец умер от боли.

Финансист придирчиво осмотрел шкуру:

- А нужны вообще были эти четыре дырки в лапах? - недовольно спросил он.

- Без них никак, - подтвердил Некромант.

И начался ритуал. Сэр Свин влез в шкуру тигра и вдруг понял, что это не понарошку, как ему сначала казалось: шкура и на самом деле начала прирастать к нему так, как будто была его собственной.

От боли он вскрикнул.

- Ничего, ему было больнее, - усмехнулся Некромант.

Несколько часов читались разные заклинания, сэра Свина то заставляли выпить какую-то жидкость,

то погрузиться в ванну с каким-то раствором, то пройти сквозь огонь.

И вот он уже стал тигром.

- Не совсем тигром, - заметил Некромант. - Правильнее назвать вас Свином в тигровой шкуре, так вы и будете теперь называться, но для посторонних называйте себя тигром.

А на следующий день передовицы газет пестрели сенсационными заголовками: в поместье известного магната сэра Свина был зверски убит один из представителей древнейшей знати - Старый Тигр. Это так впечатлило банкира, что он решил уйти от дел, назначив президентом своей финансовой корпорации племянника погибшего, а сам отправился в уединение куда-то, а куда именно было тайной.

А еще через месяц Некромант открыл свой институт философии, купленный на его имя вместе со зданием, лабораторной базой, разрешительной документацией и отлаженным учебным процессом - такова была плата Свина в тигровой шкуре за оказанную ему услугу.

Прекрасный Тигр

Меньше чем через год президент самой крупной в мире финансовой корпорации Прекрасный Тигр стал самым популярным в мире лицом. Его цитировали, о нем писали, им восхищались. Он находил простые и, как казалось очарованным им массам, безболезненные решения самых сложных проблем.

Например, проблему перенаселения он предложил решить с помощью массовой стерилизации. Она

не была насильственной; просто по всем телеканалам популярные среди молодежи звери рассказывали, как круто пройти через эту процедуру, которая подарит свободу и освободит от ненужных обязанностей, абсолютно ничего не лишая. В итоге пропаганды за каких-то полгода около шестидесяти процентов зверей детородного возраста цивилизованной части мира сделали себе стерилизацию, надеясь найти счастье в свободных отношениях, которые рекламировались в передачах «Нора» и «За стеклом террариума». Судя по всему, это было только началом, и проблема перенаселения потеряет свою актуальность в ближайшем будущем.

Другой проблемой было то, что излишнее развитие медицинских технологий, неоправданно продлило жизнь больных и старых зверей, содержание которых стало обременительным для звериного сообщества. Прекрасный Тигр с помощью одного института, который за пару месяцев кроме философского открыл биофакультет, разработал добавки в продукты, которые позволили оптимизировать продолжительность жизни так, что старые и больные звери естественным путем покидали этот мир.

- Мы добились того, что из жизни уходят на ее излете, имея еще силы для того, чтобы достойно встретить смерть! - заявлял Прекрасный Тигр и ему аплодировали.

Уже за полгода число населения сократилось так, что это стало заметно. Высвободились средства пенсионных фондов и фондов обязательного медицинского страхования в ряде стран. «Сразу видно, что это финансовый гений!» - восхищенно шептались главы многих государств.

Реформе подверглась и образовательная сфера.

- От многот мудрости много печали, - глубоко-мысленно вещал Прекрасный Тигр. - Она удел лишь немногих избранных для несения этого тяжкого бремени. Но разве имеем мы право взваливать его на всех? Конечно же, нет! Это просто нечестно по отношению к ним. Каждый зверь должен уметь выполнять только ту функцию, к которой он предназначен, ему не нужно знать какую роль играет она в общем производственном процессе, не говоря уже о каких-то глобальных проблемах мироустройства! Это лишь отяготит его жизнь, которая может быть исполнена оптимизма и чистой радости бытия, не омраченных муками ненужных мыслей.

Пропаганде уделялась первоочередная роль.

- Нам должны верить, что черное - это белое, если мы так скажем, потому что наш нравственный авторитет должен так высоко стоять в глазах всех живущих на земле, что и тени сомнения не может быть в самых абсурдных вещах, если их произнесли мы или наши официальные представители! - заявил Прекрасный Тигр на собрании глав государств, сорвав бурные овации.

Некромант и его помощники были ему больше не нужны, и вскоре погибли в результате террористического акта. Магнат лично организовал траурную процессию по улицам столицы, гроб Некроманта нес сам, а гробы с телами монстров несли министры, президенты банков и генералы.

- Мы потеряли мужественных бойцов за светлое будущее! - смахивая скупую слезу, сказал Прекрасный

Тигр на траурном митинге. - Это были мои преданные товарищи, и я клянусь отомстить за них.

И все восхищались. Никто не знал ведь, что Некромант посмел шантажировать самого влиятельного зверя в мире. А после того, как в результате полицейской спец операции убийцы мага и монстров были ликвидированы, уже не было тех, кто мог бы подумать, что Прекрасный Тигр на самом деле Свин в тигровой шкуре.

Лишь однажды еще возникла накладка. Когда главы государств решили избрать его председателем всемирного правительства, старый Тигр, главный жрец, был привлечен к процедуре инаугурации для придания красочности мероприятию. Он прочитал приличествующие случаю молитвы и вдруг с ужасом заметил, что из под тигриной лапы новоявленного владыки мира выглядывает свиное копыто. Он попробовал заявить об этом во всеулышание, но остальные не видели того, что было видно ему.

- Старик сошел с ума, - снисходительно улыбнулся Прекрасный Тигр. - Ему пора на покой. Надо позаботиться, чтобы лучшие врачи день и ночь следили за ним, как бы он не причинил себе вреда.

И верховный жрец оказался узником в роскошной вилле, где мог делать все что угодно, но, не видя никого, кроме своей обслуги, являющейся одновременно его тюремщиками.

А новоназначенный заместитель председателя всемирного правительства Звероящер выступил с заявлением, что религия морально устарела, чему свидетельством последний инцидент. И нужно вместо всех религиозных символов оставить один не выдуманный,

а вполне реальный - Прекрасного Тигра, воплотившего в себе все земные совершенства.

- Ну что же, если вы так уж сильно этого хотите, - скромно сказал владыка мира.

И все звериные народы ликовали.

Тигр без шкуры

Прошло три года правления Прекрасного Тигра, и от ликования не осталось следа. То, что поначалу он предлагал делать добровольно, стало обязательным. Тех же, кто пытался уклониться от исполнения повелений, ждала казнь. Система контроля стала совершенной: в лоб и лапу каждого из зверей вживили микрочипы, благодаря чему через глобальные компьютерные системы стало возможно отслеживать их перемещения, покупки, контакты. Говорили, что с развитием нанотехнологий смогут осуществлять контроль и за их мыслями.

Нецивилизованная часть мира, где жили люди и другие непонятные существа, уступающие животным в развитии согласно разработанной Некромантом при жизни теории геополитической инволюции, не хотела подчиняться. Поэтому Прекрасный Тигр распорядился применить ядерное оружие. Война сократила население мира на несколько порядков, а одновременно и количество мест, пригодных для обитания. Никто не знал есть ли победители в этой войне: глобальная система коммуникаций нарушилась, поэтому контролировать что происходит в мире централизованно стало невозможно.

Население мира стало маленьким, но и ресурсы как-то вдруг сразу истощились после войны. Голод и холод, отчаяние и страх стали уделом оставшихся в живых. Мировому правительству уже невозможно было в условиях краха глобальной компьютерной сети отслеживать подданных. Были эпидемии и моровые язвы, вода из-за радиации стала непригодной для употребления. А тут еще появился какой-то Тигр без шкуры.

Как поговаривали, он воскрес из мертвых и рассказывал странные вещи про владыку мира. О том, что никакой он не Прекрасный Тигр, а Тигр в свиной шкуре. А в доказательство достоверности своих слов Тигр без шкуры показывал свое израненное тело и пробитые гвоздями лапы.

Владыка мира ужасно злился, но ничего не мог сделать: что-то ему мешало. Наконец, спецподразделение уничтожило смутьяна, но легче от этого не стало. Через три дня его вновь увидели живым, и на нем начала вновь вырастать его шкура. А у Свина в тигровой шкуре она начала облезать...

Пришествие Великого Тигра

Через короткое время шкура совсем облезла, и всем стало ясно, что владыка мира - это свин. Но он был так страшен, что его стали бояться еще больше, чем когда считали тигром.

- Я доведу все до победного конца! - заявил он.

Мир вымирал, но в некоторых нецивилизованных его частях еще остались какие-то силы, которые согласно донесениям разведки пошли войной на режим Свина в тигровой шкуре. Тот выдвинул войска им

навстречу. Вся техника погибла в ядерной войне, поэтому предполагалось, что сражение будет вестись средневековыми методами. Однако битве не суждено было состояться. Дорогу армии владыки мира преградил Тигр без шкуры, впрочем, теперь она вновь на нем выросла.

- Хорошо, что ты мне попался, я вновь смогу тебя использовать! - заявил ему злобный свин.

Но тот только грустно покачал головой:

- Посмотри туда!

И Свин в тигровой шкуре с ужасом увидел, как с неба сходит армия Небесных Тигров, а во главе ее Великий Тигр.

- Я и с тобой справлюсь! - в беспомощной ярости закричал он, но тут же умер задушенный своей же не находящей выхода злобой.

Войско его бросилось бежать, но погибло - кто от страха, а кто от бессильного гнева.

- Что же теперь будет с этой землей? - печально спросил Тигр без шкуры Великого Тигра.

- Она себя исчерпала, - кротко ответил тот. - Но в ней было много и доброго, что станет фундаментом новой земли.

И Тигр без шкуры с радостным трепетом увидел, как на руинах старого испоганенного мира вдруг появляется новый мир, без зла и страдания; как все невинно замученные Свином в тигровой шкуре вновь возвращаются к жизни.

- А этот мир никогда не закончится? - с надеждой спросил он Великого Тигра.

- Нет, - уверенно ответил тот и улыбнулся.

2014

ХРОНИКИ ЗВЕРЛАНДИИ

ЧЕРНЫЙ КАРЛИКОВЫЙ ТИГР

Повесть-сказка

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Дорогие читатели!

Перед Вами книга писателя и учёного – профессора Ивановского филиала Института управления (г. Архангельск), религиоведа, доктора исторических наук, кандидата богословия, члена Союза журналистов и Союза писателей России, Алексея Александровича Федотова.

Книга эта написана в очень необычном и редком жанре – жанре сказки для *взрослых детей*, для тех, кто, повзрослев годами, остаётся в душе ребёнком. Почему же писатель выбрал именно этот жанр для выражения своих идей?

В ответ на этот вопрос Алексей Федотов любит цитировать своего предшественника, известного христианского писателя и философа Клайва Стейплза Льюиса, который так объяснял, почему он выбрал сказку в качестве формы для целого цикла своих книг, получивших мировую известность: «В ней не было ни сложных характеров, ни любовных линий. Жанр, в котором всё это отсутствует, – сказка. И как только я понял это, я полюбил саму Форму: её краткость, строгую сдержанность описаний, её гибкие традиции, её непримиримость ко всякому анализу, к отступлениям, рассуждениям и прочей болтовне. Сказки обобщают, оставаясь в то же время конкретными; представляют в осязаемой форме не понятия, а целые классы понятий, они избавляют от несообразностей». В 1962 году, в письме к одному из своих юных читателей, Клайв Льюис написал: «Боюсь, я сказал о Нарнии всё, что хотел, и продолжения не будет. Почему бы тебе не сочинить его самому? Я начал писать, когда был младше тебя, я уверен, стоит только попробовать, и у тебя пойдёт». В детстве К.С.

Льюис писал о сказочной стране Зверландии, которая, по его словам, «не имеет ничего общего с Нарнией, за исключением разве очеловеченных зверюшек. Зверландия принципиально лишена даже намёка на волшебство».

Алексей Федотов первый раз пробовал писать о звериной стране тоже в детстве, и прошло больше тридцати лет, когда, после знакомства с «Хрониками Нарнии», а затем и со всем творчеством К.С. Льюиса, он вдруг за две недели написал первую часть «Хроник Зверландии». Нужно сразу отметить, что нарисованный им мир не похож на мир, показанный знаменитым англичанином; если брать литературу туманного Альбиона, то скорее вспомнится Джонатан Свифт, впрочем лишённый мизантропии и желчи. И хотя Зверландия, выдуманная русским автором, и не лишена намёка на волшебство, при чтении вас не оставляет ощущение необычайной реалистичности сказки.

Книга Алексея Федотова получилась глубокой и многоуровневой, и каждый читатель сможет почерпнуть из неё что-то полезное и интересное лично для себя. Аллюзии, которыми наполнена книга, могут иметь разное прочтение в зависимости от опыта читателя. Мы же попробуем обозначить здесь один из вариантов этого прочтения, учитывая то, что автор произведения – историк и религиовед.

Пожалуй, самые яркие образы, появляющиеся в сказке, – это Крылатый Лев, Ангел-хранитель сказочной страны Зверландия, и Древний змей – демон, мучающий эту страну. Автор очень ярко показывает, что их власть в стране зависит от того, к добру или ко злу склоняются жители волшебной страны.

В сказке можно увидеть параллели с русской историей, в частности, в первой части – с отречением императора-страстотерпца Николая Второго от престола в 1917 году. Тогда тоже были люди, считающие, что как только Россия перестанет быть монархией, всё сразу станет пре-

красно. Свою частную волю они ставили на место воли народа, полагая, что им виднее, как будет лучше для страны. В реальности же отречение императора стало началом нового периода страданий России.

Чёрный Кот – главный герой первой части трилогии – получился персонажем сложным и интересным. В начале сказки он имеет какие-то черты честного государственного служащего, на определённом этапе прельстившегося внешней мишурой, но пока ещё наивного, считающего, что преобразования нужны для блага Зверландии. Но постепенно Чёрный Кот начинает считать, что реформы нужны сами по себе, и это становится началом его падения. Символично, что именно кот свергает Крылатого Льва и освобождает Древнего змея.

Жизнь героев сказки после государственного переворота становится чем-то похожа на жизнь в современной России или послевоенной Америке. Социальные пороки и преступления множатся по мере уклонения жителей Зверландии в сторону греха. Постепенно все они, так стремившиеся к свободе, становятся рабами Древнего змея.

Автор противопоставляет подлинный выбор между добром и злом выбору того или иного политического лидера. Он показывает, что выбор жителей страны в пользу Древнего змея вначале кажется более лёгким и безопасным, но оборачивается множеством страданий, а выбор в пользу Крылатого Льва вначале кажется опасным и невозможным, а в итоге оказывается простым и дарующим радость и истинную свободу.

Вторая часть хроник – «Орден Крылатого Льва» – вводит нас в жутковатый мир своего рода концлагеря, обитатели которого должны собираться на благодарственные собрания, чтобы выразить свою обязательную радость по поводу того, что с них содрали три шкуры. Таких обществ двадцатый век и начало третьего тысячелетия дали немало.

В этом мире процветают тотальная слежка и несвобода, но в то же время в нем ещё присутствуют дружба, благородство, самопожертвование. Автор показывает внутреннее вызревание личности главного героя, которому для того, чтобы совершить предначертанное, необходимо простить накопившиеся от детства до старости обиды, переосмыслить как свою собственную жизнь, так и жизнь своих родителей и близких людей, и уже с этим опытом пройти сквозь насмешки и поругание, чтобы достучаться до окаменевших сердец.

Третья часть трилогии – «Последний Кот Зверландии» – ещё одна зарисовка на тему того, каким же может быть конец истории этого мира. По содержанию она совсем другая, чем, например, «Последняя битва» Клайва Льюиса, но в чём-то глубинном видение авторов совпадает: мир гибнет только потому, что в нём не остаётся ничего хорошего, что могло бы ещё жить. Но в то же время добро не пропадает без следа – оно обретает бытие в обновлённом мире, творимом на месте разрушенного.

Во всех частях сказки очень точно прослеживается путь человека от добра ко злу и обратно, а также подчёркивается значение личности для исторического процесса. Один обратившийся помогает обращению многих других, а затем способствует изменению жизни всей страны.

Много и других интересных христианских мыслей можно найти в этом замечательном произведении, если читать его вдумчиво. Как говорил тот же К.С. Льюис: «В идеале сказка может дать даже больше, чем реалистическое произведение. Благодаря ей мы приобретаем новый опыт, потому что сказки не "комментируют жизнь", а делают её полнее».

Когда я пишу, я скорее наблюдаю за птицами, чем строю здание. Я вижу образы. Нужно всего лишь замереть и следить, как они соединяются друг с другом. Если вам очень повезет (мне никогда не везло настолько), из этих образов последовательно складывается картина, и вы безо всякого труда получаете готовую историю. Но чаще (а со мной всегда) в ней есть пробелы. Вот только тогда вам и приходится что-то придумывать, чтобы объяснить, почему те или иные персонажи оказались там-то и там-то и делают то-то и то-то.

Если в истории, которую вы собираетесь рассказать, заложена какая-то мораль, она неизбежно возникнет сама собой и в ней отразится весь ваш жизненный опыт. А если нет, не нужно ее изобретать. То, что у вас получится, будет банальностью или даже ложью. Единственная мораль, которая имеет какую-то цену, – мораль самого автора.

К. С. Льюис

Зверландия

В Зверландии кто только ни жил! И говорящие звери, и сказочные существа. Людей, правда, было мало: слишком уж высокие требования к ним здесь предъявлялись. Считалось, что человек должен быть во всем безупречен – и честный, и благородный, и добрый, и смелый. А если нет – иди в местную полицию и меняй паспорт человека на паспорт гоблина – гоблин любым может быть.

Но вообще-то в этой стране всем находилось место. Нельзя сказать, что все в жизни ее обитателей было безоблачным – простые и справедливые ее законы после истолкования правил их применения местными управителями бывали очень тягостными; и сами жители нередко ссорились друг с другом. В то же время преступности почти не было, не то что в соседних Гоблинландии и Лепреконию, эмигранты из которых получали вид на жительство в Зверландии только после многочисленных проверок их благонадежности. Голода здесь не было, каждый имел жилье и работу.

Царем Зверландии был Крылатый Лев. Мудрый и благородный, он думал о каждом из своих подданных, чтобы любой мог реализовать свои таланты. Он считал, что самое большое благо для живого существа – это свобода, нужно дать каждому шанс проявить себя, а вмешиваться лишь в крайних случаях. Но получилось так, что талант занимать места начальников в высшей степени был хорошо развит у лепреконов и гоблинов, поэтому из пяти губернаторов провинций этой страны было два лепрекона, два гоблина и только один старый мудрый тигр. Жители его провинции благоденствовали, но сами

этого не замечали. Им казалось, что они лучше решили бы все проблемы, и роптали на власть.

А вот губернаторы остальных провинций, занимая эти посты, принимали местные акты, уточняющие общие законы. Например, Крылатый Лев дал всем право на труд. Они же «для блага местного населения» трактовали его как право работать двенадцать часов в день с одним выходным. Им, конечно, хотелось бы, чтобы рабочий день составлял 16 часов, а выходной отличался тем, что в него можно работать всего лишь 8 часов. Но самый хитрый лепрекон сказал, что тогда вмешается Царь. Или Крылатый Лев гарантировал всем подданным право на жилье. В четырех провинциях это право трактовалось как право самим нести все заботы о содержании жилья. А для лучшей организации этой заботы были созданы специальные компании, помимо которых невозможно было ни отремонтировать дом, ни отапливать его зимой. Прибыль от этого шла на «местные нужды».

Разумеется, Царь обо всем этом знал. Он вообще мог в любой момент встретиться с любым жителем страны, стоило тому лишь очень сильно этого захотеть и мысленно позвать Крылатого Льва. И неизвестно откуда Царь тут же мог возникнуть перед ним. Но он не откликнулся на пустые и корыстные призывы. Более ценным для него представлялось то, что находилось в сердце и в голове его подданных, чем то, будет их дом одноэтажным или четырехэтажным, и будут они есть два раза или восемь раз в день. Кстати сказать, наиболее недовольными были именно те, кто имел шестиэтажные дома и ел десять раз в день. Причины их недовольства были обусловлены тем, что им сложно было переварить такое количество пищи, и тем, что, находясь на одном этаже

дома, они думали, не залезли ли воры на другой. Хотя воровство в Зверландии было крайне редким.

Зато те люди, звери и сказочные существа, которые без ропота переносили все трудности, поддерживали среди них друг друга, чувствовали какую-то незаметную, но реальную помощь Крылатого Льва. Все-то у них получалось как бы само собой; имея самую простую еду, они умели радоваться ей как пиру, в самом скромном жилище им было уютнее, чем в любом дворце. И тот, кто жил с ними рядом, глядя на них, тоже хотел стать лучше.

Однажды губернатор Тигр спросил у Крылатого Льва, почему он позволяет притеснять жителей четырех пятых страны лепреконам и гоблинам.

– Они сами позволяют это делать, – грустно ответил Царь. – Им самим нравится жить по тем законам, которые устанавливают их губернаторы, потому что они смеют написать его на бумаге лишь после того, как жители их провинции запишут этот ложный закон в своем сердце. Жить по законам гоблинов и лепреконов вначале кажется более легким, но затем каждый, принявший их за истину, оказывается в жутком рабстве. Но пока все еще неплохо. Хуже будет, когда две трети подданных потребуют моего изгнания из страны и искренне будут уверять, что без меня им будет лучше, а остальные делают вид, что согласны с ними или что им все равно. Немногих оставшихся верными мне я заберу с собой в изгнание.

– Неужели возможно такое? – сокрушенно спросил Тигр, почувствовавший вдруг, что это не просто возможно, но и произойдет через не очень долгий срок. – Есть ли тогда надежда для этой страны?

– Надежда всегда есть: я вернусь из изгнания, если хотя бы один из жителей этой страны, выбравший жизнь

без меня, захочет научиться чувствовать радость не от того, что будет потакать своим желаниям, а от того, что станет поступать, как подсказывает правильным его сердце, хотя так жить будет труднее. И тогда со временем он вырастет над самим собой и изменится, а с ним изменится и страна так, что я вновь смогу прийти в нее и принести ее жителям мир и радость... Не бойся, мой добрый друг, это не случится при твоей жизни. Ты столь благороден и мужественен, что ради тебя одного я не покинул бы Зверландии!

Губернатор Тигр был уже стар. Он прожил только три года после этого разговора.

Кот, который захотел стать тигром

Заместителем губернатора Тигра был Черный Кот. В начале своей работы это был очень хороший кот. Ему нравилось помогать жителям провинции, вникать в их проблемы. Он следил и за школами, и за больницами, и за тем, чтобы ни в чем не нуждались те, кто из-за старости уже не мог больше трудиться. Черный Кот следил за тем, чтобы рабочий день в провинции был ограничен восьмью часами, выходных дней было два, и ни у кого не было проблем с жильем. А еще он очень любил Крылатого Льва и Тигра, во всем с ними советовался и поступал так, как они ему рекомендовали. И не было случая, чтобы у него что-то не получилось.

Черный Кот был женат. Его жена Желтая Кошка очень гордилась тем, что у нее такой важный муж, и не разделяла его забот. Она брезгливо морщилась, когда узнавала, что заместитель губернатора лично помогал в ремонте дома престарелой болотной выхухоли или что он довел до дома валявшегося на улице опустившегося

кота по имени Фул Энимал. «Это не твой уровень! – говорила ему жена. – Заместитель губернатора – это такое большое лицо, а ты превратился в бесплатную прислугу для всех!» «Я где-то читал, что тот, кто хочет быть первым, должен всем служить», – возражал ей муж.

Желтая Кошка не любила книги, в которых пишут подобные вещи. Ей вообще не нравилось, как все поставлено в их провинции, здесь сам губернатор только и смотрел, кому он может чем-либо помочь. То ли дело в соседних областях! Ее очень впечатлил прием у губернатора Лепрекона, к которому ее муж по поручению Тигра однажды ездил на какой-то праздник и брал ее с собой. Какой же там был прекрасный дворец, а как важны были сановники, какой простушкой она казалась по сравнению с их женами! У Лепрекона было восемнадцать заместителей, из них семь первых, и самый малозначимый и из них, Лис Плут, был в восемнадцать раз богаче Черного Кота, который был единственным заместителем губернатора Тигра. Его жена Лиса Алиса носила бриллианты, а Желтая Кошка могла себе позволить лишь стразы. И жили они не в маленьком одноэтажном доме из пяти комнат, а в шестиэтажном особняке с сорока комнатами. После общения с Алисой у кошки просто слезы на глаза навернулись.

– Бедняжка, – деланно сочувственно сказала ей новая знакомая, – у моего мужа некоторые из слуг лучше живут, чем ты. Что же старый Тигр притесняет своего заместителя, тем более единственного!

Но дело в том, что губернатор Тигр и не думал притеснять Черного Кота. У него самого дом был вдвое меньше, да и жалованье он себе определил меньшее: «Много ли надо старому одинокому тигру, то ли дело молодой семейный кот!» – так говорил старик.

Желтая Кошка это прекрасно знала, но почему-то от этого ей было еще обиднее. Она начала наседать на мужа, чтобы еще и еще он бывал в соседних провинциях. А их губернаторы, почувствовав интерес Черного Кота, стали часто приглашать его под разными поводами. И каждый раз они находили, чем ослепить воображение его жены. Да и сам кот по мере того, как общался с губернаторами лепреконами и гоблинами и их многочисленными заместителями, начинал задумываться, что, наверное, что-то не так они делают с Тигром, какие-то они наивные и слишком простые. То ли дело здесь, где последний слуга мог раздуть серьезную проблему из любой мелочи, которую в их провинции решили бы походя и не заметили. И постепенно Черный Кот научился и сам на все смотреть глазами своих новых друзей.

Но самым плохим было то, что один из шести первых заместителей губернатора Гоблина дракон Цзы, пристрастивший кота к выпивке, научил его быть недовольным теми вещами, которые от него не зависели и которые он не мог изменить, как ни старался. Черный Кот стал недоволен тем, что он родился котом, а не тигром; тем, что он не так прожил свою жизнь.

Заместитель губернатора стал важным и надменным, перестал помогать жителям провинции и начал понемногу приводить их жизнь в то русло, которое было в соседних областях. Он потребовал от Тигра, чтобы его должность называлась «Первый и Единственный Заместитель губернатора», а еще просил у Крылатого Льва, чтобы он помог ему из кота стать тигром. «Это невозможно, – улыбнулся тот. – Но ты можешь стать лучше многих тигров, если преодолеешь тот кризис, в котором сейчас находишься».

Черный Кот отмахнулся от Царя: с недавних пор он считал его выживающим из ума, а Тигра вообще маразматиком. То ли дело губернатор Лепрекон или даже заместитель губернатора дракон Цзы! Кот стал считать, что те многочисленные ордена, которыми наградили его все четыре губернатора просто за то, что он приезжал к ним в гости, намного более значимы, чем тот единственный орден, которым наградил его Крылатый Лев за пятнадцать лет беспорочной службы. Он даже стал стыдиться этой награды.

И его сердцу оказались милы слова дракона Цзы, который сказал ему, что в стране слишком много бардака, и что Царь все губит, и как хорошо было бы сменить форму правления в государстве и избрать президентом Древнего змея, который в настоящий момент был единственным во всей стране заключенным. В этом новом порядке государственного устройства Черный Кот может рассчитывать на особые милости. И, кто знает, может быть, Древний змей сделает для него то, что не сделал Крылатый Лев – поможет из кота превратиться в тигра... А ведь требуется совсем немного: всего лишь рассказать губернатору Тигру о том, что он разделяет такие мысли...

После того, как Черный Кот рассказал все это старому Тигру, добавив от себя немало обидных слов, сердце того не выдержало, и он скоропостижно умер. Ожесточившийся кот ничуть не расстроился и провозгласил себя новым губернатором провинции. Но прибывший на похороны Тигра Царь сказал, что назначит другого губернатора. Тогда уязвленный Черный Кот заявил, что не признает такого Царя, и необходимо собрать весь народ страны, чтобы он сам определил свое будущее. «Ну что же, если ты правда этого хочешь, – грустно сказал Крылатый Лев, – через три месяца после похорон Тигра мы проведем такое собрание». И кот, преисполнившийся было важности от того, что смеет так говорить с Царем, вдруг почувствовал, что теряет что-то очень важное и дорогое в себе, вернуть которое будет очень сложно.

Царь отправляется в изгнание

В столице Зверландии было многолюдно. Жители всех областей съехались сюда, чтобы определить, какой

должна быть их страна в будущем. Многие недоумевали: разве плохо живется им с Крылатым Львом? Разве не знает он все их нужды и чаяния и не приходит на помощь всегда, когда это необходимо? Но большинство были опьянены перспективой стать из подданных Царя свободными гражданами: разве свобода – это не предел мечтаний?

На главной площади был установлен помост, на котором за большим столом сидели все губернаторы провинций и их заместители. Они составили временное правительство переходного периода. Во главе его в белом парике и обвешанном орденами камзоле важно восседал Черный Кот, которого они избрали премьер-министром. Кот не подозревал, что хитрые лепреконы, гоблины и драконы сделали это только потому, что сами страшно боялись Крылатого Льва и ничем не могли ему навредить. Ранить Царя в сердце так, чтобы он добровольно согласился удалиться в изгнание, мог только тот, кого он любит, и кто раньше сам его любил.

Крылатому Льву не предложили даже стула. Величественный, он стоял напротив стола, сидевшие за которым казались ничтожными пигмеями по сравнению с ним. С грустью смотрел Царь на народ, но особенно на kota.

Старый Лепрекон, тоже в белом парике и камзоле, приподнявшись со стула, объявил, что слово предоставляется его превосходительству премьер-министру Черному Коту.

Кот начал говорить о том, что любая монархия подавляет народную свободу, является препоной на пути прогресса и развития, что всеобщая любовь – инфантильная сказка, в которую многие поверили и этим украли у себя лучшие годы жизни, что лучшая форма

правления – это президентская республика. Наиболее оптимальный вариант развития событий – естественный отбор, когда наиболее приспособленные к жизни особи смогут вытеснить на периферию тех, кто лишний в этой жизни. А такому развитию событий мешает то, что Царь напрямую может общаться с любым подданным, и из-за этого зачастую наиболее важными оказываются не деловые качества, а такие субъективные вещи, как доброта, справедливость, честность, которые, как доказал великий философ Фунь Поц, существуют лишь в воображении.

Черный Кот говорил все это, а глаза Крылатого Льва наполнялись слезами – так жалко ему было друга, в сердце которого вошло зло.

– Достаточно, – властно оборвал он кота. – Скажите, – обратился Царь к народу, – вы правда хотите, чтобы я покинул вас и отправился в изгнание, как предлагает это самозванное правительство?

– Хотим! – закричала толпа.

– И вы готовы взять ответственность на себя за тот выбор, который сейчас делаете так, что возможно дети ваши и внуки будут за это расплачиваться?

– Готовы! – завывали кабаны, фавны, бегемоты и крокодилы, стоявшие в первых рядах.

– Я не вас спрашиваю, – оборвал их Крылатый Лев. – Так я жду ответа!

– Готовы! – закричала толпа.

– Вы знаете, что превыше всего я ценю вашу свободу, но вы должны понимать, как трудно будет потом вернуть все назад...

– Мы не хотим ничего понимать, мы хотим идти вперед к светлому будущему, – оборвал его премьер-

министр, в душе которого в этот момент что-то рвалось на части.

– Знай, мой дорогой Черный Кот, что только ты сможешь вернуть счастье этому народу, как сейчас ты его у него отнял! – торжественно сказал Царь. И, обернувшись к толпе, возгласил: – Да свершится! Царь отправляется в изгнание! Есть ли те, кто хочет последовать за ним?

Все молчали. Внезапно всех растолкал оборванный гоблин:

– Когда-то я был человеком, но мне не хотелось жить по правилам. Я думал, что теряю радость в жизни. И я предпочел отказаться от звания человека и стать гоблином. Но в душе я всегда любил Вас, Государь! Я отправляюсь за Вами в изгнание.

– Ты не пожалеешь об этом, сын мой. И ты уже не гоблин – ты опять человек.

Все находившиеся на площади ужаснулись, увидев, как искаженное пороком и страданием лицо гоблина вдруг превратилось в лицо прекрасного юноши. Все сидевшие за столом съежились, со старого Лепрекона даже свалился парик от страха. Но Черный Кот почему-то был невозмутим:

– Ну и кто, кроме этого жалкого неудачника, который сам себе не нужен, хочет отправиться в изгнание? Кстати – фокус неплохой. В чем секрет? – обратился он к Царю.

Эти слова успокоили сидевших за столом и толпу. Да, это всего лишь фокус, на которые Крылатый Лев большой мастер. Все-таки хорошо так трезво смотреть на вещи, как господин премьер-министр! Старый Лепрекон вновь натянул парик и, со злобным прищуром осмотрев толпу, спросил:

– Так нет больше желающих идти в изгнание за так называемым Царем?

И желающие нашлись. Это были две девочки, которых Крылатый Лев воспитал в своем доме, после того, как умерли их родители. Они бесстрашно прошли сквозь дышащую ненавистью толпу и встали рядом с ним.

– Я знал, дети мои, – со слезами радости сказал он.

Но больше никто выйти не решился. Если гоблину это было сделать просто, девочкам потребовалось мужество, то теперь для того, чтобы встать рядом с Царем, нужно было стать настоящим героем – столько ненависти кипело в воздухе. Многие сомневались, а поэтому люто ненавидели тех, кто принимает решение без сомнений.

– Больше никто не хочет идти за тобой, мне вдруг стало жаль тебя, ведь я всегда тебя любил, – неожиданно сказал Черный Кот Крылатому Льву. – Я нужен был этому народу, чтобы получить свободу, но он сможет жить и без меня, здесь много других мудрецов. Мне кажется, что в память о нашей дружбе я должен отправиться с тобой, чтобы ты не погиб в изгнании в такой непутевой компании.

При этих словах Желтая Кошка, до этого восторженно взиравшая на триумф мужа, от ужаса упала в обморок. Все, находившиеся на площади, напряглись, как струна. Лишь наиболее хитрые из сидевших за столом остались спокойными.

– В твоём сердце осталась любовь, но не она сейчас в тебе говорит, а желание покрасоваться, поиграть в благородство. Поэтому ты пока не можешь пойти туда, куда идем мы, ты еще не готов, – возразил Крылатый Лев. – Но я знаю и то, что ты не отказался бы от своих слов и пошел бы за мной в изгнание, чтобы делить все тяготы

и невзгоды, даже не зная, куда я иду. Поэтому у тебя есть шанс стать тем, кто вернет счастье этому народу. И особая защита всегда будет с тобой. Тебе придется бороться лишь с одним врагом – самим собой.

– Куда же ты идешь? – подавленно спросил Черный Кот.

– Я иду к Великому Императору, туда, где нескончаемая радость, в страну, по сравнению с которой любая родина кажется чужбиной. А со мной идут лишь трое...

Вся площадь взывала. О Великом Императоре ходили легенды, все знали, что Царь больше всего на свете желал отправиться в его страну. И получалось, что они не изгнали его, а освободили от ежедневного служения их нуждам и проблемам.

А Крылатый Лев тем временем приказал ставшему человеком гоблину и девочкам сесть к нему на спину. Затем расправил свои могучие крылья и полетел, с каждой секундой удаляясь от народа, который захотел жить без него.

Освобождение Древнего змея

Пока Черный Кот, как и все на площади, с грустью и ощущением неизбывной потери смотрел вслед удалявшемуся Крылатому Льву, все остальные сидевшие за столом ликовали. Им по большому счету было все равно, куда улетает Царь, главное – что здесь теперь никаких Царей не будет. И этот взбалмошный кот с его неожиданными метаниями между крайностями, конечно же, им не будет здесь нужен. Но он должен сделать еще кое-что, сегодня его день.

– Ваше превосходительство, – согнувшись подошел к нему Лепрекон с какой-то бумагой, – в честь народного

освобождения от гнета царизма, я думаю, нужно объявить амнистию политическим преступникам.

– А они у нас есть? – удивился премьер-министр.

– Вы разве забыли про Древнего змея?

– Ах, *этот...*

Черный Кот уже не хотел просить у этого чародея, чтобы он сделал его тигром. С каждой минутой он все больше жалел, что явился причиной того, что Крылатый Лев покинул страну. И ему уже не казалось безусловным не только то, что единственного, кого Царь считал необходимым держать в заточении, нужно избирать президентом, но и то, что его вообще следует освобождать. Хитрый Лепреконт почувствовал это и нашел, как преподнести вопрос так, чтобы коту было некуда деваться, ведь какой лидер демократических преобразований может в день народного освобождения выступить против амнистии политическим заключенным?

– Ну, хорошо. Выпустите его, – устало сказал премьер-министр.

– Подпишите вот это постановление временного правительства, – услужливо протянул ему бумагу Лепреконт.

Черный Кот подписал.

– Пока народ не разошелся, объявите о выборах, – подошел к нему дракон Цзы.

– Совсем забыл... У меня нет сил, говори ты, – обратился премьер-министр к Лепрекону.

– Сегодня знаменательный день, потому что все мы получили свободу, – торжественно заявил тот. – И мы проведем честные и справедливые выборы президента, которые состоятся через неделю на этой же площади. Для правильного подсчета голосов будет создана специальная комиссия под председательством Лиса Плути.

Выборы будут считаться действительными при любом количестве жителей страны, принявших в них участие. Правом выдвижения кандидата в президенты в первый раз, пока у нас не отлажены демократические процедуры, обладают только губернаторы провинций. Так гласит наше временное выборное законодательство, принятое вчера временным правительством, вот оно в этом свитке – и он в доказательство продемонстрировал исписанный какими-то мелкими иероглифами большой рулон туалетной бумаги, который Черный Кот вчера, выпив лишнего и подумав, что это шутка, утвердил своей подписью и печатью.

Для толпы было слишком много потрясений на один день. Все начали расходиться, возбужденно обсуждая стремительные перемены, свидетелями которых они оказались. Но у многих на сердце уже было беспокойно, происходившее начинало казаться не радостным, а тревожным.

– Ваше превосходительство, вы сами объявите узнику режима о его освобождении? – спросил Лепрекон премьер-министра.

– Нет, думаю, что вы с этим вполне справитесь без меня, я пойду к жене, я видел, что ей стало плохо... – и Черный Кот пошел в толпу, ища Желтую Кошку.

А все члены временного правительства смотрели на него с нескрываемым презрением. «Подумать только: такой идиот смог сделать то, что нам и не снилось!» – сказал министр науки звероящер Фунь Поц, который вчера подписал у Черного Кота постановление о присуждении ему звания академика.

– Если идиот, зачем взял диплом, который он подписал? – не без ехидства спросил дракон Цзы.

– На момент подписания диплома он был легитимной властью, поэтому его решения этого периода о присуждении высших ученых званий не зависят от его собственного интеллекта, – невозмутимо ответил звероящер. – Но искренне надеюсь, что легитимной властью он будет совсем недолго...

... Все члены временного правительства, за исключением премьер-министра, хлопотавшего вокруг жены, которой стало плохо оттого, что у нее такой харизматичный и одновременно непредсказуемый и неуправляемый муж, отправились в темницу, где в заточении томился Древний змей. Впрочем, томился он по большей части из-за того, что никак не мог себя проявить: бытовые условия и питание у него были лучше, чем у Крылатого Льва, Царь лично об этом позаботился. Но эти стены были запечатаны благословением Крылатого Льва, и змей был лишен возможности прибегать к магии и общаться с кем-либо, чтобы причинять опосредованный вред. Все необходимое для жизни он получал благодаря работе хитроумных механизмов.

Древний змей с недоверием смотрел на тех, кто после многих десятилетий одиночества осмелился к нему придти.

– Крылатый Лев меня освобождает? Почему? – был его первый вопрос.

– Его больше нет в этой стране. Он почувствовал свою ненужность и эмигрировал, – ответил за всех Лепрекон.

– Кто же из вас смог пройти сквозь эти двери, которые не мог пройти никто без разрешения Царя, не упав тут же за смертью?

– Мы прошли их благодаря этой бумаге, – показал ему Лепрекон постановление об амнистии.

– Кто же такой этот Черный Кот? – спросил Древний змей. – Он среди вас?

Лепрекон вкратце рассказал ему о том, каков нынешний премьер-министр.

– Какое безумие! – ужаснулся Древний змей. – Крылатый Лев наделил какого-то глупого кота своей силой! В этом он весь: такая нерациональность и в то же время такое величие!

– Да ничем он его не наделил, успокойтесь, владыка, – начал было Лепрекон, но освобожденный узник тут же перебил его:

– Ты что, тоже идиот? Ты не видишь, что с бумагой, на которой стоит всего лишь подпись этого кота, вы проходите сквозь двери, через которые я не мог пройти, используя все свои заклятья? Вы не придали значения словам Крылатого Льва о том, что Черный Кот получит особую защиту, и единственный, с кем ему предстоит бороться, это он сам? А что, если он станет таким, как Крылатый Лев?

– Не станет, он слишком запутался, – мягко сказал Лепрекон. – Он вряд ли станет нашим, но он, даже сам того порой не желая, легко превращается в наше орудие. Пока он только падает.

– Ну, посмотрим, – задумчиво сказал Древний змей. И он с опаской вышел из дверей, пройти через которые уже и не надеялся.

У дверей его ждала роскошная карета, которая повезла его во дворец временного правительства, расположенный в доме губернатора Лепрекона.

Черный Кот и Желтая Кошка

Черный Кот, наконец, нашел в толпе свою жену. Желтая Кошка сидела на земле и горько плакала.

– Что случилось, дорогая? – заботливо спросил ее муж.

– Ты просто безнадежный идиот! – всхлипывая, пробормотала она в ответ. – Ты умудрился поставить себя и против Крылатого Льва, и против новой власти! Что же с нами теперь будет?

– Да ничего особенного. Все будет нормально. Сейчас, как ты слышала, пройдут честные выборы, скорее всего, я буду одним из кандидатов на пост президента. Если меня не изберут, то я не думаю, что останусь без работы. Тем более, что сейчас работать будет намного интереснее, чем раньше: тогда работа приносила удовольствие, а сейчас мне придется работать, чтобы выжить. Это одно из великих достижений демократии: она позволяет не расслабляться, а находиться на пределе своих жизненных сил и возможностей не ради чего-то эфемерного, а ради элементарного выживания. Разве не об этом мечтала ты, когда одобрительно кивала, слушая мои разговоры с философом Фунь Поцем, драконом Цзы и Лисом?

– Дурак! – уже в голос заревела Желтая Кошка. – Я мечтала о том, чтобы мы жили так же богато, как они, в таком же особняке, чтобы у нас была прислуга, а я могла носить ожерелье не со стразами, а с бриллиантами, как Лиса Алиса! Но я никогда не только не мечтала, но и в страшном кошмаре не могла себе представить, что в твоём ненормальном мозгу зародится кретиническая мысль, что перемены должны произойти не ради того, чтобы мы стали жить лучше, а чтобы мы стали жить ху-

же, потому что, видите ли, кретиническому лишайному коту, возмнившему себя тигром, слишком хорошо по его глупым представлениям живется, так что он не может почувствовать вкус жизни! Да какой тебе вкус жизни – тебя нужно отправить в ветлечебницу и запереть там в отделении для ненормальных животных до конца твоей никчемной жизни! Ах, бедная я, несчастная! И угораздило же меня испортить себе жизнь этим браком! А какие хорошие коты за мной ухаживали! Белый Кот – красавец, умница; Желтый Кот – у него сейчас уже трехэтажный особняк, и жена вся в золоте. А я вышла замуж за этого черного уroda!

Черному Коту вообще-то не очень-то приятно было все это слышать, тем более, что толпа еще не совсем разошлась, и несколько бобровыхухолей с интересом смотрели на истерику жены премьер-министра. Но он уже привык к тому, что супруга ему досталась проблемная, и остается только смиряться. Поэтому кот просто погладил ее по голове, сказал, чтобы она успокоилась и шла с ним домой.

– Какое идти! – возмутилась Желтая Кошка. – Разве ты не видишь, что из-за тебя, негодяя, я лишилась последних сил, а у тебя ведь нет кареты даже сейчас, когда ты премьер-министр! Тоже мне – министр-однодневка! Ищи карету!

Черный Кот спокойно объяснил жене, что кареты у него действительно нет, и он категорически против этого мешчанства в свободном обществе. В конце-концов, ведь если она помнит, даже Крылатый Лев и губернатор Тигр обходились без кареты, считая, что нехорошо, когда кто-то тебя везет (машины в Зверландию еще не завезли). В кареты, по административным кодексам, принятым лепреконами и гоблинами, обычно запрягали тех

зверей, которые в чем-то провинились, и в качестве наказания должны были возить на себе чиновников. Правда, Крылатый Лев тогда внес поправку, согласно которой такое наказание не могло превышать двух недель. Но благодаря стараниям губернаторов лепреконов и гоблинов и их многочисленных заместителей и помощников, находилось немало тех, кто добровольно за скромную плату соглашался на то, чтобы его запрягли в карету. И это был уже их свободный выбор, с которым Царь ничего не мог поделать, кроме того, что всегда говорил о том, что ездить на карете – плохо.

– Так они жили совсем в другом мире. А вот твои новые друзья так не считают!

– Да какие они друзья! – отмахнулся Черный Кот. – Я все больше разочарываюсь в них. И я не буду ездить на карете, даже если стану президентом!

– А как ты сейчас отвезешь меня домой?

– Дай, подумаю, – засмеялся премьер-министр, который за долгие годы семейной жизни мог легко отличить, по-настоящему плохо его жене или же она придурится. – Вариантов два. Первый – нести тебя на руках. Когда-то, до свадьбы, я еще мог это сделать. Но сейчас ты, видимо от сильно плохой жизни со мной, стала весить больше, чем я. А я ведь кот, а не муравей, значит, я не могу поднять больше своего веса. Второй вариант – я схожу домой за тележкой, на которой вожу удобрения на наш огород, и отвезу тебя на ней. Выбери.

Желтая Кошка знала, что ее муж и правда ведь может сходить за тележкой, на которой возил навоз и торф. Поэтому она недовольно сказала, что ей уже лучше, и поплелась домой, повиснув на Черном Коте, которого всю дорогу неустанно осыпала всевозможными проклятиями и оскорблениями, а он только посмеивался.

Черный Кот и Древний змей

Древний змей зашел в зал заседаний временного правительства. Он чувствовал, что с каждой минутой вновь обретает ту силу, которой лишил его Крылатый Лев. Окружавшие его лепреконы, гоблины, драконы и звероящеры уже начали ощущать ту жуть, которая исходила от их владыки.

– Ну и где же Черный Кот? – прошипел Древний змей. – Мне нужно понять, что от него ожидать, потому что, насколько я понимаю, сейчас в нем одном скрыта угроза для нас.

– Сейчас мы найдем его, владыка, – услужливо сказал Лепреккон.

Тотчас послали нарочного в столичную резиденцию премьер-министра. Это был совсем маленький дом из двух комнат с маленьким огородом во дворе, в котором кот любил поработать в свободное время. Крылатый Лев подарил его Черному Коту еще десять лет назад, чтобы ему и губернатору Тигру было где остановиться, когда они приезжали в столицу. Этот дом не шел ни в какое сравнение с теми дворцами, в которых размещались столичные представительства других губернаторов. Но территориально все они были сгруппированы в одном месте, поэтому через полчаса скорый на подъем премьер-министр уже был в зале заседаний временного правительства.

– Рад тебя видеть, – пристально глядя в глаза Черному Коту, прошипел Древний Змей. Как всегда он попытался заглянуть внутрь собеседника, чтобы увидеть его мысли и желания, поселить в его душе страх, безнадежность и отчаяние. Но в этот раз у него ничего не по-

лучилось – кот был для него закрыт той защитой, которую ему дал Крылатый Лев.

– Взаимно, – спокойно ответил премьер-министр. – Ты уже слышал, что эти товарищи хотят видеть тебя президентом?

Древний змей немного растерялся от непосредственности кота, но тут же перенял такой же простецкий тон.

– Да, конечно, слышал. Но ты знаешь, мне кажется, что я так отстал от жизни за годы заточения в этой тюрьме для политических заключенных, что какой из меня президент? Наверное, больше подошло бы избрать тебя. Ведь если бы не ты, то мы бы все так и прозябали под гнетом Царя и думать не могли о демократии.

– Вообще-то кроме тебя никто и не прозябал, они вообще жили, как буржуи, – махнул кот, перед выходом из дома выпивший несколько рюмок валерьянки, в сторону застывших в ужасе членов временного правительства. – Мне-то ведь тоже неплохо жилось, но просто захотелось перемен, свежих веяний...

– О, их я тебе обещаю! Так ты хочешь быть президентом?

– Я выдвину свою кандидатуру, а там – как народ решит. Я где-то читал, что каждый народ имеет ту власть, которую заслуживает.

– Какие-то не те ты книги читаешь, – съежился Древний змей. – Нет бы что-то жизненное: про либеральные ценности и демократические права...

– Это у нас Фунь Поц любитель такое читать, а я про эти вещи знаю только в его пересказе.

Змей, услышав это, изрядно развеселился.

– И из-за рассказов Фунь Поца ты решил перевернуть весь устоявшийся мир, в котором жил?

– Ну, вообще-то... Сам не знаю, как это получилось.

Древний змей увидел, наконец, что-то в душе кота, за что он мог попробовать зацепиться.

– Я что-то вижу в тебе... Ты, правда, хотел, чтобы я сделал тебя тигром?

В душе кота произошла минутная борьба, в течение этой минуты все в комнате напряглись, как струна. Казалось, еще немного – и все в ней взорвется.

– Да нет, – наконец сказал Черный Кот. – Я просил об этом Крылатого Льва, но он сказал, что тигром я только сам могу себя сделать, причем внешне на тигра я не буду похож.

Древний змей в течение этой минуты понял, что он и не смог бы превратить конкретно этого кота в тигра. Несмотря на все свои уникальные способности к магии, он вообще не мог изменять сущность вещей. Он мог сделать только так, чтобы окружающим казалось, что они видят того, в кого им был кто-то «превращен», чтобы сам «превращенный» воспринимал себя тем, в кого его «превратили». Но сделать даже это с тем, у кого была защита Крылатого Льва, было невозможно. Поэтому змей решил хотя бы выставить Черного Кота на всеобщее посмешище, чтобы ни у кого потом и мысли не возникло, что именно через него может прийти спасение.

– Так ты уже сделал себя тигром! – вслух сказал Древний змей.

– Как это?

– Конечно: кто из котов сменил существующий режим, стал главой временного правительства? Конечно, ты тигр! Только вот есть одно но...

– Какое же?

– Дело в том, что в самом наиниачнейшем из трактатов академика Фунь Поца говорится о том, что в этом

случае необходимо к слову «тигр» добавлять «карликовый». Согласен ли ты именоваться Черным карликовым тигром?

– Даже не знаю... Я вообще-то не против, – растерянно пробормотал Черный Кот.

– Так и отлично! Здесь собрана вся легитимная власть, ты ее глава. Всего-то нужно, что подписать постановление временного правительства.

– Ну, пусть готовят, – растерянно сказал премьер-министр.

– Так уже все готово. Вот постановление, – протянул ему звероящер Фунь Поц исписанный мелким почерком рулон туалетной бумаги. Он успел сочинить постановление и записать его за каких-то три минуты: так обострились его способности в присутствии его господина.

– Почему опять на туалетной бумаге? Что за глупость? – недовольно сказал Черный Кот.

– Это не туалетная бумага, это как бы свиток, – поблескивая глазами, сказал Древний Змей. Если бы он умел смеяться, то сейчас хохотал бы. – Просто ваша несовершенная промышленность пока не умеет изготавливать свитки, поэтому приходится использовать то, что на них похоже. А все важные документы должны писаться только на свитках, об этом есть прямое указание в другом трактате академика Фунь Поца. Такие маловажные документы, как решение о моей амнистии, можно писать на простых бумажках, но такие важные документы, как этот или выборное законодательство... Да они просто будут недействительными, если их не написать на свитках!

И Черный Кот, убежденный этими доводами, подписал постановление и стал Черным карликовым тигром.

– Ты напиши на всякий случай эти трактаты, про которые я сказал, а то вдруг этот дурень проверит, – сказал Древний змей звероящере через некоторое время после того, как дверь за Черным карликовым тигром закрылась. И, обращаясь уже ко всем, добавил:

– Похоже, что наша власть наступает надолго!

И в глазах его блеснуло злобное торжество.

Выборы

Сначала все губернаторы провинций Зверландии хотели выдвинуть кандидатом на пост президента Древнего змея. Но он сделал им указание, что у него должен быть конкурент – Черный карликовый тигр, поэтому трое должны предложить одну кандидатуру, а двое – вторую.

Выборы в Зверландии были делом новым, законодательство о правилах их проведения было написано в единственном экземпляре на рулоне туалетной бумаги, и никто его не видел с тех пор, как оно было продемонстрировано народу на площади. Поэтому в принципе их вообще можно было не проводить, тем более, что Древний змей ясно дал понять, что его легитимность исходит совсем из иного источника, чем симпатии толпы.

Но для него выборы имели намного большее значение, чем формальное подтверждение народного признания его власти, он вкладывал в них символический и мистический смысл. Змею хотелось, чтобы каждый житель страны добровольно сделал выбор между ним и его

режимом и тем, что осталось от прежней Зверландии в лице Черного карликового тигра. Это было необходимо для того, чтобы он смог в полной мере получить власть над жизнью и сознанием граждан.

Поэтому перед выборами была проведена большая информационная кампания. Каждый зверландец получил газету, в которой рассказывалось о двух кандидатах на пост президента.

Про Черного карликового тигра было написано целых три страницы. Текст составлял звероящер Фунь Поц. Если бы премьер-министр захотел возмутиться этим текстом, что он написан не в его поддержку, а против него, то ему потребовалось бы огромное искусство, чтобы это доказать. И в то же время материал давал понять, что Черный карликовый тигр губит всех, кто его любит и доверяет ему. Он, сам того не замечая, предал Крылатого Льва, довел до смерти губернатора Тигра, мучает свою жену. Ему кажется интересным подвергаться разным испытаниям, и ради этого интереса, став президентом, он будет спокойно рисковать судьбой всей страны. Но в то же время Черный карликовый тигр – гарант преемственности прежней власти, ее наследник. Если кто-то тоскует по временам Крылатого Льва, то он должен делать свой выбор в пользу нынешнего премьер-министра. Однако при этом необходимо понимать, что это будет совсем не то, что было, о чем свидетельствует и новое имя бывшего Черного Кота, добровольно им воспринятое.

А Древний змей был изображен на последней странице с надписью: «Ты не боишься стать моим врагом? Подумай, прежде чем голосовать!». В эти изображение и надпись он вложил огромный магический заряд, так что каждый, увидев его, испытывал панический страх. Ни у

кого, кто видел газету – а члены временного правительства постарались, чтобы ее увидел каждый житель Зверландии – не возникло сомнений, за кого голосовать.

Черный карликовый тигр – символ нестабильности и непонимания, что, в сущности, ему самому нужно, он готов жертвовать самыми близкими ради каких-то идей, в которых сам не разобрался. Что хорошего он может принести? Да если бы и мог, разве он защитит тех, кто поддержит его, от гнева Древнего змея?

В итоге за Черного карликового тигра проголосовали лишь двое зверландцев – он сам, потому что из-за защиты Крылатого Льва у него полностью отсутствовало чувство страха, и Желтая Кошка, которая принципиально не читала газет, и поэтому не стала жертвой передаваемой через нее эпидемии жути. А заставить ее насильно или хитростью прочитать газету, как это было сделано со многими другими жителями страны, запретил Древний змей.

– Если бы от него отвернулась даже жена, это, конечно, было бы неплохо для моих планов. А вдруг она и в этом случае выберет мужа? – спросил он советчиков. – Вы подумали, что случится тогда? Она, всегда жившая лишь прихотями и материальными желаниями, победит свой страх ради мужа? Какую силу после такой перемены в Желтой Кошке он получит через нее? А так то, что они проголосовали именно таким образом, просто забавно: ему хочется по-прежнему носить парик и камзол, а у нее еще тлеют надежды на богатство и славу.

Избранный президентом Зверландии Древний змей был очень доволен результатами выборов. Чтобы укрепить свой триумф, он вызвал Черного карликового тигра и при всех членах вновь сформированного правительства поблагодарил его за то, что он не только освободил

его из тюрьмы для политических заключенных, но и дал возможность участвовать в практически честных выборах. И хотя агитации в пользу Черного карликового тигра было в три раза больше, народ все же сделал именно такой выбор, какой сделал. Древний змей хотел бы, чтобы его конкурент на выборах был в числе членов его правительства, но он ведь не думал, что выиграет выборы, поэтому обещал все места в нем тем, кто его поддерживал. Единственный пост, который можно предложить – должность министра по надзору за общественными туалетами, но их планируется вскоре упразднить...

– Тогда вся страна превратится в общественный туалет, и его министр будет иметь большую власть, – съязвил Черный карликовый тигр.

– Да ты просто умница! – воскликнул Древний змей. – Какой изумительный совет: рассматривать всю страну как один общественный туалет! Даже мне это не приходило в голову! Решено: ты назначаешься советником президента. Причем этим советом ты оправдал свою зарплату в течение двух первых лет – тебе предоставляется отпуск на два года, во время которых ты и твоя жена ни в чем не будете нуждаться. А там посмотрим...

И взгляд президента стал настолько хищным, что можно было бы понять, что ничего хорошего через два года Черного карликового тигра ожидать не будет.

Что сделал со Зверландией Древний змей

Вскоре после выборов в стране начались перемены. Не то чтобы они произошли в один день. Но каждый день происходило что-то, изменявшее до неузнаваемости некогда прекрасную страну.

Коренным зверландцам пришлось привыкать к совершенно новой жизни. Раньше они знали, что есть Царь, который заботится о том, чтобы им было что есть и пить, во что одеваться и где жить, а все возникающие между ними недоразумения и ссоры разрешались им по справедливости без формального судопроизводства. Полицейских было очень мало, они в основном оформляли документы приехавшим из других стран; иногда им приходилось вмешиваться в конфликты граждан, но это было очень редко. Преступности почти не было; самым крупным происшествием могла стать небольшая потасовка между подвыпившими приятелями. Но ни краж, ни грабежей, ни тем более убийств или изнасилований Зверландия, находясь под властью Крылатого Льва, не знала.

Теперь же никому не стало дела до того, сыты говорящие звери или умирают с голоду. Бывшую символическую плату за жильё начали поднимать понемногу, но каждые два месяца, и уже через год она стала ощутимой. Через полтора года почти никто из обычных жителей страны не мог себе позволить купить новую одежду. Зато появилась масса полицейских, прокуроров и судей. И нужно сказать, что они не зря ели свой хлеб: преступность в Зверландии благодаря массе эмигрантов из Гоблинландии, Лепреконики, Скотострании не просто появилась, а расцвела пышным цветом. А Древний змей внешне ее не одобрял: наоборот, в первый же год своего президентства он построил в стране более десяти тюрем. Правда, наполняли их в основном несчастные говорящие звери, которые из-за голода украли какую-нибудь еду в лавке, открытой приезжим лепреконом или троллем, а то и просто долго не платившие за жильё.

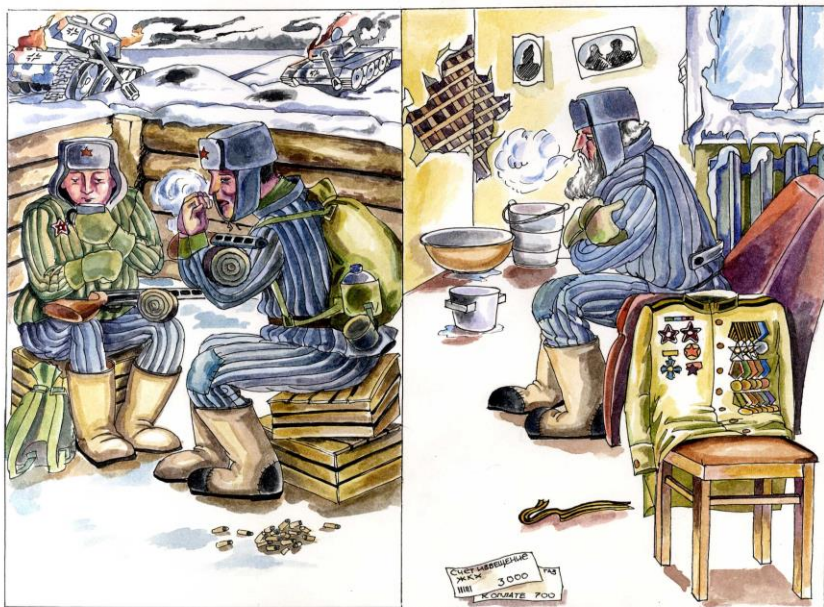

Ранее зверландцы были очень целомудренны. Но министр Фунь Поц по поручению президента организовал в стране работу телевидения. Особенно он придавал значение раскручиванию телепроекта под названием «Нора». Суть его была в том, что из Гоблинландии и СкотоСтрании привезли полтора десятка полностью аморальных зверей разных пород, уже утрачивающих способность говорить и превращавшихся в бессловесных животных. Но их поселили в роскошнейшем жилье, бес-

платно кормили, а их задачей было просто спариваться друг с другом, причем чем более виды зверей не подходили друг к другу, тем больше радовался Фунь Поц. Все это безобразие круглосуточно снималось на видеокамеры, и наиболее аморальные моменты транслировались на всю страну. А преподносилось это так, что любовь шире внутривидовых границ, и если, например, бык и мышь полюбили друг друга, то они должны отдаться своему чувству, сметая все запреты, и неважно, если мышь умрет при этом...

Зверландия никогда не знала о проституции. А сейчас гоблины-сутенеры заманивали красивых кошечек и лисичек обещаниями шикарной беззаботной жизни в самые страшные бордели Гоблинландии, где эти несчастные умирали в среднем через полгода, но сама смерть была избавлением по сравнению с тем кошмаром, который им приходилось там пережить. Кроме того, через два года такой жизни, сопровождавшейся постоянной телепропагандой, очень много молодых зверландок не хотели больше рожать детей, некоторые из-за того, чтобы не обрекать их на страдание, а некоторые – чтобы они не мешали их красивой жизни. И правительство Древнего змея всячески это приветствовало: стерилизация была не просто бесплатной, но прошедшие через эту операцию получали определенные и вполне существенные льготы. Как говорил в узком кругу академик Фунь Поц, его задача – чтобы через тридцать лет от прежних зверландцев осталось не более тридцати процентов.

При Крылатом Льве мало кто из зверландцев выпивал или курил. Бывали, конечно, исключения, такие, как кот Фул Энимал, но их были единицы.

А по приказу правительства Древнего змея алкоголь, никотин и кокаин были объявлены социальными товарами, цены на которые регулируются правительством и которые должны быть общедоступны. Но при этом коренные зверландцы, попавшие в какую-либо зависимость, всячески просмеивались, чтобы вселить в населявший Зверландию народ чувство собственной неполноценности. По телевидению многократно транслировался сюжет, в котором кот Фул Энимал, у которого не хватило денег даже на самые дешевые сигареты, схватил в рот кусок своих засохших экскрементов и бегал с ним, уверяя, что, по крайней мере, на вкус это практически то же самое, что и его обычное курево. После этого телевидение выдало ему годичный купон на бесплатные выпивку и сигареты, и он по телевизору заявил, что наконец-то у него настала чудесная жизнь.

Древний змей придавал также большое значение тому, чтобы в Зверландии сформировалось гражданское общество. А смысл в этот термин вкладывался следующий. Помимо разветвленной сети государственных силовых структур, возникла такая же разветвленная сеть негосударственных организаций, имеющих в своем распоряжении отдельных вооруженных солдат, а иногда и целые формирования, которые использовались при переезде собственности, сфер влияния. Как говорил академик звероящер Фунь Поц, это показывает высокий уровень культуры и гражданственности новых зверландцев, которые без вмешательства государства решают порой самые сложные вопросы. Жертвы, которые этому сопутствуют – просто издержки, неизбежные в таком важном проекте, как строительство нового мира свободы и процветания.

К концу третьего года правления Древнего змея казалось, что Зверландия скоро погибнет и дни ее сочтены.

Каким стал Черный карликовый тигр

За эти годы Черный карликовый тигр сильно изменился. Он почти не расставался с фляжкой с разбавленной водой валерьянкой, из которой через небольшие промежутки времени делал небольшой глоток. Первые два года ему платили приличную зарплату, поэтому нужды, в которую оказался ввержен народ, бывший премьер-министр на себе не ощущал. Но со стороны он видел, что все делается совсем не так, как мечталось ему. Черный карликовый тигр пытался встретиться с Древним змеем, но тот его не принял. Тогда он попробовал ему написать и получил издевательский ответ, что еще один подобный глупый совет – и советника придется уволить, естественно, без содержания. От бессилия Черный карликовый тигр начал все больше выпивать.

Желтая Кошка теперь уже с тоской вспоминала времена, когда ее муж был постоянно на работе и постоянно кому-то помогал. Тогда ведь они не знали ни в чем нужды. Более того: тогда Желтая Кошка имела практически все, что хотела, только не умела этого ни ценить, ни даже замечать. А сейчас ей приходилось нелегко. Когда-то она целыми днями пилила мужа, не стесняясь в выражениях, а теперь он, напившись, начинал говорить ей всякие гадости. Про каждый недостаток жены пьяный Черный карликовый тигр находил что сказать. Он сравнивал ее с ее же подругами и говорил, что жалеет, что связался с ней и прошел мимо таких красавиц. Он обвинял ее в неумении вести хозяйство, отобрал все деньги, которые тратил на дорогую выпивку, а Желтой Кошке теперь порой не хватало не только на украшения или наряды, но и на самую простую еду. Когда же она пыталась об этом сказать, муж кричал, чтобы «негодяйка не

смела считать чужие деньги в чужом кармане». Черный карликовый тигр постоянно попрекал жену тем, что она не работает.

Он пристрастился смотреть телевизор; особенно ему стала нравиться программа «Нора». Чем больше времени продолжалась такая жизнь, тем более бывшему Черному Коту она нравилась. Ему стало казаться, что и вокруг все хорошо, что говорящим зверям так и надо, они сами выбрали такую жизнь.

А Древний змей с огромным удовольствием наблюдал за тем, как исчезает день за днем защита, данная Крылатым Львом тому, кого он, Крылатый Лев, назвал надеждой на спасение Зверландии.

Через два года, несмотря на советы осторожного Фунь Поца не делать этого, президент уволил Черного карликового тигра с должности советника.

– Не стоит так поступать, – говорил звероящер. – Сейчас он не имеет ни в чем нужды, он постоянно находится в измененном состоянии сознания, и ему кажется, что все так и должно быть. Но стоит ему прочувствовать на своей шкуре, как плохо живется другим, да если еще он при этом протрезвеет, то не захочет ли он изменить себя? Не опасно ли это будет для нас?

– Глупости! – отмахнулся Древний змей. – Не в моих правилах покупать за рубль того, кто стоит копейку. Он уже дошел до черты, возврата из-за которой нет. Но ты прав, что отбирать выпивку у него не стоит. Нельзя и лишать его крыши над головой и телевизора, а то вдруг он задумается.

И лишенному зарплаты Черному карликовому тигру согласно подготовленному Фунь Поцем указу о котоскотах стали выдавать бесплатную выпивку в любом количестве, но больше ничего. Этот указ предусматри-

вал, что коты, которые допились до того, что их больше уже ничего не интересует, имеют право на государственную поддержку в виде бесплатного спиртного и оплаты жилья. Их жены в случае, если они не могли работать, получали звание «чмошных кошек» и право жить на подаяния. Чтобы указ не был наложен для казны, в список котоскотов, прилагаемый к постановлению правительства, введившему указ в действие, были включены только Черный карликовый тигр и кот Фул Энимал.

Так некогда гордая и заносчивая Желтая Кошка превратилась в чмошную кошку. Ей пришлось просить помощи у тех, кому когда-то помогал ее муж. И к огромному ее удивлению, среди них нашлись те, кто, сам нуждаясь, стал ей немного помогать. И постепенно Желтая Кошка, наконец, узнала, что значит быть благодарной и как можно радоваться самым простым вещам. Ей стало стыдно за прошлое. Ночью перед тем, как заснуть, она со слезами на глазах просила прощения у Крылатого Льва:

– Какая же я была дура! Разве можно было так себя вести! Дорогой Крылатый Лев, если ты слышишь меня, то прости! Мне так хотелось бы вернуть прежнюю жизнь, но я уже не была бы прежней!

А Крылатый Лев, находясь в чертогах Великого Императора, слышал ее и сам плакал от радости. Он знал, что если Желтой Кошке вернуть все, что она имела, то она вновь станет такой же заносчивой, гордой и всем недовольной. Но то, что сердце ее оказалось открытым для благодарности и покаяния, вселяло в Крылатого Льва надежду, что и Черный карликовый тигр сможет измениться, а значит, не все еще потеряно для дорогой его сердцу Зверландии. «Странный все-таки выбор сделал Великий Император, – думал Крылатый Лев. – Поставить судьбу целого народа в зависимость от такого, в

прямом смысле этого слова, котоскота, как метко назвал его Фунь Поц!»

А Черный карликовый тигр тем временем беспробудно пил уже целый месяц и ничего бы не ел, потому что на еду денег у него не было, если бы Желтая Кошка не делила с ним пополам то, что ей удавалось раздобыть подаянием. Защита, данная Крылатым Львом, иссякла. Для Черного карликового тигра наступило время последнего и окончательного выбора, от которого зависела не только его судьба, но и судьба Зверландии.

Начало исцеления

Древний змей принял решение, что пора ему добить Черного карликового тигра, чтобы больше никто не стоял на пути к его безграничной власти над Зверландией. Он вызвал к себе Винных змеев – прозрачных существ, которые проникали в мозг, который был для этого достаточно подготовлен употреблением алкоголя или наркотиков, рисовали в этом мозгу нужные им картины, пугали того, кому он принадлежал, нередко доводили до самоубийства. При этом почти никто Винных змеев не видел, большинство зверландцев вообще были склонны считать, что их не существует. Им-то и поручил Древний змей напасть на бывшего Черного Кота.

Черный карликовый тигр накануне первый день почти полностью не пил. Он проснулся глубокой ночью от мерзкой музыки, игравшей в его голове. Страшные рожи носились перед его замутненным взглядом. «Допился!» – подумал он и попробовал опять заснуть. Но видения становились все настойчивее и страшнее.

Одна за другой пролистывались страницы жизни, каждый дурной поступок Черного карликового тигра был ведом Винным змеям, которые следили за ним с того момента, как он первый раз выпил, а теперь по поручению своего владыки предприняли на него открытое нападение.

Перед мысленным взором больного кота вставали губернатор Тигр, говорящий, что ему нет прощения, Крылатый Лев, утверждающий, что Черного Кота больше нет, а Черный карликовый тигр – его враг; смутно мелькал Великий Император, изрекавший, что не видит смысла в такой никчемной жизни... И тут же вставал Древний змей, шипящий, что нужно всего лишь выпить яд, и все будет хорошо. Сразу вставала картина дворца, в котором будет припеваючи жить Черный карликовый тигр, множество слуг, всевозможные почести...

Но больной кот превозмог все это и твердо сказал: «Нет!» Тогда перед его глазами поплыли, как кадры кинохроники, многочисленные картинки самых ужасающих страданий жителей Зверландии. И все они проклинали Черного карликового тигра, говорили, что мучаются по его вине. Все они требовали для него кары...

Но больной кот среагировал не так, как ждал от него Древний змей. Он вдруг почувствовал, будто лопнул какой-то панцирь, сковывавший его душу. В его сердце впервые за последние годы возникло искреннее раскаяние и желание исправить все то зло, которое он совершил. И тогда кот увидел Винных змеев.

Главный из них, заметив это, сказал, что раз он их видит, то не стоит притворяться, каяться коту бесполезно, Крылатый Лев все равно его не простит, защиты у него больше нет, иначе бы он не видел Винных змеев. Он просто закончит свои дни в ветлечебнице, и все...

Или, если он хочет доказать то, что предан Крылатому Льву, то пусть сейчас же откажется от имени Черного карликового тигра, выйдет из дома. Во дворе его ждут те, кто хочет его застрелить за то, что он еще не забыл Крылатого Льва...

– Да, я снова Черный Кот! – заявил тот, кто еще минуту назад был Черным карликовым тигром. И я готов погибнуть за моего друга Крылатого Льва!

И с этими словами он выскочил на улицу. Но там сквозь сумрак ночи он увидел не убийц, а почувствовал, что Крылатый Лев со своей защитой вновь рядом с ним. А Винные змеи отошли от него...

... Черный Кот в горячке лежал целую неделю после этого, а жена мужественно его выхаживала. Она поила его водой и бульоном и в первые три дня по совету Фула Энимала, считавшего себя другом Черного Кота и большим специалистом в лечении подобных болезней, давала ему немного вина. И уже на четвертый день ее муж стал приходить в себя, смог что-то поесть и сказал, что больше не выпьет ни капли спиртного. А на пятый день он попросил прощения у Желтой Кошки. Сказал, что вместо того, чтобы быть его Тигряшей, которая ничего не делает и которую балуют, она от его карьеры, о которой мечтала, нажила себе одни несчастья и неприятности. Но теперь все изменится.

А Древний змей страшно злился: Черный карликовый тигр не просто не погиб, а вновь стал Черным Котом и вновь получил защиту Крылатого Льва. А между тем трехлетний срок его президентства подходил к концу.

Новая работа Черного Кота

Протрезвев и начав оправляться от болезни, Черный Кот понял, что им с женой катастрофически не на что жить. Желтая Кошка, отвыкнув от хорошей жизни, надеялась, что стоит мужу придти в себя, как в их семью вернется достаток.

Но все было не так просто. Древний Змей постарался, чтобы Черного Кота не взяли ни на какую нормальную работу, ему приходилось перебиваться случайными заработками, которых кошачьей семье едва хватало на еду и оплату жилья – как только кот перестал пить, сразу же в отношении его перестала действовать льгота, предусмотренная для котоскотов. Работать приходилось за символическую плату с утра до вечера, но Черный Кот не унывал. Он видел в этом не только начало своего исправления, но и свою приобщенность к судьбе народа Зверландии.

Пока ему не приходило в голову, как он может исправить то, что произошло со страной по его вине. Для начала Черный Кот решил облегчить жизнь Желтой Кошке. Она была недовольна тем, что муж работает с утра до вечера, а достаток так и не вернулся в их дом, но вслух этого не высказывала. В конце концов, ей не нужно было больше побираться, и она никогда теперь не голодала: простая недорогая еда в их доме не переводилась, так что кот, к неудовольствию жены, даже немного подкармливал голодных соседских котят.

– Нам самим нечего есть! – недовольно говорила она ему. – Мы сами нищие, это нам должны помогать! Не мы этих котят наплодили, с какой стати я должна отдавать им последнюю еду?

– Не последнюю, – мягко поправлял ее кот. – И когда ты была действительно нищей, то тебе помогали – вспомни, ты сама мне об этом рассказывала. А сейчас у нас есть не излишки, но все же хоть что-то, чем мы можем поддержать тех, кто в отчаянном положении.

Желтая Кошка надувалась, но не знала, что возразить. Действительно, к ее большому удивлению, совсем бедные по ее понятиям говорящие звери много раз помогали ей в благодарность за то, что раньше делал им Черный Кот.

– Вот видишь, – дождавшись, когда жена успокаивалась, заключал он, – ничто доброе, сделанное нами, не пропадает. Но, к сожалению, и ничто злое... – тут он горестно вздыхал. – Поэтому мы должны спешить делать добро, пока у нас есть к этому возможность.

Сначала соседи и те, с кем приходилось выполнять нехитрую работу, а затем все больше зверландцев стали замечать перемены, происходившие в Черном Коте. Он не мог помогать им так, как делал это, когда был заместителем губернатора, но все знали, в каком отчаянном положении он совсем недавно находился и как до сих пор ему сложно жить. Поэтому самая небольшая помощь, которую кот оказывал им сейчас, воспринималась как что-то особое. В Зверландии уже почти разучились поддерживать тех, кому плохо. Нужно сказать, что Желтая Кошка не зря удивлялась тому, что ей помогали. Зверландцы становились жестокосердными, неблагодарными и оправдывали это тем, что плохо живут. А сейчас Черный Кот начал давать им пример того, что можно даже среди жизненных трудностей помогать тем, кому еще хуже.

Это совпало с тем, что близился конец президентства Древнего змея. И в народе стали поговаривать, что,

возможно, скоро вновь в страну вернется Крылатый Лев. Разумеется, все это не могло понравиться президенту. Но сделать коту прямо он ничего не мог, потому что к тому вернулась защита Крылатого Льва. Поэтому решено было действовать по-другому.

Однажды в дом Черного Кота постучали. Когда он открыл, то увидел какого-то непонятного, но очень важного зверя.

– Меня зовут господин Бобровыхухоль, – представился тот. – У меня к вам важный разговор.

Кот с подозрением относился к таким непонятным зверям, происшедшим от скрещивания разных видов. Они не вызывали у него доверия, так как он считал, что им передались пороки их родителей, пошедших вопреки установлениям природы.

– Вы считаете, что дети ответственны за ошибки своих родителей? – поймал его взгляд Бобровыхухоль. – Поверьте, я не только не разделяю их отношения к подобным экспериментам, но даже сам не завел семью, чтобы не заставлял явиться в этот мир новых невинных страдальцев...

О том, что главной причиной отсутствия семьи было пристрастие к экспериментам намного худшим, чем тот, результатом которого он стал, Бобровыхухоль промолчал, поэтому Черный Кот проникся к нему сочувствием, хотя сочетание слова «господин» со словом «Бобровыхухоль» и казалось ему необычайно смешным. Но это ладно, а как можно осуждать кого-то за поступки другого?

– Я являюсь представителем одной транснациональной корпорации в этой стране. Мы с интересом следим за вашей деятельностью – политической и общественной. Зная, в каком отчаянном положении вы сейчас

оказались, руководство нашей корпорации хотело бы поддержать вас, чтобы вы имели возможность не растрачивать свои силы на бесполезную неквалифицированную работу. Я имею поручение предложить вам сотрудничество.

– В чем оно будет заключаться?

– Нас интересовал бы ваш взгляд на причины современного кризиса в стране и пути выхода из него. Это просто анализ, который, может быть, будет выпущен в виде книги за границей. Одновременно для вас это возможность сформулировать ваше видение этого вопроса, ведь вы наверняка об этом думаете. Мы готовы очень хорошо оплатить вам эту работу, – и Бобровыхухоль назвал сумму, которая Черному Коту и не снилась, даже когда он был премьер-министром.

– А не будет проблем с президентом? – спросил он, уже прикидывая, как мог бы с пользой употребить эти средства.

– Нет, он считается с нашим международным статусом, мы полностью независимы от местного правительства.

– Кому я буду подчиняться?

– Никому, естественно. Лишь раз в месяц вы будете передавать мне то, что успели написать, и получать ту сумму, которая была озвучена.

– Так это не за всю работу, а ежемесячно! – чуть не сказал вслух кот, но сдержался и произнес только, что согласен, но его интересует, кто стоит во главе корпорации.

– Вам это так важно? – улыбнулся Бобровыхухоль. – Я знаю не больше вас. У меня также есть контакт только с одним представителем из Скотоострании. Знаю только, что председатель правления корпорации – исключи-

тельно влиятельное лицо, но и все. Знаю, что они всегда вовремя платят и не спрашивают ничего сверх того, о чем договорились. Разве этого не достаточно?

– Действительно, достаточно, – согласился Черный Кот и, не раздумывая больше ни минуты, подписал контракт.

... Бобровыхухоль не врал, что ничего не знает о руководстве корпорации, имевшей отделения в пятидесяти странах. Он был в самом низу пирамиды, во главе которой стоял Древний змей. Зачем в стране, находившейся под его непосредственным контролем, было держать представителя, который бы что-то собой представлял? И, разумеется, решение о поддержке Черного Кота было принято не из соображений жалости. Через три месяца заканчивался срок его президентства, поэтому Древний змей хотел досканально знать, что на уме у того, кого опять начал считать главной угрозой своей власти.

Благодаря придуманному ходу с работой в корпорации не нужно было ни шпионить, ни выдумывать хитростей: зная Черного Кота, можно было быть уверенным в том, что он сам добросовестнейшим образом все о себе подробно распишет. Была надежда и на то, что, впервые став богатым, кот привяжется к материальным благам, и ему будет не до нужд зверландцев.

Кот-обличитель

У Черного Кота после встречи с Бобровыхухолем появились деньги, на которые он мог удовлетворить любую прихоть жены, но мог и помочь сотням нуждающихся зверландцев. Кот решил, что нужно поступить так, как он поступал всегда раньше. В течение дня он купил домой все необходимое на месяц и несколько недорогих

подарков Желтой Кошке, а остальные деньги направил на помощь горожанам, находившимся в самом отчаянном положении.

Сотни благословений, которые Черный Кот услышал за это день, уравновесились сотнями проклятий Желтой Кошки, которыми она его осыпала, узнав, какие средства прошли мимо нее. Впрочем, подумав, она успокоилась: во всяком случае, сейчас ей было все же неплохо жить, тем более, что впервые за последние годы муж купил подарки.

А кот привык не обращать внимания на вопли жены: если бы он вслушивался во все то, что она говорила, то давно сошел бы с ума. Его волновало теперь, как лучше исполнить работу, аванс за которую был уже потрачен.

Черный Кот сел с пером над стопкой листов белой бумаги и задумался. Страна действительно гибла на глазах. Ему все это было известно не понаслышке: последние годы он тесно общался с простым народом и видел конкретное горе многих сотен семей. Алкоголизм, наркомания, проституция, воровство, грабежи, изнасилования и убийства стали обыденным явлением в стране, когда-то не знавшей ничего подобного. И кто виноват в этом? Конечно же, Древний змей и назначенное им правительство.

Кот с жаром начал описывать те ужасы, которые творятся в Зверландии, бесчинства власть предержащих и пользующихся их покровительством эмигрантов из других стран. Он ярко описывал сломанные судьбы, растоптанные жизни, украденное счастье. Какой же выход из всего этого? Ответить на этот вопрос было еще труднее.

Черный кот прекрасно понимал, что выборы при существующем режиме – всего лишь фикция: слишком прочно врезался в его память рулон туалетной бумаги, на котором он подписал выборное законодательство. Но если не выборы, то какой же есть вариант сменить преступную власть? Революция? Но именно она и была нужна Древнему змею, чтобы он мог с полным на это правом открыто применить вооруженную силу для уничтожения очень многих зверландцев.

Кот задыхался от бессилия, не видя выхода из сложившегося положения. Но тут ему пришло в голову, что напрасно винит во всем Древнего змея и его приспешников. Разве не он сам отдал им власть? Разве не он стал причиной того, что умер от горя губернатор Тигр, а Крылатый Лев добровольно отправился в изгнание? Так, может быть, не вне, а внутри себя необходимо найти причину постигших Зверландию бед?

В этот вечер, когда к нему пришли несколько десятков говорящих зверей еще раз поблагодарить за помощь, Черный Кот обратился к ним со следующими словами:

– Какая мне может быть благодарность?! Ведь это я виновник того, что происходит со страной. Но от того, что я это признаю, ничего не изменится. Народ имеет ту власть, которую он заслуживает. Наивная Зверландия однажды позволила мне сделать выбор за нее. Но сейчас ее жители уже не наивны. Нам пришлось увидеть много плохого, узнать настоящее горе и понять, что на свете есть вещи, которые хуже смерти. Но причина всего этого не только в моей ошибке, не только в произволе Древнего змея и его правительства. Каждый из вас, если заглянет в свою душу, увидит, что в ней тоже есть то, что вызвало к жизни все это зло. Нам нужно всем покаяться в том, что мы натворили за эти годы. Но не просто пока-

яться, а изменить свою жизнь, безжалостно выкорчевав из нее все то, что ведет нас в сторону зла. Мы должны попросить прощения у Крылатого Льва за то, как все мы поступили с ним тогда на площади, и попросить его вернуться. Это единственный шанс вернуть счастье для нашей страны.

Зверландцы слушали его смущенно. Почти никто не воспринимал серьезно то, что говорил Черный Кот. Конечно, возражать они не осмеливались, но думали, что все эти речи – просто последствие резкого прекращения пьянок и обычного в этих случаях самобичевания. Но двое из собравшихся все же подошли к коту. Это были те, кому он не просто помог, а фактически спас их – молодая лисичка, которую за долги ее родителей хотели забрать в рабство к старому Лепрекону и пожилой леопард, которого Черный Кот выкупил из долговой тюрьмы.

– Я не помню Крылатого Льва, но я вижу вас, вы меня спасли, и я вам верю, – сказала Лиса. – Если вы говорите, что нужно просить прощения у Крылатого Льва, то я готова это сделать. Я еще молода и не успела совершить в реальности ничего особенного. Но в своих мыслях я очень завидовала старшим подружкам, ставшим содержанками богатых лепреконов. И только оказавшись на грани того, чтобы упасть в эту пропасть, я одумалась и всем сердцем захотела вернуться к спокойной и чистой жизни. Мне не нужно богатство – чистая совесть и свобода дороже любого золота.

– Девочка хорошо сказала, – добавил Леопард. – Нет ничего дороже свободы. Но я не ценил ее. Когда-то я служил в полиции у Крылатого Льва, потом недолго послужил Древнему змею. Но этого «недолго» хватило, чтобы навсегда омрачить мою совесть несмываемым по-

зором многих плохих дел. Я уже был за них наказан – умерли все члены моей семьи, и если бы не вы, господин Черный Кот, я сгнил бы в долговой тюрьме. В отличие от Лисы мне есть в чем каяться, но надеюсь, что я уже изменился. Я всем сердцем мечтаю о том, чтобы Крылатый Лев вновь царствовал над нами, и прошу его об этом.

Глядя на Лису и Леопарда, и некоторые другие – кто робко, а кто смелее – начал называть то, что тяжелым камнем уже много лет лежало на душе. И, высказав это, они чувствовали удивительное освобождение и обновление. Лишь некоторые из тех, кто собрался в этот день у Черного Кота не присоединились к всеобщему порыву покаяния, а предпочли потихоньку уйти. Но в сердце они завидовали тем, кто остался, потому что тяжесть в их душе стала еще нестерпимее.

А Крылатый Лев в этот самый момент вместе с Великим Императором видел все это, и по глазам его текли слезы.

– Могу ли я уже вернуться в Зверландию? – спросил он.

– Можешь, но пока скрытым образом, чтобы никто тебя не видел, – ответил Великий Император. – Им предстоит еще путь, который они должны пройти сами, но ты отныне получаешь власть помогать всем в Зверландии, кто призвал тебя на помощь.

И преисполненный радости Крылатый Лев полетел в свою любимую страну.

Первый отчет

За месяц уже сотни зверландцев пришли к Черному Коту, движимые желанием покаяться и попросить Кры-

латого Льва вернуться. Сам Крылатый Лев, правда, пока невидимый для всех, уже находился в стране. И каждый обратившийся получал от него защиту, которую раньше имел один Черный Кот.

Древний змей был в ярости.

– Все рушится на глазах! – кричал он звероящеру Фунь Поцу. – Сделай так, чтобы все считали этого кота и тех, кто к нему ходит, сумасшедшими и асоциальными элементами!

– Мы делаем все, что в наших силах, – отвечал министр. – Но что-то не дает нам причинить им реальный вред. Подосланные убийцы в ужасе бегут и потом не находят от страха слов описать представшее перед ними видение. Попытки экономического воздействия рушатся, потому что они обходятся малым и помогают друг другу. И еще: создается впечатление, что все у них как бы самой собой приумножается... Наши попытки телевизионных обращений и газетных статей становятся все менее эффективными..

– Я чувствую присутствие где-то рядом Крылатого Льва, – с тревогой сказал президент. – Пока он мне невидим, но он где-то здесь. Издалека он не смог бы защищать столько одновременно. Хоть бы этот Черный Кот допустил какую-то ошибку, чтобы можно было его дискредитировать... Встреться с Бобровыхухолем, пусть он даст ему за этот месяц двойной гонорар, но при Желтой Кошке. Может быть, она сумеет заставить мужа потратить эти деньги на какие-то безделушки – тогда нам, по крайней мере, можно будет говорить, что он ничем не отличается от наших чиновников, да еще подкаблучник. А у народа, который находится в тяжелейшем положении, это вызовет, по меньшей мере, раздражение и недо-

верие. Заодно посмотрим, что за отчет он составил за месяц.

... Бобровыхухоль пришел к Черному Коту, выждав момент, когда он был вместе с Желтой Кошкой.

– А я к вам с зарплатой. Ваш отчет готов?

– Вот он, – несколько виновато протянул папку кот. К описанию бедствий страны он приписал лишь то, что видит выход из всего этого в покаянии и изменении народа. – Не знаю, насколько он вас устроит...

– Я не имею полномочий оценивать вашу работу, – возразил Бобровыхухоль. – Вот ваш гонорар, вы честно его заработали. И можете подумать еще месяц – возможно, что-то еще напишете, и это будет также оплачено. Кстати, все забываю спросить: почему вы живете в этой хибаре? Ну, впрочем, сегодняшнего гонорара достаточно, чтобы вы могли купить особняк в центре столицы и безбедно жить несколько лет.

С этими словами он пристально посмотрел на Желтую Кошку, передал Черному Коту большой конверт с деньгами и вышел.

В душе кошки происходила огромная борьба. С одной стороны, ей страшно хотелось получить особняк в центре столицы, а с другой – она понимала, что сейчас самое неподходящее время для исполнения таких желаний. Она видела, что происходит вокруг ее мужа и, как ей это ни было непосильно тяжело, считала своим долгом его поддержать.

– Купи продуктов на полгода, потому что я чувствую, что это последний твой гонорар, а остальное трать так, как считаешь правильным, – вслух сказала она и выбежала из комнаты, чтобы хотя бы выплакаться с горя об ушедшем особняке, который она уже начала считать своим, хотя и не видела никогда в жизни.

Черный Кот был очень растроган поступком жены. «Может быть, она навсегда изменилась?!» – думал он. А рядом, невидимый ему, стоял Крылатый Лев и улыбался: «Это вряд ли. Но конкретно для нее вполне достаточно и одного такого поступка в жизни».

На полученные деньги Черный Кот смог сделать столько реальных дел, спасших десятки зверландцев, что еще сотни жителей страны в этот и следующий день почувствовали реальность происходящих перемен, покаялись и призвали Крылатого Льва вернуться в страну.

Древний змей был в еще большей ярости.

– Больше никаких денег этому мерзкому коту! Хотя какое это уже имеет значение... А эта кошка – надо же, какая игра в благородство! Единственное утешение – что, может быть, она надеется, будто ее муж таким образом станет президентом, и она получит еще больше... Хотя – вряд ли. Нам необходимы свежие идеи, – обратился он к Фунь Поцу.

Провокации звероящера

Популярность Черного Кота в народе постоянно росла. А защита Крылатого Льва, невидимо для всех находившегося в Зверландии, не давала причинить никому из призывавших его какой-либо вред. Зверландцы осмелели, их встречи с Черным Котом перетекли на площадь столицы, затем он поехал и в центры других провинций страны, где его во множестве окружали говорящие звери. Они задавали вопросы по тем или иным жизненным ситуациям.

Звероящер Фунь Поц решил этим воспользоваться, чтобы подосланные им агенты-провокаторы задали такие вопросы, любой ответ на которые либо уронил авто-

ритет кота в глазах народа, либо позволил объявить его политическим преступником.

В одном из городов к Черному Коту, продираясь сквозь толпу, подошел Старый Лис. Он сказал, что его внучку продали в один из борделей Гоблинландии. Нашлись десять смельчаков, которые с оружием в руках готовы ее спасти оттуда. Им нужно всего лишь одобрение кота, с ним они смело выполняют задуманное.

Черный Кот задумался. Он много думал о том, что нужно как-то спасти зверландок, попавших в заграничное рабство, но метод ему не нравился. Одобрив его, легко было заслужить славу террориста и международного преступника (на это и надеялся подославший Старого Лиса звероящер). С другой стороны, сказать, что пусть все так и остается, что нужно смириться – было поперек совести кота и совсем не тем, что ожидал от него услышать народ. Поэтому вслух он сказал:

– Я соболезную вам. Но это сложная проблема, которую нужно решить не так, как вы предлагаете. Необходимо спасти не только вашу внучку, но и всех остальных, оказавшихся в такой ситуации. Однако сделать это мы сможем лишь после того, как в страну вновь вернется Крылатый Лев. Его сил будет достаточно, чтобы освободить всех, кто мучается сейчас в рабстве в далеких странах. Наши же силы пока очень малы. Если мы пойдем по предложенному вами пути, то нас просто объявят преступниками и уничтожат.

В другой раз к Черному Коту подошел молодой Сокол.

– Я снайпер, – сказал он. – Ваше слово, и я застрелю Древнего змея. Мне известно место, с которого открывается прекрасный обзор на его резиденцию, он станет легкой мишенью.

Черный Кот знал, что Древнего змея невозможно ни застрелить, ни уничтожить каким-либо еще способом. Да если бы и было возможно – разве допустимо пытаться что-то доброе строить, прибегая к террору? И нужно ли говорить народу о неуязвимости президента, не напугает ли это многих? А без правды невозможна победа.

– Мы не террористы, – вслух сказал он. – И всякий, прибегающий к подобным методам, готовит себе такой же конец. Все возвращается в этом мире. Мы должны понимать, что для всех попыток причинить ему вред Древний змей неуязвим. Попытка сделать то, что ты предложил, только увеличит его силы. Лишь Великий Император и получивший от него силу Крылатый Лев имеют власть заточить его в темницу, чтобы он больше не правил нами. Но для этого мы должны измениться и стать достойными того, чтобы нами правил Крылатый Лев.

В третий раз к Черному Коту уже наедине подошел Бобровыхухоль и сказал, что транснациональная корпорация, которую он представляет, готова полностью профинансировать президентские выборы кота, имеющего в случае мощной финансовой поддержки большие шансы на победу.

– Вы не понимаете простой вещи, – улыбнулся Черный Кот. – В этой стране действуют иные законы. Выбор совершается не на брошенных в урну клочках туалетной бумаги, а в сердцах зверландцев. Мы получим ту власть, которой достойны. И думать, что простой кот вроде меня реально может править страной – наивно и глупо. Я могу лишь выполнять то, в чем чувствую свое предназначение. Но я не могу дать ни счастья, ни мира и безопасности Зверландии. Это может сделать только Кры-

латый Лев, появления которого в стране я с нетерпением жду, чтобы лично попросить у него простить меня и вернуться править нашей страной!

А Крылатый Лев в это время стоял за спиной Черного Кота и благословлял его.

Возвращение Государя

К моменту окончания президентского срока Древнего змея столько зверландцев получили защиту Крылатого Льва, что Черный Кот смог настоять, чтобы выборы президента прошли на той же площади, где совершилось изгнание Царя. Фунь Поц пытался доказать, что с юридической точки зрения это полностью несостоятельно, но даже Древний змей отмахнулся от него. Жители Зверландии должны были вновь сделать свой выбор, но теперь никто не мог им помешать.

Опять был сооружен большой помост, на котором в этот раз стояли только двое – Черный Кот и Древний змей. Казалось, что на площадь столицы пришли все жители страны, в общем-то, не очень густонаселенной. Но сейчас на площади и в нескольких кварталах от нее невозможно было пройти – десятки тысяч зверландцев стояли, тесно прижавшись друг к другу, и ждали, какой будет их дальнейшая судьба.

Первым к народу обратился президент. Магическая сила его глаз ослабела, но взгляд еще мог вызывать неопиcуемый ужас.

– Так неужели все считают, что я плохо правил этой страной? Неужели есть те, кто не боится открыто стать моим врагом? Неужели вы не знаете, как я поступаю со своими врагами? – шипел он.

Но Черный Кот смело перебил его:

– Так же, как и с друзьями. Сейчас не время для запугиваний, пришло время каждому сделать свой выбор. И я предлагаю сегодня не выбирать нового президента, а встать всем на колени и попросить Крылатого Льва простить нас и вновь стать нашим царем.

Поднялся неопиcуемый шум и гвалт, который устроили гоблины и карликовые динозавры. Однако кот, невзирая на это, опустился на колени; его примеру последовали более половины собравшихся. И от их имени он воззвал к Крылатому Льву.

А тот стоял рядом с Черным Котом, невидимый для всех, но оберегающий тех, кто к нему обратился. И когда раздалась нестройная мольба тысяч голосов, зверландцы увидели, наконец, Крылатого Льва. Увидел его и Древний змей. Он был бессилен против этого соперника и мог только молча с ненавистью смотреть на него.

А Крылатый Лев обратился к народу:

– Я рад тому, что вы изменились, дети мои. Вам пришлось пройти через многие испытания и лишения, чтобы вы научились ценить то, что имеете. Сколько тех, кто не дожил до сегодняшнего дня! А сколько тех, кто томится в рабстве в чужих странах! Но многих из первых Великий Император забрал в свои Чертоги, а вторые сегодня стали свободными, потому что благодаря вашей молитве я получил власть помочь им.

При этих словах словно туча накрыла небо. Это сотни огромных орлов принесли на своих спинах освобожденных ими в Гоблинландии, Скотострании и Лепрекони рабов-зверландцев. Сколько тут радости было у их родных!

Затем Крылатый Лев обратился к тем, кто поддерживал Древнего змея:

– Я даю вам выбор – остаться жить здесь по моим законам или перебраться в те страны, где царят законы, более понятные вам.

Большинство лепреконов, гоблинов, мутантов, динозавров, звероящеров, крокодилов и крыс решили стать эмигрантами. Им разрешено было взять все свои сбережения, в том числе продать дома или получить за них денежную компенсацию от государства, но под конвоем огромных орлов они должны были в трехдневный срок покинуть страну. Те же, которые остались, захотели попробовать, как можно полностью измениться и жить по-новому – не в постоянных злобе и страхе, а в спокойствии и радости.

– У вас начинается новая жизнь, – обратился Крылатый Лев к зверландцам. – Вы забудете о голоде, нужде и тяжелых болезнях, о преступности и страхе. Но для этого вы должны будете забыть и о своих пороках, которые овладели вами, а это будет очень сложно. Но сделать это необходимо, потому что третьего шанса начать все сначала может не быть.

Потом Царь повернулся к Древнему змею:

– У нас опять появится единственный политический заключенный.

– А я не могу уйти в другую страну? – спросил тот.

– Нет, потому что и ты и я связаны со Зверландией, ты же знаешь это. Ты мог уйти, пока был президентом, но сейчас опять станешь узником. А очень многих из тех, кого ты бросил в темницы за надуманные преступления, я сегодня же освобожу.

После этого Крылатый Лев пристально посмотрел на Черного Кота. Тот сник под его взором и низко опустил голову.

– Ну, полно тебе, – дружески сказал ему Царь. – Да, ты стал виновником многих бедствий в этой стране, но ты же послужил и ее спасению. Поэтому я не буду тебя ругать. Более того: страна другая, теперь в ней нужен премьер-министр. Ты ведь уже имеешь опыт подобной работы, не правда ли? К тому же президентский дворец теперь стал как бы ни к чему – я не привык к таким жилищам, а Желтая Кошка будет довольна, она ведь всегда мечтала о дворце?

Крылатый Лев испытующе смотрел на кота и на его жену, которая, когда он обратился к ней, вышла из толпы и встала рядом с мужем.

– Я не хочу власти, я хочу только вновь служить народу, как делал это, когда был заместителем губернатора Тигра, – сказал Черный Кот. – Поэтому мне дворец не нужен, я должен не упиваться своим величием, а быть рядом с теми, кому трудно. Впрочем, моя жена должна еще высказаться, ведь это ей дворец предложили...

Но Желтая Кошка обняла Крылатого Льва и заплакала:

– Зачем нам дворец, когда в нашей душе есть мир и счастье! Правда, трехэтажный дом вместо хибары, в которой мы живем, не помешал бы, но ведь не в этом же смысл жизни!

Царь весело засмеялся:

– Я думаю, что уж трех или даже четырехэтажный дом для премьер-министра – это не роскошь, а свидетельство его статуса. Ты что-то хотел спросить? – обратился он к Черному Коту, увидев, что его что-то мучает.

– Не знаю даже... – замялся тот. – Если я буду премьер-министром, то можно я буду носить парик и камзол?

– Ну, конечно, – ответил Крылатый Лев и засмеялся еще веселее.

– Нет, если нельзя, я же не настаиваю, – совсем стушевался кот.

А Царь продолжал смеяться. Перед ним были вновь его милые зверландцы – искрение и забавные в своих недостатках, но любящие и верные, готовые преодолевать свои самые сильные желания, если это будет необходимо. И в Зверландии вновь воцарилось счастье.

Декабрь 2011 – январь 2012

ОРДЕН КРЫЛАТОГО ЛЬВА

Все, что вы сказали, верно. Я всегда хочу знать лучшее и держаться как можно лучше. Поэтому спорить не стану. Допустим, мы видели во сне или выдумали все это: деревья, траву, солнце, звезды и даже Аслана. Но тогда выдумка лучше и важнее реальности. Допустим, это мрачное место и есть единственный мир. Тогда он никуда не годится. Может, мы и дети, играющие в глупую игру. Но четверо детей создали игрушечный мир, который лучше вашей реальной ямы. Я не предам игрушечного мира. Я останусь с Асланом, даже если Аслана нет. Я буду жить как нарнииц, даже если нет Нарнии. Благодарю за ужин, но мы четверо покинем ваш двор, вступим в темноту и будем искать дорогу наверх. Не думаю, что жизнь эта будет долгой, но стоит ли о том жалеть, если мир таков, каким вы его описали.

К.С. Льюис. Серебряное кресло

От автора

К повести-сказке «Черный карликовый тигр» мной было написано пространное послесловие, за которое в мой адрес прозвучало немало обвинений от просвещенных читателей в том, что я считаю их «несмышлеными», неспособными самостоятельно сделать выводы из литературно-художественного произведения. Поэтому ко второй части повести-сказки, которая представляется вашему вниманию, я никаких разъяснений делать не буду. За одним исключением.

В ней не нужно искать каких-то аллегорий, совпадений с нашими современниками. Если они есть, то случайны, обусловлены тем, что произведение затрагивает общие проблемы.

Как будет воспринята эта повесть-сказка? Я думаю, что все здесь зависит от читателей. В одном патерике приводится случай, как одна женщина вышла ночью из дома. Ее увидели три человека. Один из них был вор, второй блудник, а третий – святой. «Пошла воровать!» – подумал вор. «Пошла распутничать!» – подумал второй человек. А праведник подумал: «Пошла молиться».

В окружающей нас жизни мы видим себя как в зеркале. Что-то в отражении может очень раздражать, но оно не станет иным, если разбить зеркало. Но оно может стать иным, если изменится тот, кто в него смотрится.

Запрещенное чтение

Дождь все лил и лил, и казалось, что конца ему не будет – холодному, противному, кажется до костей пробирающего каждого, кому некуда от него укрыться. Небо

заволокло тучами так, что пытаться тешить себя надеждами на перемену погоды, было бы, по меньшей мере, наивно.

«А что еще можно ожидать хорошего в Зверландии на сто первом году правления Древнего Змея?» - грустно подумал Лесной Кот, выглядывая из окна своего маленького домика, находившегося на окраине Большого Леса. Но тут же сумел найти в плохой погоде и что-то хорошее: «Сегодня Лепрекон не заставит нас работать, я смогу почитать». И, оглянувшись, не подсматривает ли кто-нибудь за ним в окно или замочную скважину, украдкой достал из сундука бережно завернутую в материю книгу.

Нужно сказать, что вообще-то никто не запрещал зверландцам читать. Однако круг разрешенного чтения был крайне узок, особенно после того, как были восемьдесят лет назад уничтожены практически все книги, изданные в годы правления Крылатого Льва. Причем сделано все это было на первых порах без всяких репрессий.

В Зверландии тогда жила одна старая Крыса. Звали ее Грымзельда. Всю свою жизнь она жила в разных библиотеках. С детства ее окружал запах книг. Когда Грымзельда подросла и пришла ей пора работать, она устроилась в ту же библиотеку, где и жила. Министр Фунь Поц, вернувшийся в страну после нового воцарения Древнего Змея разглядел недюжинный талант подрастающей крысы, и определил ее по библиотечному ведомству. В обязанности ее на первых порах входило отрывать обложки от списанных книг и сгрызать страницы с текстом. Ей очень нравилась эта работа. Списанные книги были обычно старыми, засаленными; сгрызть такие сплошное удовольствие.

Незаметно прошли годы. Грымзельда достигла высокого мастерства в сгрызании книг — никто в стране не

мог сделать это лучше ее. Правда больше ничего в книгах она не понимала: ведь ей всегда указывали, какие книги сгрызть, а какие оставить. Но такая мелочь никого не волновала, когда Фунь Поцем было принято решение о назначении заслуженной старой крысы директором двадцати трех библиотек одновременно.

Неожиданно став на старости лет начальницей, Грымзельда решила показать, каких высот достигнет библиотечное дело под ее руководством. Первой ее задачей было увольнение из библиотек всех кошек, которые там работали. «Эти глупые мяукающие существа ничего не могут понимать в библиотечном деле», – заявила Грымзельда. А ведь больше, чем половиной из двадцати трех библиотек заведовали кошки, некоторые проработали в них не один десяток лет. И все они были уволены, несмотря на протесты читателей.

Только вот найти новых сотрудниц оказалась не так просто, как думала поначалу Грымзельда. Ей пришлось назначать на заведование библиотеками всех, кто только соглашался работать: и забитых церковных мышей, и полоумных выхухолей и морских свинок, спившихся до такой степени, что их было не отличить от сухопутных. В библиотечном деле они ничего не смыслили, зато теперь ни одна из подчиненных Грымзельды не была умнее ее, а, соответственно, она сочла свою кадровую политику идеальной.

Теперь можно было переходить к основной цели, которая, по мнению Грымзельды, стоит перед любым распорядителем библиотечных фондов: списанию книг. Она не знала, по каким критерием списываются книги на уничтожение из библиотечных фондов, поэтому критерии списания литературы из подведомственных ей библиотек разработала сама.

В первую очередь, были списаны все книги про кошек. Во-вторых, все книги, где упоминалось про кошек. В-третьих, все книги, где плохо говорилось о крысах. И, наконец, все книги, где ничего не говорилось о крысах.

Сгрызать пришлось почти все книги. Грымзельда с пятью помощницами целыми днями неустанно трудилась, грызя книги. Читатели били тревогу: в библиотеках нечего стало читать. Но разве это повод для увольнения заслуженной старой крысы? Но когда книг почти совсем не осталось, начальство обеспокоилось, зачем неэффективно используются помещения двадцати трех библиотек. Все их фонды свезли в одну и, надо признать, благодаря стараниям Грымзельды, все книги прекрасно разместились в одной библиотеке и там еще было полно свободного места. А помещения остальных библиотек продали под размещение притонов, пивнушек и пунктов приема стеклотары. Те заведующие библиотеками, которых набрала Грымзельда, неожиданно оказались востребованными в качестве сотрудниц этих учреждений и, что интересно, справлялись с новой работой намного лучше, чем с библиотечной. Саму же Грымзельду наградили орденом за то, что благодаря ее стараниям бюджет Зверландии пополнился крупной суммой денег от продажи двадцати двух помещений бывших библиотек.

Правда потом выяснилось, что она по ошибке стгрызла и несколько трактатов Фунь Поца, за что была с позором разжалована, лишена ордена и уволена с правом жить на подаяние. В местной прессе появился цикл критических статей о ее некомпетентности, недопустимости подобных способов работы с литературой.

Но первый шаг по уничтожению книг в Зверландии был сделан. За ним, спустя некоторое время, последовали более радикальные: звероящер Фунь Поц выступил по

местному телевидению с программной речью о том, что книги книгам рознь, некоторые из них отравляют сознание читающих. И с этим было не поспорить. Другое дело, что уничтожить министр решил те из них, которые отравляли сознание по его мнению.

Сначала литературу изымали у зверландцев добровольно, потом начали применять силовые меры. В результате через какое-то время в стране остались только книги Фунь Поца (сам Древний Змей ничего не писал), и некоторых из тех, кому звероящер лично позволял публиковаться. И к тому моменту, когда Лесной Кот начал читать книгу «Черный Кот, который погубил, а потом спас Зверландию» - одну из наиболее запрещенных министерством – это был едва ли не единственный экземпляр в стране. Если бы Лесной Кот попался с этой книгой, то его могли бы не только выгнать с работы, но и арестовать и направить на суд к Древнему Змею. Неудивительно, что он с такими предосторожностями ее читал, хотя и жил в той части леса, куда обычно никто не наведывался.

Неожиданная гостья

В этот раз Лесному Коту так и не удалось погрузиться в чтение, потому что в дверь его домика кто-то постучал. Испугавшись, как бы не стал известен его секрет, хозяин быстро спрятал книгу в тайник в полу, который сделал для таких вот экстренных случаев, не забыв при этом бережно завернуть в материю. После этого постарался сделать вид, что ничего не происходит, и открыл дверь, лихорадочно обдумывая, что ответить на вопрос, почему так долго копался. Однако отвечать не

пришлось: у входа стояла его соседка – тетушка Мышь, жившая в полукилометре отсюда и, соответственно, бывшая его ближайшей соседкой.

Нужно сказать, что Лесной Кот был не типичным для своего времени зверландцем. Это во времена Крылатого Льва было нормально котам дружить с собаками и мышами. В дни же царствования Древнего Змея это считалось серьезным психическим отклонением; если бы такое явление приняло массовый характер, то рассматривалось бы и как преступление. Но Лесной Кот был единственным в Зверландии котом, среди друзей которого была мышь и пес – Спаниель Слюнявый, который к тому же публично дружбу отрицал. Поэтому их просто считали больными, но не настолько, чтобы они не могли привлекаться к общественным работам.

Тетушка Мышь частенько навещала Лесного Кота, чтобы пожаловаться на свою подругу – тетушку Хомячиху, с которой она постоянно то ссорилась, то мирилась. Мышь жила одна. В свое время она не вышла замуж, и теперь у нее не было ни детей, ни внуков. В ее норке всегда были образцовый порядок и чистота. Тетушка Мышь отличалась запасливостью: в ее кладовой было полно сыра, крупы, сала и других продуктов. Она запасала даже то, что ей было, в общем-то, не нужно: среди прочего в ее кладовой стояли десятка два бутылок водки и вина «на всякий случай».

Не такой была тетушка Хомячиха. Были у нее и дети, и внуки, но общалась она с ними нечасто. Ее нора была грязной и неухоженной, еда там никогда не задерживалась дольше, чем на 10 минут. Тетушка Хомячиха очень любила выпить что-нибудь покрепче. Денег ей всегда не хватало, и она пропила все хорошее, что было у нее в норе. Наконец ее дети испугались, что она пропьет

и нору, оставив их без наследства. Они насильно заставили свою мать пойти к наркологу и закодироваться.

Тетушка Хомячиха, перестав пить, стала злобной и угрюмой. Все бывшие знакомые ее раздражали. И тогда она переехала из родных мест, сменяв свою нору на другую, рядом с норой тетушки Мыши.

Тетушка Мышь ничего не знала о прежних пристрастиях своей соседки. А так как обе соседки жили одни, общаться им было не с кем, то вскоре они подружились. Однажды у тетушки Мыши заболела дальняя родственница. Нужно было уехать на месяц, чтобы ухаживать за ней. Тетушка Мышь очень боялась оставить свою любимую норку без присмотра: времена нынче смутные — ограбят в два счета. И она попросила последить за ней тетушку Хомячиху. Та согласилась сразу.

Попав в нору тетушки Мыши, тетушка Хомячиха первым делом проверила, что есть у ее подруги. Увиденное внушило ей зависть. Новый цветной телевизор, микроволновая печь, новый набор мягкой мебели — все было до боли похоже на то, что было раньше у тетушки Хомячихи, и что она пропила пять лет назад. Особенно впечатлило ее количество хранящихся в кладовой припасов. Она никогда не видела одновременно такое количество продуктов и, особенно, спиртных напитков. Ей пришла в голову мысль выпить рюмку-другую вина: ведь соседке не будет жалко. Она выпила рюмку, другую, потом всю бутылку. Легла на новый диван, включила телевизор. «А ведь здесь лучше, чем у меня дома, - подумала она, поживу-ка я здесь этот месяц».

Когда тетушка Мышь вернулась, дома ее ждало печальное зрелище. Сгорели новые телевизор и микроволновка, которые тетушка Хомячиха забыла выключать. Вся водка и вино были выпиты, все годовые запасы еды

съедены. В довершении ко всему тетушка Хомячиха, будучи весь месяц сильно пьяной, не могла найти туалет в норе и организовала альтернативный в самом центре гостиной, на новом шерстяном ковре. Самое интересное, что она обрадовалась приезду тетушки Мыши. «Ой, как хорошо, что ты приехала, а то я уже второй день здесь без еды!» – воскликнула тетушка Хомячиха, когда обескураженная хозяйка вошла в свою разгромленную нору.

... Выложив всю эту информацию Лесному Коту, тетушка Мышь испытала большое облегчение после того, как он спокойно сказал ей, что ничего страшного, в сущности, не произошло. Попищав немного для порядка, она стала было собираться с опаской думая, как ей идти под таким страшным дождем, когда в дверь опять постучали.

Еще один друг

Подумав про себя, что промедления могут вызвать подозрения, что они с тетушкой Мышью составляют какой-то заговор, на этот раз Лесной Кот открыл дверь не мешкая. Однако ему опять повезло: за дверью был его друг – Спаниель Слюнявый.

Жил один Спаниель. Еще с детства он, когда говорил, разбрызгивал так много слюней, что его прозвали «Слюнявый». Прозвище так прилипло к нему, что многие даже не помнили его настоящего имени, а потом он и сам его забыл. Даже друзья старались стоять подальше от Слюнявого, когда он разговаривал, а, особенно, когда он смеялся. Слюнявый пробовал себя во многих профессиях, но нигде не преуспел.

Сначала он решил стать электриком. Но его работа на данном поприще привела к двум локальным пожарам и необходимости замены восьми электрощитов и всего электрооборудования в четырех зданиях.

Потом он попробовал себя в качестве водителя. Семь машин он разбил так, что от них осталась лишь груда металлолома. Лишь восьмая машина оказалась очень прочной, и ее можно было продать хотя бы на запчасти после четырнадцати аварий, в которых ей пришлось побывать.

Характерно, что побывав в пятидесяти трех авариях и тринадцать раз благополучно пережив смертельные для любого другого удары электрическим током, Слюнявый пришел к выводу, что он знает толк в жизни и ему пора стать начальником. Только вот незадача: все слишком хорошо его знали и не желали взять на работу даже сторожем, не то что директором. И тогда Слюнявому пришла в голову мысль стать депутатом.

В своей предвыборной программе он обещал защищать права тех собак, которые хотят не сторожить дома, а воровать еду у хозяев; кобелей и сучек, которые хотят случаться, не обращая внимания на породу друг друга; собак, которые хотят кусать прохожих. Неудивительно, что его поддержало много избирателей, и он стал депутатом. При этом его электорат и без всякой законодательной поддержки делал все вышеперечисленное, а поэтому Слюнявому можно было с чистой совестью забыть о тех, кто за него голосовал и заняться исключительно собой.

Так он и сделал. Он купил себе дом, где проводку делал нормальный электрик, на машине его возил опытный водитель. А, поскольку избиратели Слюнявого весьма усердно продолжали воплощать в жизнь то, в чем

он обещал им помочь в своей предвыборной программе, то он был признан лучшим из депутатов. Слюнявый жил теперь в свое удовольствие и лишь изредка, обильно брызгая слюной, произносил с трибуны пламенные речи о том, какой он бескорыстный борец за всеобщее счастье и благоденствие.

Он был, в общем-то, добрым псом, но уж очень ему хотелось попасть в «масть», быть на виду. Поэтому Спаниель всячески скрывал дружбу с Лесным Котом, но, когда не видел, не считал зазорным дружить не только с ним, но и с тетушкой Мышью. Один из видных чиновников, контролировавших ситуацию в Большом Лесу, индюк Скотоферм был в курсе такой двойственности в поведении депутата, но министр Фунь Поц сказал, что депутат и должен быть таким: никто не должен знать, когда он говорит правду и когда лжет.

- Привет, тетушка Мышь, - с порога прокричал Спаниель, метнув в ее сторону при этом фонтан слюней, который сбил бедняжку с ног. Привет, друг.

И он трижды поцеловал Лесного Кота, измазав его при этом слюнями с головы до ног.

- Что-то случилось? – озабоченно спросил хозяин.

- Как же не случилось? Ты из-за дождичка решил не идти на обязательные работы и обязательное собрание, как я понял? Дождешься – попадешь в лесную тюрьму, тебя и так считают неблагонадежным. И опять же – подорвешь мой авторитет. А еще ты забыл – сегодня же господин Лепрекон проводит благодарственное собрание!

- Но ты ведь рискуешь, приехав за мной! – озабоченно сказал Лесной Кот.

- Я тебя воспитываю, - усмехнулся Слюнявый. - Тетушка Мышь, ты хоть и пенсионерка, но на благодарственное собрание придти должна.

- Конечно, дорогой, - суетливо начала оправдываться Мышь, - мы ведь и собирались...

- Так я тебе и поверил! - усмехнулся Спаниель. - Ладно, поехали, садитесь в мою прекрасную машину, а то проблемы будут у всех нас!

И через несколько минут они уже ехали в машине депутата, которая побывала уже в сорока трех авариях. Как ни странно никто не боялся: Слюнявый считал себя образцовым водителем, Лесной Кот давно заметил, что каким-то чудесным образом во время аварий страдает только машина, а тетушка Мышь была не способна к анализу. Недалеко от вырубленной части Большого Леса, огороженной колючей проволокой Спаниель остановился:

- Дальше идите сами, нельзя, чтобы там нас видели вместе.

И его друзья под ливнем побежали к контрольно-пропускному пункту.

Повелитель Большого Леса

Все несчастья в Большом Лесу начались, когда доброго Старого Волшебника, который управлял Большим Лесом, отправили на пенсию, а вместо него управителем леса назначили Лепрекона.

Лепрекон был злобный гном, который не любил никого и ничего кроме золота. Все жители леса очень скоро почувствовали, как скверно иметь такого начальника. Добрый Старый Волшебник ничем не стеснял их

свободу, налоги собирал самые минимальные. Не таким был Лепрекон. Никто теперь не мог выехать из Большого Леса без его письменного разрешения, на каждый вид работ нужно было получить лепреконскую лицензию, стоимость которой нередко превышала ту прибыль, которую приносила работа. Например, белки за право на сбор орехов; ежи за право на сбор грибов должны были платить ему столько золота, что им приходилось продавать почти все, что они собирали, а оставшегося едва хватало, чтобы они и их семьи не умерли с голода. Лепрекон же был все равно еще и недоволен и проклинал всех лесных жителей за то, что они так мало ему приносят золота, и он не может себе позволить даже золотого унитаза.

Лепрекону очень не нравилось общее положение дел, которое он обнаружил в Большом Лесу. Слишком уж свободно, на его взгляд, чувствовали себя лесные жители, и слишком хорошо они жили. Лепрекон, как мог, затруднял им жизнь, но всего достигнутого ему казалось мало, И тогда он вышел с просьбой к Фунь Поцу о реорганизации Большого Леса в Зверосовхоз.

Это давало ему очень большие преимущества, так как все обитатели зверосовхозов лишались паспортов, им можно было ничего не платить, так как жалобы от них не принимались. Даже если житель зверосовхоза умирал, то правительственные органы не проводили никакого расследования.

Идея Лепрекона была встречена министром-зверящером с восторгом. Он тут же рассказал Древнему Змею, что поддержка идей гномов входит в одно из обязательных условий Правительственной «Программы поддержки гномического разума» (Фунь Поц придумывал такие программы на ходу, особенно это ему удава-

лось, когда можно было наполнить новым смыслом ранее известные термины); поэтому просьбу Лепрекона нужно удовлетворить, в качестве эксперимента, чтобы на практике можно было видеть, к чему приводит воплощение в жизнь идей гномического разума.

Вот только теперь жители Большого Леса поняли, как бывает по-настоящему плохо жить! Если раньше у них отбирали последнее, то теперь и свою личную свободу они потеряли. Не имея паспортов, они не могли выехать из Зверосовхоза в другое место и стали фактически крепостными Лепрекона, назначенного его директором.

С пушных зверей сдирали их меховые шкуры и продавали их на экспорт. К счастью, Добрый Старый Волшебник все еще жил в ставшем Зверосовхозом Большом Лесу. К нему и приходили несчастные звери с содранными шкурами. Он мазал их волшебной мазью, после чего у них восстанавливался кожный покров, и вырастала новая шерсть. Лепрекон же был этому очень рад и умудрялся за счет этого сдирать с некоторых из зверей по три шкуры в год. Тогда Добрый Старый Волшебник пошел на хитрость: он что-то добавлял в волшебную мазь, после чего новые шкуры вырастали, но не имели товарного вида. Скрепя сердце, Лепрекону пришлось искать другие способы извлечения прибыли.

Все жители Зверосовхоза теперь работали по 16 часов в сутки, а после этого еще проводили общее собрание, во время которого говорили о том, как хорошо им стало жить под мудрым управлением Лепрекона. Собрания иногда затягивались настолько, что времени на сон и на еду почти не оставалось. Тогда директор довольно говорил: «Вот как хорошо мы работаем! Даже поесть и поспать некогда!» Это называлось «благодарственное

собрание». Не придти на него или опоздать считалось серьезным проступком.

Однажды Лепрекону наскучили жалобы живших в Большом Лесу зверей и сказочных существ на то, что под его управлением они скоро умрут от голода и нищеты. Он решил, что пришла пора начать платить зарплату тем, кто на него работает. Денег у Лепрекона было, как у дурака фантиков, только вот делиться он ими ни с кем не хотел. А как отдавать другим деньги, чтобы у самого их меньше не становилось? Над этим вопросом Лепрекон мучался не один месяц.

Но вот однажды во время посещения столицы он зашел в Центральную лепреконскую волшебную лавку. Его внимание сразу же привлек волшебный сундучок, украшенный драгоценными камнями. Но самое главное было не во внешнем великолепии. Сундучок имел необычайное волшебное свойство: в него закладывался обычный древесный уголь. Но тем, кто его открывал, казалось, что они видят чистое золото. Иллюзия сохранялась и в тот момент, когда хозяин сундучка расплачивался содержимым. И лишь, спустя несколько часов, «золото» вновь становилось углем. Но ведь в этот момент оно было уже у новых хозяев, а владельцы подобных сундучков претензии не рассматривают.

Многим лепреконам (а их немало наехало в Зверландию в годы правления Древнего Змея) хотелось приобрести этот сундучок. Но сильно уж высока была цена. Однако Лепрекон, назначенный управителем Большого Леса, быстро придумал выход из сложившейся ситуации. Он решил, что раз покупка совершается в интересах жителей Большого Леса, то они и должны ее оплатить. А чтобы не пришлось оставлять сундучок преемнику, если самого переведут на повышение, Лепрекон вспомнил об

одной важной дате, к которой его подданные просто обязаны были сделать лично юбиляру дорогой подарок: ведь пять лет назад его наградили туфлями с золотыми пряжками как первого по жадности гнома в стране.

Тяжелым бременем легла на жителей Большого Леса покупка сундучка. Ведь от обязанностей платить остальные налоги их тоже никто не освобождал. Вот и пришлось многим из лесных жителей продавать из дома последнее, чтобы выполнить очередную прихоть Лепрекона.

А тот сиял от счастья, когда смог, наконец, купить сундучок. Через неделю он необычайно поразил всех жителей Большого Леса, заявив, что начинает платить зарплату тем, кто на него работает. Но надо ли говорить, что когда золото превратилось в древесный уголь, никто из работников Лепрекона особо не удивился и не расстроился. Зная своего хозяина, они понимали, что это еще самое лучшее, что можно от него ожидать.

А Лепрекон так обнаглел, что стал расплачиваться содержимым сундучка и с наемными рабочими, которые приезжали из соседних полей и лесов. Когда же те, поняв, что их обманули, пробовали возмущаться, то Лепрекон приказывал лесной полиции с позором выдворить их из Большого Леса. Лишь одно омрачало счастье Лепрекона: то, что он не мог содержимым сундучка платить налоги Древнему Змею, а в остальном он некоторое время был полностью доволен существующим положением.

Сейчас Лепрекон находился еще в этом эйфорическом состоянии, поэтому простил опоздавших Лесного Кота и тетушку Мышь, поругав их при всех жителях Большого Леса всего каких-то полчаса. Он даже не вычел у них из зарплаты. «Зачем? – подумал прагматичный гном. – Все равно ведь она превратится в уголь».

После собрания

После собрания и изнурительной и бессмысленной работы, Лесной Кот собрался было отправляться домой, когда его кто-то окликнул. Устало повернув голову, он увидел Декоративного Кролика, который давно набивался к нему в приятели. Но не нравился он Лесному Коту, что тут можно было поделаться! И история его, которую он так любил рассказывать, казалась коту совсем не интересной. А суть ее была следующей.

Жила одна Крольчиха. Самая, что ни на есть, обыкновенная, за одним исключением. Ей хотелось всю жизнь прожить так, чтобы у нее всегда все было, а она при этом никогда ничего не делала. Подруги решили над ней посмеяться и сказали, что так живут жены декоративных кроликов. Но Крольчиха отнеслась к их словам серьезно. Теперь ее целью было скорейшее удачное замужество.

Она поступила на работу уборщицей в училище декоративных кроликов. Училище было профессиональным, учились там, в основном ее ровесники. Скоро она уже сумела познакомиться с несколькими учениками. Не учитывала Крольчиха одного: декоративные кролики всегда женились на декоративных крольчихах.

Но в каждом правиле бывают исключения. Был в училище один дефектный студент: уши у него были коротковаты, вид болезненный, да и говорил он, как хрюкал. Вообще, он внешне был больше похож на морского свина, чем на декоративного кролика. Внутренние качества удачно дополняли внешние. Он был самовлюбленным, считал себя умницей и красавцем, хотел, чтобы им постоянно восторгались, говорил со всеми только о себе.

Поэтому ни одна декоративная крольчиха не хотела с ним знаться. А нашей героине все было нипочем: лишь бы прожить всю жизнь за чужой счет, И вот их свадьба состоялась.

Сразу после свадьбы Крольчиха перестала говорить Декоративному Кролику, какой он милый и распрекрасный. Она потратила много сил, говоря ему это на свиданиях, а теперь ждала отдачи и обязательно облеченной в форму материального благополучия. А новоиспеченный муж, не раздумывая, бросил ее. Ему было глубоко наплевать не только на жену, но и на ни в чем не виноватых крольчат, которых она вскоре родила.

Декоративный Кролик жил в свое удовольствие, разъезжал из города в город, получая призы на выставках декоративных животных. Ему и в голову не приходило, что его гастроли так финансово успешны, потому что все принимают его за диковинное животное — помесь кролика с морской свинкой.

С бывшей женой и детьми делиться своими доходами он не хотел. Когда Крольчиха подала на алименты, декоративный Кролик вынужденно стал посылать ей по почте морковь и капусту для крольчат. Но делал он это с таким расчетом, чтобы пока посылка дойдет, продукты в ней успели сгнить. А у него оставались почтовые квитанции, что он ничего больше в этом месяце своим крольчатам не должен.

Он никого не любил, никто не любил и его. Декоративный Кролик не раз пытался завести роман, причем не только с крольчихами, но и с белками или кошками. Но все его поднимали на смех, даже не зная всего его внутреннего содержания. А одна Кошка прямо сказала ему, что лучшая партия, на которую он может рассчитывать — это пьяная морская свинка.

Так незаметно он и состарился, никому не нужный, не сделавший в жизни никому ничего полезного или хорошего. В Большом Лесу он прибил к Лепрекону, у которого выполнял обязанности «второстепенного придурка на подхвате» - так официально называлась его должность в штатном расписании аппарата Лепрекона. Но Декоративному Кролику хотелось хоть с кем-то дружить. Самым подходящим для этого ему казался Лесной Кот. А тот, по своей доброте, не мог просто «послать» зануду, как это делали все остальные.

- Вы знаете, - обратился к нему Декоративный Кролик, - новости про Лесную школу?

Лесная школа вообще была больной темой для кота, который работал там учителем десять лет назад.

- И что? - с замиранием сердца спросил он.

- Она рухнула!

Дело в том, что Лепрекону не нравилось все в Большом Лесу. Особенно же не нравилась ему Лесная школа — одно из лучших учебных заведений этой страны. Он начал с того, что уволил ее директора и его заместителя. После этого перед ним встал вопрос, кого же назначить новым директором. Назначить Лепрекон решил такого жителя леса, которому он бы нравился. А нравился Лепрекон из всех жителей леса одному только Кроту. Кроме того, Крот постоянно обещал Лепрекону, что найдет для него клад. Все это вместе и решило вопрос с назначением.

Став директором школы, Крот поначалу сильно изменился. Он сразу стал важным и заносчивым, каким всегда и мечтал быть. А жители леса теперь не могли над ним открыто смеяться из-за того официального положения, которое он стал занимать.

Впрочем, толку Кроту от его нового назначения оказалось немного. Лепрекон не платил зарплату никому из своих сотрудников. Кроме того, он урезал бюджет Лесной школы. Ее отрезали от электроснабжения (потому что надо заниматься, когда на улице светло), от водоснабжения (надо мыться в речке), от отопления (зачем зверям отопление, у них и так шкуры меховые). Вдвое сократили расходы на питание (и так все толстые). Учителям перестали платить зарплату, потому что все, кто работает на Лепрекона, должны работать бесплатно, и большая часть учителей ушла из школы.

Кроту пришлось самому преподавать половину предметов. А так как он ничего не знал, то после его занятий ученики становились в три раза глупее, чем до них. Крот стал нервным и раздражительным, его уже не радовало, что к нему обращаются «Ваша милость»; он даже иногда стал забывать важничать.

А Лепрекон требовал с него обещанный клад. Крот, естественно, не знал, где зарыт клад и есть ли он вообще в этом лесу. Он наговорил про него просто для того, чтобы выслужиться. А Лепрекон шутить не любил, особенно, когда речь шла о золоте. И Кроту пришла в голову мысль, что клад зарыт под фундаментом школы.

Он забросил все дела и начал усиленно копать под школой подземные ходы. Когда лапы его уставали, то он начинал копать носом, как это делал его бывший друг Кабан. Клада он не нашел, но зато после месяца усердной работы его нос стал точно таким же, как у Кабана. Теперь за глаза его называли Крот со свиным пяточком.

А еще через два месяца усердного копания подземных ходов под школой, ее фундаменты не выдержали, и здание Лесной школы рухнуло.

Сердце Лесного Кота облилось кровью. Сразу вспомнилось все то хорошее, что у него было связано со школой.

- Неужели это все не кончится? – со слезами воскликнул он.

Кикимор

Дорога домой для Лесного Кота лежала через болото. Когда он шел мимо него, то его кто-то окликнул. «Только бы не Кикимор!» - подумал кот. Но, обернувшись, увидел, что его опасения подтвердились.

В Большом Лесу жило много сказочных существ. Самым непутевым из них был Кикимор. До такой степени непутевым, что его даже Лепреккон освободил от обязательных работ и (не может быть!) даже от посещения благодарственных собраний зверосовхоза. Жил Кикимор в болоте, в полной нищете, вид имел неказистый, но мнения о себе был самого высокого.

Ходил он всегда в одном и том же балахоне, сшитом из рваных тряпок. Никогда не мылся, балахон свой не стирал, питался преимущественно слизнями и пиявками. Однако лесные жители относились к нему в целом неплохо, потому что Кикимор, хотя в душе всех ненавидел, внешне был со всеми приветлив, каждому хотел услужить.

Правда пользы от его помощи всегда было меньше, чем вреда: попросят его помочь собрать грибы, так он наберет одних поганок попросят помочь собрать ягод, так непременно наберет волчьих. А уж показать дорогу его никто не просил с тех пор, как Волк, который имел

неосторожность пойти по дороге, которую указал ему Кикимор, угодил в капкан. Но ведь Кикимор всегда хотел «как лучше», поэтому обычно на него особо не обижались, но и помощи у него уже давно никто не просил.

Самой заветной мечтой Кикимора было стать великим волшебником, чтобы он все мог, и все боялись и уважали его. Но вот беда: способности к волшебству он имел еще меньшие, чем к помощи своим знакомым.

Однажды он решил развести волшебный огонь, после чего сгорела целая березовая роща, а самому ему целых полгода пришлось прятаться от лесной полиции в своем болоте. В другой раз он придумал волшебный аппарат для сбора клюквы, который должен был, по замыслу незадачливого волшебника, собирать ведро ягод в минуту. Но аппарат ягоды собирать не стал, а так раздул всю воду в болоте, что слизи и пиявки разлетелись в разные стороны леса. Две недели Кикимору пришлось голодать.

Впрочем, неудачными свои опыты он не посчитал: дело в небольших технических недоработках, а так все прошло превосходно. И Кикимор решил, что он величайший волшебник и пора ему стать управителем Большого Леса. Когда он вышел с письменным предложением об этом к Древнему Змею, то на чудака захотел посмотреть даже сам министр Фунь Поц. Звероящер смеялся, когда Кикимор рассказывал ему насколько он умнее Лепрекона. Но когда он заявил, что умнее и самого Поца, его направили на принудительное лечение в лесную больницу.

Однако долго он там не задержался: его приходилось держать в отдельной палате, потому что в общей другие больные теряли сознание от той вони, которая исходила от Кикимора и которую было невозможно за-

глушить никаким количеством хлорки. Кроме того, он отказывался есть что-то кроме слизней и пиявок. Лепреккон стоял перед трудной диллемой: с одной стороны ему нравилось то, что больные мучались еще больше. С другой – пока они болели, не работали. Поэтому было принято выписать Кикимора из больницы и отправить к себе на болото, под профилактический надзор лесной полиции. Там и доживал свои дни непонятый и непризнанный «гений». Впрочем, «надзор» это громко сказано: была кому охота не то что следить, а и подходить к изгою! Один лишь Лесной Кот, дорога к дому которого лежала мимо болота, не находил в себе силы оттолкнуть и так отверженного и ему порой часами приходилось после изнурительного трудового дня за чашкой чая из болотной жижи, слушать рассуждения Кикимора. Но не в этот раз: кот все же не оставлял надежды, что ему удастся почитать сегодня книгу, к которой он спешил. Поэтому, вежливо раскланявшись, Лесной Кот сослался на сильную усталость и пообещал на днях зайти поговорить непременно. И поспешил к книге.

Воспоминания об отце

Путь Лесного Кота к дому продолжился. Он вдруг задумался и вспомнил своего отца – Черно-Белого Кота, от которого и получил в наследство книгу.

... На тридцатом году правления Древнего Змея в одном из городов Зверландии жил Черно-Белый Кот. В этом городе, который назывался Кэттаун жили разные представители семейства кошачьих: львы, тигры, рыси, леопарды и другие. Но больше всего было котов и кошек.

В то время Древний Змей еще давал своим подданным много свобод, чтобы каждый из них мог сам себя проявить. Для того, чтобы власть его над Зверландией была по-настоящему прочной, необходимо было, чтобы ее жители сами изменились настолько, чтобы перемены стали необратимыми, чтобы уже никто не смог перемениться настолько, чтобы как когда-то Черный Кот вновь призвать в страну Крылатого Льва, вновь улетевшего в чертоги Великого Императора. Поэтому, в первые годы своего нового правления, Древний Змей в своей политике, особенно в некоторых городах страны, был очень толерантен и демократичен, преследуя, впрочем, при этом вполне конкретные стратегические цели.

Черный Кот, которого он ненавидел всей душой, как и его жена - Желтая Кошка, уже закончили свой земной путь. Крылатый Лев отнес их в чертоги Великого Императора, откуда они никогда уже не могли вернуться в Зверландию и где Древний Змей уже не мог причинить им никакого зла. Но здесь сама память о Черном Коте и том, что он сделал, была для нового властелина опасна. И ее нужно было дискредитировать любой ценой. Поэтому внимание его и отвечающего за идеологию министра звероящера Фунь Поца, который хотя и не был бессмертным, как Древний Змей, но благодаря службе ему, получил способность жить до трехсот лет, было приковано к Кэттауну. Здесь они надеялись найти того, кто мог бы послужить для них орудием для дискредитации памяти о Черном Коте.

И они использовали для этого и то хорошее, что было у жителей Кэттауна, где память того, кто чуть не погубил страну, а затем содействовал ее спасению, очень почитали. Где-где, а уж в этом городе все наизусть знали историю о Черном карликовом тигре. И считалось дур-

ным тоном, если, например, лев будет говорить, что он лучше, чем кот. Все львята, тигрята и котята ходили в одни и те же школы, вместе играли. Когда они вырастали, то каждый имел одинаковые возможности для карьеры. Мэром города могли выбрать как льва, так и кота.

Но, наконец, поиски Фунь Поца увенчались успехом. Министр нашел Черно-Белого Кота, который всегда был недоволен, что он кот, а не тигр. Он работал директором одной из самых больших в городе школ. У него училось много тигрят, и он приложил все силы к тому, чтобы подружиться с их родителями. Те поначалу были рады этому: Черно-Белый Кот был хорошим директором школы, хорошо справлялся со своими обязанностями, любил учеников, а те его.

Однако вскоре они начали замечать определенные странности в поведении Черно-Белого Кота. Все жители города привыкли к тому, что каждый из них имеет свои возможности. Например, маленький по размеру кот не может сделать того, что может сделать лев. Все это знали, и никому никогда не могло придти в голову, что это плохо. Просто все были разными и воспринимали это, как нечто естественное.

А вот Черно-Белому Коту это очень не нравилось. Он хотел уметь все, что умеют тигры. Он ходил на все их встречи, дружил только с тиграми, всячески им подражал. Однако единственное, что он сумел — это выпивать столько же водки, сколько большой тигр. Над ним стали смеяться, он постепенно потерял уважение не только своих приятелей-тигров, но и всех в городе.

И вот им-то и воспользовались Древний Змей и Фунь Поц. Благодаря их незримой работе, Черно-Белого Кота стали звать Черный карликовый тигр. И посте-

пенно, в сознании жителей Кэттауна именно с ним стало ассоциироваться это имя.

Черного карликового тигра за пьянство сняли с должности директора школы. Некоторое время он не мог найти работу. Наконец один из его приятелей-тигров пожалел его и взял преподавателем в тигриный институт. Однако Черный карликовый тигр так обрадовался, что теперь имеет возможность учить исключительно тигров, что стал пить больше прежнего. Другу было жалко увольнять его, и он перевел Черного карликового тигра на должность научного сотрудника, чтобы он писал монографию о тиграх у себя дома, где никто бы его не видел.

Но Древнего Змея это не устраивало. Ему нужно было заострить драматизм ситуации, чтобы бывший Черно-Белый Кот сделал окончательный выбор. А новый Черный карликовый тигр сделал его в пользу бутылки, потеряв работу и семью. Он не был плохим котом, но душа его чужда была сильным порывов. О нем можно было бы сказать, что он ни холоден, ни горяч. Если бы Черно-Белый Кот был так горяч, как тот, чью память пытались с помощью его опорочить, то он смог бы разорвать сковавшие его узы мрака и безнадежности. Будь он холоден, как тот же Фунь Поц, но оставался собой, то он попросту избежал бы этих уз. Но новый Черный карликовый тигр просто страдал, не предпринимая усилий, чтобы измениться. Он пропил все, что только мог. Его жена и маленький сын должны были уехать в глухую провинцию Зверландии – Большой лес – единственное место, где они смогли найти хоть какое-то жилье и работу.

Прощаясь с сыном, Черный карликовый тигр на какой-то миг вдруг вернулся в сознание. Он достал с полки

книгу (тогда еще очень ходовую в Кэттстауне) и дал ее ему со словами: «Смотри, каким был настоящий Черный карликовый тигр». После этого опять впал в забвение.

Древний Змей и Фунь Поц постепенно уничтожили все книги о прежнем Черном карликовом тигре. Они стали запрещенными. А в новых, написанных Фунь Поцем, рассказывалась история Черно-Белого Кота, в которой не было ничего опасного для их правления. Постепенно новое поколение зверландцев начало считать, что это и есть подлинная история Черного карликового тигра, которого почитали их деды и удивлялись, что же они хорошего в ней находили.

...Больше семидесяти лет прошло с тех пор. Котенок стал старым Лесным Котом. Он давно похоронил мать, которая так и не смогла пережить разлуку с мужем, которого когда-то любила, но не таким, во что он превратился.

Сначала Лесной Кот ненавидел отца и хотел даже выкинуть книгу, которую тот ему дал. Но чем старше он становился, тем больше терпимости появлялось в его душе. Он простил отца. Первый раз книга была прочитана им в день его шестидесятилетия. И с тех пор стала любимым его чтением. Лесной Кот очень жалел, что его слабый отец не смог сделать достойный выбор, но тут же себя одергивал: «А сам я разве делаю достойный выбор каждый день?» И он стал первым котом в Большом Лесу, подружившимся с мышью и псом, с изгоем Кикимором.

Лесной Кот наивно думал, что его просто не замечают, поэтому ему и удается делать то, что идет вразрез с установленными в Зверландии правилами. Но Древний Змей и Фунь Поц явно чувствовали рядом с ним дыхание Крылатого Льва, которого уже больше века не чувствовали они в подвластной им стране. И это не могло их не

заботить. Как и то, что старый Лесной Кот, не зная этого, получил от Крылатого Льва ту защиту, которую когда-то имел Черный карликовый тигр – не отец Лесного Кота, а тот, в душе, которого когда-то решалась судьба Зверландии.

Читая книгу

Вот Лесной Кот и смог вновь открыть книгу и перечитать два отрывка, которые наиболее его впечатляли. Он в сотый раз прочитал, как Черный Кот делал свой выбор на площади перед лицом всей страны.

« – В твоём сердце осталась любовь, но не она сейчас в тебе говорит, а желание покрасоваться, поиграть в благородство. Поэтому ты пока не можешь пойти туда, куда идем мы, ты еще не готов, – возразил Крылатый Лев. – Но я знаю и то, что ты не отказался бы от своих слов и пошел бы за мной в изгнание, чтобы делить все тяготы и невзгоды, даже не зная, куда я иду. Поэтому у тебя есть шанс стать тем, кто вернет счастье этому народу. И особая защита всегда будет с тобой. Тебе придется бороться лишь с одним врагом – самим собой.

– Куда же ты идешь? – подавленно спросил Черный Кот.

– Я иду к Великому Императору, туда, где нескончаемая радость, в страну, по сравнению с которой любая родина кажется чужбиной. А со мной идут лишь трое...»

«И ведь Крылатый Лев простил его! – вздохнул Лесной Кот. Наверное, он простил бы и отца, найди он немного мужества в своей душе... Впрочем, не так уж и мало нужно было этого мужества!» И он перечитал от-

рывок о выборе, который Черный карликовый тигр делал уже не на виду у всех, а наедине со своими страхами и страстями:

«Черный карликовый тигр накануне первый день почти полностью не пил. Он проснулся глубокой ночью от мерзкой музыки, игравшей в его голове. Страшные рожки носились перед его замутненным взглядом. «Допился!» – подумал он и попробовал опять заснуть. Но видения становились все настойчивее и страшнее.

Одна за другой пролистывались страницы жизни, каждый дурной поступок Черного карликового тигра был ведом Винным змеям, которые следили за ним с того момента, как он первый раз выпил, а теперь по поручению своего владыки предприняли на него открытое нападение.

Перед мысленным взором больного кота вставали губернатор Тигр, говорящий, что ему нет прощения, Крылатый Лев, утверждающий, что Черного Кота больше нет, а Черный карликовый тигр – его враг; смутно мелькал Великий Император, изрекавший, что не видит смысла в такой никчемной жизни... И тут же вставал Древний змей, шипящий, что нужно всего лишь выпить яд, и все будет хорошо. Сразу вставала картина дворца, в котором будет припеваючи жить Черный карликовый тигр, множество слуг, всевозможные почести...

Но больной кот превозмог все это и твердо сказал: «Нет!» Тогда перед его глазами поплыли, как кадры кинохроники, многочисленные картинки самых ужасающих страданий жителей Зверландии. И все они проклинали Черного карликового тигра, говорили, что мучаются по его вине. Все они требовали для него кары...

Но больной кот среагировал не так, как ждал от него Древний змей. Он вдруг почувствовал, будто лопнул какой-то панцирь, сковывавший его душу. В его сердце впервые за последние годы возникло искреннее раскаяние и желание исправить все то зло, которое он совершил. И тогда кот увидел Винных змеев.

Главный из них, заметив это, сказал, что раз он их видит, то не стоит притворяться, каяться кому бесполезно, Крылатый Лев все равно его не простит, защиты у него больше нет, иначе бы он не видел Винных змеев. Он просто закончит свои дни в ветлечебнице, и все... Или, если он хочет доказать то, что предан Крылатому Льву, то пусть сейчас же откажется от имени Черного карликового тигра, выйдет из дома. Во дворе его ждут те, кто хочет его застрелить за то, что он еще не забыл Крылатого Льва...

– Да, я снова Черный Кот! – заявил тот, кто еще минуту назад был Черным карликовым тигром. И я готов погибнуть за моего друга Крылатого Льва!

И с этими словами он выскочил на улицу. Но там сквозь сумрак ночи он увидел не убийцу, а почувствовал, что Крылатый Лев со своей защитой вновь рядом с ним. А Винные змеи отошли от него...»

«Нужно просто сделать выбор! – задумчиво произнес про себя Лесной Кот. – Неважно кто в этот момент будет рядом и будет ли. И я его делаю. Я – старый больной кот, которому, наверное, нечего терять в этой жизни. Но у меня есть свои страхи, свои слабости. Я не знаю, справлюсь ли я с ними, но мне всей душой хочется служить Крылатому Льву, не потому что я на что-то надеюсь на лучшее, и не потому что боюсь чего-то худшего. Просто потому, что я люблю его всем сердцем, хотя и знаю о нем только из этой книжки! Министр Фунь Поц

сказал бы, что я люблю иллюзию, и сама любовь – иллюзорна, это чувство, которого нет. Тогда то, чего нет лучше того, что есть!» На глазах старого кота выступили слезы. Выступили они и на глазах Крылатого Льва, который впервые больше чем за сто лет смог появиться в Зверландии, в этой комнатенке, правда, пока еще незримо для Лесного Кота. И вздрогнул у себя во дворце Древний Змей, ощутивший вдруг, что власть его над Зверландией уже не так и незыблема...

Идеолог лесного масштаба

Два года прошло с момента, когда Лесной Кот принял решение встать на тот путь, которым когда-то прошел Черный карликовый тигр. Ему оказалось непросто: весь тот вред, который могли причинить ему Древний Змей и его подручные, они ему причинили. Поначалу его заставляли больше работать, чтобы у него не оставалось сил думать о чем-то другом, запугивали тетушку Мышь и Спаниеля Слюнявого, чтобы они не общались с котом. И, нужно сказать, что пес чуть было не сдался, когда ему пригрозили, что лишат его депутатства, но потом устоял. И депутатом его оставили...

Министр Фунь Поц решил легализовать деятельность Лесного Кота: ему разрешили официально зарегистрировать общественную организацию «Орден Крылатого Льва», в которую тут же вступили тетушка Мышь и Спаниель Слюнявый. Но дальше дело застопорилось. Оказавшись во главе зарегистрированной правительством Древнего Змея организации, Лесной Кот, хотя и оказался освобожденным от трудовой повинности, но получил обязанность выполнять множество юридиче-

ских процедур, в которых ничего не смыслил. А каждый его промах использовался для дискредитации его деятельности в средствах массовой информации. Причем хитрый звероящер решил, что если заниматься этим будет он лично, то это подчеркнет значимость кота и его организации в глазах народа Зверландии, пробудит к нему ненужный интерес. Поэтому работать над дискредитацией «Ордена Крылатого Льва» было поручено идеологу лесного масштаба – одному из помощников Лепрекона.

Самым ближайшим и доверенным помощником Лепрекона был индюк по имени Скотоферм. Своим несурзным именем он был обязан не кому иному, как самому Лепрекону. Раньше, когда индюк жил в птичнике, у него было вполне благозвучное имя, правда какое, он и сам уже забыл. А Лепрекон имел обыкновение менять имена приближенным к нему работникам. Так индюк и стал Скотофермом и, что странно, необычайно гордился своим новым именем.

Скотоферм был необычайно важным индюком. По любому поводу и без повода он раздувался от важности так, чтобы это было видно всем вокруг. Особенно же большим специалистом Скотоферм считал себя в истории. К этой науке он подходил с большой серьезностью.

Еще в свою бытность на птичнике, индюк решил написать его историю. При этом его особенно интересовала история птичника до того момента, как он был построен, а еще больше – до того момента, как вообще появились птицы в этой местности. Для Скотоферма было большим ударом, когда его научный труд не получил никакого признания, а сам он не был удостоен за него ученой степени. С этого момента он люто возненавидел всех профессиональных историков, считая их шарлата-

нами, которые под видом истории пропагандируют лже-науку.

В Большом Лесу Скотоферм, по поручению Лепрекона, взялся написать его историю. Внимательно изучив все имеющиеся исследования по данной проблеме, ученый индюк безапелляционно заявил, что все они являются профанацией, а все живущие в Большом Лесу историки – лжеучеными.

Новую «настоящую» историю Большого Леса он разделил на следующие периоды: первый рассматривал историю Большого Леса до появления деревьев, второй – до появления животных, третий – до оформления Большого Леса в качестве самостоятельной административно-территориальной единицы. Скотоферм необычайно увлекся своим трудом и написал не менее двадцати тысяч страниц, пока Лепреконе охладил его пыл и не сказал, что все написанное, в сущности, несущественно.

По его убеждению, история Большого Леса разделялась на два периода: плохой – до того, как в нем появились лепреконы и период благоденствия – когда лепреконы в нем появились. А поскольку Лепреконе был первым гномом, появившимся в Большом Лесу, то основной целью исследования должно было стать должное отражение его роли в процветании вверенной его управлению территории.

Скотоферм написал еще десять тысяч страниц. Каково же было его возмущение, когда этот его грандиозный и эпохальный труд не был удостоен ученой степени!

Тогда он подписал у Лепреконе приказ о создании высочайшей аттестационной комиссии Большого Леса, в которую вошли он и Крот со свиным пяточком, а председателем Комиссии стал сам Лепреконе. Эта комиссия на первом же заседании присвоила Скотоферму степень

доктора всех наук, звание профессора всех кафедр и всех специальностей и избрала действительным членом Лесной Академии. Правда, кроме членов комиссии никто серьезно к ее решениям не относился, но Скотоферму был важен сам факт наличия у него трех красивых, тисненых золотом дипломов, каждый из которых был изготовлен в одном экземпляре. Кроме того, лесным жителям приходилось делать вид, что они с глубочайшим уважением относятся к решениям комиссии в течение всего времени, пока Лепрекон управлял Большим Лесом.

Вот Скотоферму звероящер Фунь Поц и поручил работать над дискредитацией Ордена Крылатого Льва, пообещав в случае успеха провести процедуру нострификации его дипломов в Министерстве гоблинского образования. Индюк рьяно взялся за дело. Им была для этого даже основана газета «Вопль леса». В ней он писал одну за другой статьи о Лесном Коте и его сподвижниках. Самые добрые названия, которые Скотоферм по отношению к ним применял это «группа политических недоносков», «интеллектуальные маргиналы», «умственно отсталые политические выкидышы». С большим упоением помощник Лепрекона описывал все промахи, которые Орден Крылатого Льва допустил в исполнении законодательства. Но так как законы были составлены таким образом, что выполнить их было в принципе невозможно, и каждый из жителей Большого Леса чувствовал это на собственной шкуре, а все утверждения Скотоферма воспринимались с точностью наоборот, то статьи возымели обратный эффект – в Орден Крылатого Льва вступили тридцать новых членов из числа жителей Большого Леса, а слухи о нем стали распространяться по Зверландии.

Разъяренный Фунь Поц запретил Скотоферму вообще всякую писательскую и издательскую деятельность, чем тот был очень недоволен. А о Лесном Коте узнали в Зверландии.

Изгнанники

Со своей проповедью о том, что спасение страны возможно, Лесной Кот решил отправиться к своему другу-изгою Кикимору. А тот жил на своем болоте уже не один.

Крота со свиным пяточком, когда он разрушил Лесную школу, в наказание посадили в клетку и стали возить по соседним лесам, где показывали за деньги. Желающих посмотреть было немало: никто еще не видел крота с настоящим свиным пяточком, который тем более сумел разрушить за рекордно короткий срок одну из лучших в стране школ. Планировалось, что вырученные деньги пойдут на восстановление Лесной школы. Однако расходование их поручили Лепрекону и, естественно, все эти деньги пошли напрямик ему в карман. А Крота со свиным пяточком провезли по всем лесам и полям страны. Теперь его знали все в стране, когда-то он об этом мечтал, но теперь очень жалел. А самое сложное ждало его дома: лесные жители не могли простить ему не разрушения их любимой школы, ни того, как он себя с ними вел, оказавшись у власти. Однако, стоило им его увидеть, как все их мысли о расправе пропали. Они сочли, что самое большое наказание для Крота со свиным пяточком быть таким, какой он есть, внешне и внутренне.

После поездки по всей стране Крот со свиным пяточком долго приходил в себя. А Лепрекон между тем вызвал его и спокойно заявил, что Кроту необходимо срочно найти деньги на строительство нового здания лесной школы. Тех денег, которые Лепрекон выручил от показа Крота со свиным пяточком на ярмарках, в принципе хватило бы, чтобы построить новое скромное здание. Но он уже их истратил на более важные вещи для себя: новую трость, новый колпак и, то о чем он давно мечтал, - унитаза из чистого золота. Теперь он превзошел всех лепреконов в стране.

Крот растерялся и замямлил, что он не знает, где ему взять такие деньги. Лепрекон же и слушать ничего не хотел. Он сказал, что деньги необходимо взять в долг у лесных разбойников, а затем отдать их ему, чтобы их трата производилась разумным образом.

Крот со свиным пяточком занял у лесных разбойников очень большие деньги под баснословные проценты и отдал их Лепрекону. Тот сразу нанял на них большую бригаду рабочих, которым платил в три раза меньше, чем те суммы, за получение которых они расписывались. При таком подходе на здание новой Лесной школы денег не хватало, и Лепрекон решил, что можно вместо этого построить себе новый дом. Строительство закончилось быстро и уже через месяц, он принимал гостей в своем новом доме, не забывая при этом говорить, что из-за того, что у него такие глупые и бесполезные помощники Большой Лес еще долгое время будет обходиться без школы.

Между тем лесные разбойники захотели получить обратно свои деньги. Лепрекона они боялись, потому что знали, что он намного более злобный и опасный, чем все они вместе взятые. И поэтому их гнев обрушился

на Крота со свиным пяточком. Тому пришлось бежать от них и целых три месяца скрываться на болотах у Кикимора. Наконец Кроту надоела жизнь в постоянном страхе, в невыносимой вони болота и питание одними слизнями и пиявками. И он решился встретиться с разбойниками.

Нужно при этом отметить, что, живя на болоте, Крот со свиным пяточком успел жутко провонять, а внешний вид его, и раньше достаточно мерзкий, приобрел наконец завершенность и стал самым мерзким в стране. Когда разбойники увидели его, то их начало сильно рвать. Более того: никакие средства не могли остановить их рвоту. Им пришлось оставить свое ремесло и остаток дней провести в лесной больнице в отдельной палате. Еду и лекарства им подавали на лопате через окошко. А все их имущество Лепрекон забрал себе, в качестве платы за их проживание в лесной больнице.

Лепрекон был так доволен тем, что не только избавился от надоевших конкурентов по грабежу жителей Большого Леса, но и присвоил себе все, что они награбили за десятки лет, что представил Крота к награде. Крот со свиным пяточком был награжден указом Древнего Змея орденом гадаринской свиньи первой степени. Однако жить ему пришлось на болоте: Лепрекон был рачительный хозяин и не хотел, чтобы кто-то из лесных жителей пострадал также, как разбойники. Даже орден Кроту вручал Кикимор, единственный, кто мог теперь общаться с ним, не подвергая опасности свое здоровье.

И вот к этим «прокаженным» и отправился Лесной Кот. Ему стоило большого труда простить Крота со свиным пяточком, разрушившего школу, учителем в которой он работал много лет. Но стоило коту увидеть того, кого он долгие годы считал своим врагом, в таком пла-

чевном состоянии, как все остатки ненависти у него пропали, и их место заняла жалость. А Крот со свиным пяточком, которого впервые кто-то пожалел с тех пор, как он начал работать на Лепреконе, вдруг расчувствовался и решил вступить в Орден Крылатого Льва. За это его лишили ордена гадаринской свиньи, но зато и вонять он перестал, и смог опять жить среди других лесных жителей. Не все из них могли его простить: несколько даже в знак протеста покинули Орден. Но Лесной Кот отнесся к этому спокойно: он считал, что члены Ордена должны понимать, какое место в их жизни должно занимать прощение тех, кто раскаялся. И некоторые поняли. А Крылатый Лев после этого получил возможность вернуться в страну, но пока еще, будучи для всех незримым. Но Древний Змей чувствовал его присутствие.

Совещание у Древнего Змея

Древний Змей вызвал к себе министра Фунь Поца, Лепреконе и Скотоферма для обсуждения сложившейся в Большом Лесу ситуации.

- Господин Лепреконе, - вроде бы ласково прошипел он, но с такими, не предвещающими ничего доброго интонациями, что ничего не боявшийся правитель леса задрожал от страха. - Я недоволен вами.

- Повелитель, - вклинился было Скотоферм, считавший долгом заступиться за своего хозяина, но Древний Змей бросил на него такой взгляд, что безбашенный индюк испуганно замолчал.

- Простите, повелитель, - с трудом подбирая слова, стал говорить Лепреконе. - Но вы же сами сказали, что не

нужно устранять этого кота физически, хотя я давно предлагал это сделать. Он старый и, наверное, очень больной, раз ни разу не был у нас в лесной больнице...

- Это как раз свидетельствует о том, что, наверное, он очень здоровый, - ехидно бросил Фунь Поц. - Так как вы мотивировали бы его неожиданную кончину?

- Вопрос не в этом, - устало сказал Древний Змей, - меня удивляет твоя глупость, министр Поц. Вся проблема в том, что Лесному Коту сопутствует защита Крылатого Льва, и хотя он об этом не знает, мы-то ничего ему сделать не можем.

- Надо поднять общественность, написать манифест, цикл изобличительных статей! - вдруг вклинился опять Скотоферм.

- Зачем *это* здесь? - лениво спросил Древний Змей министра, кивнув на индюка.

- Для экзотики, - ухмыльнулся звероящер, единственный, кто мог позволить себе шутить с грозным властелином.

- Ты уже достаточно сделал своих дурацких статей и изобличений, - терпеливо сказал повелитель Скотоферму. - Если ты сделаешь их еще сотенку-другую, то все жители Зверландии захотят вступить в Орден Крылатого Льва. А теперь выйди вон!

И, когда дверь за испуганным индюком закрылась, обратился к Лепрекону:

- Он меня достал! Ты расстроишься, если я приму решение о его физическом устранении?

- Нет, конечно, - поспешно сказал правитель Большого Леса. - Как вам будет угодно, повелитель!

У Древнего Змея появилось подобие улыбки:

- Так я и думал о вас, господин Лепрекон, вы легко сдадите на смерть единственного, кто вас любит, даже не сомневаясь ни минуты. Вы очень подходите мне.

- Распорядиться о казни или убрать этого хмыря потихому, типа несчастный случай? – деловито и буднично поинтересовался Фунь Поц.

У Лепрекона на лице не дрогнул ни один мускул.

- Да ладно, пусть живет, это ведь ему терпеть, - кивнул Древний Змей на Лепрекона. И, уже обращаясь к Фунь Поцу, сказал: - Ведь терплю же я тебя!

- Но что мы решим с Лесным Котом? - поинтересовался Лепрекон, ничуть не пожалевший, когда было принято решение устранить Скотоферма и также не обрадовавшийся, когда было принято решение его помиловать.

- Что делать? Министр Поц, ваше слово!

- Он сейчас пойдет в Кэттаун, город, где он родился, где все для него отравлено ужасными воспоминаниями детства. Если он выдержит испытание этим городом, то для нас все может быть кончено. Но мы постараемся сделать все для того, чтобы Кэттаун его сломал – в рамках того коридора возможностей, который отведен нам вновь возникшими неблагоприятными для нас обстоятельствами.

- Типа того, - подтвердил Древний Змей.

- А что должен делать я в этой ситуации? - поинтересовался Лепрекон.

- Заткнуться и валить в Большой Лес вместе с этим хмырем, пока я не передумал в отношении его.

И Древний Змей встал, дав понять, что совещание закончилось.

В Кэттауне

Кошачье сердце выдержать этого просто не могло...

...Лесной Кот брел по улицам города, в котором не был с детства. Подготовленная Фунь Поцем толпа освистывала его, распушенные уличные кошки и маленькие котята кричали:

- Ну что, сын kota, возомнившего себя тигром, сын того, кто учил других, а сам умер от пьянки под забором, того, кто был знаменем прежнего лживого режима, чему ты можешь научить нас, несчастный старый кот, который прожил много дольше, чем нужно?

Некоторые из котят бросали в него навозные бомбы. Но Лесной Кот, не обращая на все это внимания, продолжал путь к центральной площади города. На него набросился старый пьяный кот, единственный из тех, кто был старше его:

- Твой отец спойл меня! Смотри, во что я превратился! Чему ты можешь учить нас? Убирайся вон!

Но Лесной Кот продолжал свой путь. Рядом с площадью его встретил заместитель мэра – молодой Леопард.

- Вам лучше покинуть город, - мягко сказал он. – Вы раскачиваете толпу, время сейчас беспокойное. Иначе нам придется арестовать вас.

- Я хотел бы видеть мэра, - спокойно ответил ему кот. – Я руководитель официально зарегистрированной общественной организации «Орден Крылатого Льва» - по закону он не может отказать мне в приеме.

Это было действительно так.

- Но вы в таком неприглядном виде, - смущенно пробормотал Леопард.

- Не я себя таким сделал.

- Ладно, - после минутного колебания согласился заместитель мэра. – Я доложу о вас.

Мэр – старый Тигр, ровесник Лесного Кота, решил принять его на центральной площади, перед всем народом. «Я помню этого несчастного еще котенком, а его дурачок - отец был директором школы, где я учился. Что может он сделать такого особенного, что это так взволновало господина министра? Я поговорю с ним публично, во всеуслышание, не думаю, что он сможет чем-то удивить меня», - безапелляционным тоном заявил он испуганному Леопарду, получившему от Фунь Поца указание, чтобы Лесной Кот ни в коем случае не получил слова перед всем народом.

- Но, господин Тигр, - попробовал было возразить заместитель. Но был резко оборван:

- Я решил то, что решил.

На центральной площади было многолюдно. Мэр в пурпурной мантии сел в свое кресло на помосте, в которое садился во время торжественных церемоний, перед ним стоял Лесной Кот - старый, изможденный, перемазанный нечистотами.

- Я увидел тебя сейчас и подумал, что вижу твоего отца, - со смехом сказал Тигр. – Ты сейчас точная копия того, как он ходил в последние годы жизни!

Толпа захохотала.

- Он не смог сделать кое-что, - спокойно ответил Лесной Кот. – И это придется сделать мне.

- Что? – усмехнулся мэр.

- Выбор.

- Ты сумасшедший старик! – засмеялся Тигр. – Какой ты можешь сделать выбор? Разве что – смыть с себя эти нечистоты или ходить так!

Вновь раздался взрыв хохота толпы.

- Не только этот, - также спокойно продолжил старый кот. - Главное - это смыть ту нечистоту, которая внутри. Она хуже этой.

Что-то в том, как были произнесены последние слова, заставило мэра отнестись к коту серьезнее.

- Говори, - приказал он.

- Мой отец был добрый, но слабый кот. Он пытался казаться тем, кем не был, а в итоге его имя использовали для того, кто нашел в себе силы для духовного перерождения, для того, кто сейчас находится в чертогах Великого Императора...

- Сказки все это, - попробовал было оборвать говорившего Леопард, но мэр приказал продолжать.

- Я должен сделать, то, что не смог отец - изменить себя. И первое, что мне было необходимо на этом пути - простить его за мое детство, которого не было, за уничтоженное счастье моей матери, преждевременно покинувшей этот мир. Затем, я должен был, в рамках тех возможностей, в которые поставила меня жизнь - жить так, чтобы мне не было стыдно за прожитое перед Крылатым Львом и призывать к этому других. И, наконец, я должен был отправиться в этот город, хотя самые страшные детские кошмары у меня связаны именно с ним, и хотя я знал, какой прием мне здесь готовится...

- Безумный старик! - вскричал Леопард, увидевший, что ситуация выходит из под контроля, а вместе с этим рушатся его мечты на место губернатора, которое пообещал ему Фунь Поц и на котором он стал бы начальником Тигра, о чем давно мечтал. - Не существует никакого Крылатого Льва!

- Нет, существует, - со слезами на глазах сказал мэр.
- И я его вижу. Вот он рядом с этим несчастным благородным старым котом. И кто-то еще рядом с ним...

И все находившиеся на площади вдруг увидели Крылатого Льва, а рядом с ним двух сияющих котов и двух кошек. Лесной Кот узнал среди них свои отца и мать...

- Владыка, - со слезами он встал на колени перед Крылатым Львом, - вы здесь и это самая большая радость в жизни, которую я мог представить. Я вижу, что мои родители рядом с вами – значит, они помилованы?

- Конечно, - улыбнулся Крылатый Лев. – Обними их, они ненадолго здесь, мне пришлось ради этого случая нарушить правило, согласно которому никто из смертных не приходит сюда из чертогов Великого Императора.

Лесной Кот бросился к родителям, но остановился перед Черным Котом и Желтой Кошкой, поразившими его своим величием.

- Кто вы, господин? – спросил он, обращаясь к коту.

- Тот, с кем в последние десятилетия часто путали твоего отца в этих местах, тот, о ком ты читал, того так же, как и твоего отца называли Черным карликовым тигром. А это моя жена – Желтая Кошка. Мы ненадолго здесь – только для того, чтобы засвидетельствовать, что мы – не выдумка.

- Нет не только, господин, - вскричал Черно-Белый Кот. – Благодаря сыну я получил возможность здесь перед всеми теми, кого я соблазнил своим поведением, кому дал повод не верить в вас, попросить у вас прощения.

И он упал на колени, целуя край камзола Черного Кота.

- Ну, полно тебе, друг мой, - улыбнулся тот, кто тоже был когда-то Черным карликовым тигром. – Я не обижаюсь на тебя. Но я гордился бы таким сыном!

Черно-Белый Кот встал, взял за руку жену и подошел к Лесному Коту:

- Мы с твоей матерью теперь опять вместе! Прости меня, мой дорогой сын, если можешь! Я горжусь тем, что ты не такой как я!

Лесной Кот, который выглядел старше своего сияющего отца, смущенно сказал:

- Я давно простил тебя. Дайте я вас обниму. Мои дорогие мама и папа, если не брезгуете такого грязного старого кота!

Крылатый Лев с умилением посмотрел на то, как они обнялись.

- Твой путь закончен, мой дорогой сын, - сказал он Лесному Коту. – Ты сделал свой выбор и достойно подтвердил его. Я забираю тебя в чертоги Великого Императора. А вы, - обратился он уже ко всем находившимся на площади, – теперь должны сделать свой выбор. И у вас не будет больше оправдания, что вы никогда не видели меня и тех, кто предан мне всем сердцем.

И когда он закончил говорить, то пропал вместе с теми, кто его сопровождал. Подбежавший к месту, где был Крылатый Лев, мэр увидел лишь бездыханное тело Лесного Кота, путь скорбей и страданий которого был закончен.

2012

ПОСЛЕДНИЙ КОТ ЗВЕРЛАНДИИ

Аслан поднял голову и потряхнул гривой. В то же мгновение роскошные кушанья оказались на коленях у гномов: пироги, мясо и птица, пирожные и мороженое, и у каждого гнома в правой руке – кубок доброго вина. Увы, и это не помогло. Гномы жадно накинулись на еду, но совершенно не чувствовали ее вкуса. Они ведь думали, что нашли ее в хлеву. Поэтому один сказал, что пытается есть сено, другой – что нашел старую редьку, третий – сухой капустный лист. Они подносили к губам кубки с красным вином и говорили: «Фу, пить воду из ослиной поилки! Кто думал, что мы до этого докатимся». Очень скоро каждый гном заподозрил, что другой нашел что-то получше, и кинулся отнимать; они перессорились и передрались, размазали прекрасную еду по лицам, по одежде, растоптали ногами. Когда все, наконец, расселись по местам, потирая синяки и разбитые носы, то сказали:

- Ничего, по крайней мере, тут все без обмана. Мы не дали себя провести. Гномы за гномов.

- Вот видите, - сказал Аслан. - Они не дадут себе помочь. Они выбрали выдумку вместо веры. Их тюрьма – в их воображении, но они – в тюрьме. Я не могу вывести их наружу, потому что они слишком много думают о том, чтоб не дать себя провести.

К.С. Льюис. Последняя битва

Смерть Старого Пса

В тесной норе на краю Мертвого Леса умирал Старый Пес. Шел двухсотый год правления Древнего Змея в Зверландии. Все, в этой некогда цветущей стране дышало смертью. До Мертвого Леса доходили неясные слухи, что якобы умер даже министр звероящер Фунь Поц, которого считали бессмертным. Говорили, что во время одной из церемоний, на глазах у толпы в столице Зверландии, земля под ногами министра разверзлась, оттуда вышли клубы темного дыма, а когда он рассеялся, то Фунь Поца уже не было. Говорили также, что Древний Змей, когда все это происходило с тем, кого все считали самым приближенным к нему, зловеще смеялся. Если такое случилось в столице, с теми, с кем никак не могло случиться, то разве смерть Старого Пса в затхлой норе в Мертвом Лесу, который когда-то был Большим Лесом, а сейчас в нем не осталось ничего живого, - разве могла она кого-то тронуть?

Впрочем, рядом с умирающим находился тот, кто так не считал. Это был его приемный сын Бульдог. Он горько плакал (надо же: это когда считалось хорошим тоном смеяться над агонией умирающих! Хорошо, что его никто не видел). А глаза Старого Пса выражали невыносимую муку, он хотел поделиться со своим воспитанником тем, что мешало ему умереть.

- Не плачь, сынок, - с трудом произнес он. - Я должен тебе кое в чем признаться и кое-что рассказать. Это очень важно. Может быть, ты изменишь после этого ко мне свое отношение, но, не выговорившись, я не смогу умереть.

- Слушаю, отец, - сказал сквозь слезы Бульдог.

- Ты называешь меня отцом, но ведь ты знаешь, что ты мой приемный сын.

- Знаю, но ты дороже родного.

- Но ведь я даже не пес! – воскликнул умирающий.

- А кто? – удивился Бульдог.

- Кот!

- Как это может быть? Ведь котов давным-давно нет в Зверландии. Их истребили еще сто лет назад, когда они создали Орден Крылатого Льва и подняли восстание... Нет, ты бредишь!

- Не брежу! – твердо сказал умирающий. – Разве тебя никогда не смущало, что я стараюсь как можно реже встречаться с другими псами, что у меня отличающиеся от них внешний вид и повадки?

- Я думал, что ты просто немного замкнутый и странный, но это считается нормальным – жить особняком от других... Но, если ты кот, то как ты сумел спастись от смерти, когда по приказу Древнего Змея истребляли всех котов в стране, а также львов, тигров, пантер, рысей, леопардов? И потом, все это было почти сто лет назад, а тебе немногим больше шестидесяти?

- Несколько семей из Кэттауна сумели спастись тогда, – с трудом произнес старик. – Они нашли укромное место в Зверландии, где смогли прожить почти сорок лет. Там я и родился. А потом нас нашли... Спасся я один... Мне было лишь семь лет...

По его глазам текли слезы, чувствовалось, что воспоминания раздирают всю душу.

- Так вот, в Зверландии никто уже почти тогда не знал, как выглядят котята – это было запрещенное изображение. Семья старых бульдогов в двадцати километрах от того места, где уничтожили моих родных, подобрала меня, подумав, что я маленький бульдог, просто немного

уродский... И он вырастили меня, как сына, а я всегда любил их, и старался быть настоящим бульдогом, хотя это у меня плохо получалось...

- А двадцать лет назад ты подобрал меня, также семилетнего, и вложил в мое воспитание всю свою душу. Но никогда ты не хотел, чтобы я был похож на кота, ты всегда говорил, что я должен стать настоящим бульдогом!

- Конечно, - улыбнулся умирающий, - зачем себя ломать?

- Но ты же себя ломал!

- Это было необходимо для безопасности и моей и тех, кто мне дорог, - возразил кот. - Теперь, когда ты знаешь, что я лишь притворился псом, любишь ли ты меня по-прежнему?

- Ты не притворялся, ты старался им стать, хоть у тебя и не всегда получалось. И, конечно, я тебя люблю! - горячо сказал молодой Бульдог.

- Тогда я буду рассказывать дальше. Ты знаешь о том, что около ста лет назад были уничтожены все кошачьи в Зверландии. Но знаешь ли почему?

- Они восстали против нашего повелителя Древнего Змея...

- А почему восстали?

- Потому что они по природе своей были смутьяны, которые не ценили то хорошее, что имели. Ненавидели любую власть, придумывали басни про Крылатого Льва, который должен воцариться над Зверландией, - скороговоркой произнес молодой пес то, что его заставили выучить наизусть на уроке истории.

- Нет, потому что Древний Змей - узурпатор, который ведет эту страну к смерти. Разве ты не видишь, что все вокруг умирает, что мы живем в мире, из которого

уже почти исчезли любовь, верность, благородство, смелость? Все в Зверландии сейчас стремится к распаду, власть Древнего Змея становится все более безраздельной. Ему уже даже не нужен стал Фунь Поц, которого мы считали бессмертным, как и его хозяина. А оказалось, что бессмертие его – мираж.

- Так что же случилось сто лет назад?

Умиравший начал свой длинный рассказ¹.

- А что же было после того, как Лесной Кот умер на площади Кэттауна? – с горящими глазами спросил молодой пес.

- Тогда мэр Тигр объявил, что он теперь сам возглавит Орден Крылатого Льва. Но он многого не понимал, думал, что с Древним Змеем можно воевать обычным оружием. А тому только того и нужно было! Он истребил всех-всех кошачьих в Зверландии... - и старый кот опять горько заплакал.

- Но зачем ему это было нужно?

- Дело в том, что он думает, что именно кот может спасти Зверландию. У него был уже печальный опыт с Черным Котом, потом Лесной Кот, которому еще чуть-чуть оставалось до того, чтобы в Зверландию вернулся Крылатый Лев...

- Значит, он боится котов? – приосанился Бульдог.

- Боится... - горько усмехнулся старик. – Вот последний кот Зверландии перед тобой. И он умрет в течение ближайшего часа.

- Нет! – вдруг горячо воскликнул его приемный сын. – Я буду тем котом, который спасет страну от рабства Древнему Змею.

¹ Об этом рассказывается в повести-сказке «Орден Крылатого Льва».

- Но ты же не похож на кота! – удивился умирающий.

- Ничего, как ты был немного уродским бульдогом, так я буду немного уродским котом! – весело сказал молодой пес.

- Это такой страшный путь, ты даже не представляешь себе, с чем тебе придется столкнуться, - начал было кот, но задумавшись сказал: - Хотя, это все равно лучше, чем умирать изо дня в день, когда жизнь порой неотличима от смерти.

И, собрав последние силы, сказал:

- Я благословляю тебя на этот путь, который ты избрал, сложный, но благородный. Наверное, я должен был попробовать по нему пройти, но у меня даже мыслей таких не возникало – настолько далек я от героизма... Иди же, и победи зло в этой стране, Последний Кот Зверландии, так называйся ты отныне!

Этот порыв отнял у умирающего последние силы, и он упал. Когда Последний Кот Зверландии наклонился над ним, то его приемный отец был уже мертв.

Отшельник

Похоронив отца, Последний Кот Зверландии отправился в путь. Куда он идет и зачем, ему и самому пока было неясно. На исходе дня он был уже далеко от Мертвого Леса, но пока ему не встретилось ни одного живого существа. Вся земля как будто вымерла. Редкой удачей было найти водоем с гнилой водой и растущими около него какими-то дикими растениями, съев которые можно было не умереть от голода.

Последний Кот Зверландии знал, каким трудным будет его путь, но и в Мертвом Лесу пища, которую он ел и вода, которую он пил, были немногим лучше. Конечно, можно было подумать, что никто не дает гарантий, что такие оазисы новой Зверландии ему встретятся, и в пути ждет лишь бесславный конец от голода и жажды. Но юноша был слишком уверен в том, что избран для чего-то великого, чтобы просчитывать подобные варианты.

И уверенность его не подвела – он наткнулся не просто на лужу с кустарниками, а на небольшое озеро с растущими рядом плодовыми деревьями. «В Зверландии ли я? – подумал путник. – Или это мерещится мне от голода и усталости?» Еще больше удивился юноша, когда увидел на берегу озера небольшую хижину. Вообще в стране становилось все меньше жителей, высокая смертность и низкая рождаемость делали свое дело. И с едой становилось все хуже. Тех, кто жил в столице Древний Змей кормил искусственной едой, которая называлась «рожки», поэтому все больше было тех, кто хотел из провинции перебраться в столичный город. Это никому не возбранялось, но продолжительность жизни в столице была очень короткой: бушевала преступность, причем поговаривали, что она организуется непосредственно из дворца повелителя, да и не все переносили рожки: многие, съев их, умирали – такая вот индивидуальная непереносимость данного вида пищи, – с улыбкой говорил министр счастья Лепрекон. После смерти Фунь Поца министерство идеологии было реорганизовано в министерство счастья, а возглавил его внук того Лепрекона, который когда-то так неудачно управлял Большим Лесом, что проглядел появление такого источника угрозы для государственной безопасности, как Лесной Кот.

Как любил говорить Фунь Поц «внук за деда не отвечает» - внук не только не ответил, но и сделал блестящую карьеру, сменив в итоге самого всемогущего звероящера. А вот самому провинившемуся и его сыну, который был вообще не при чем пришлось несладко: их заточили в тайной тюрьме Гуано, на одном из островов присоединенной к Зверландии Скотострании. Впрочем, нынешний министр счастья совсем не жалел ни деда, ни отца. Более того: он сам активно и способствовал их заточению, и даже выступал на суде, как представитель стороны обвинения, хотя только еще закончил юридический факультет. Поскольку он публично отрекся от родных и требовал для них самого жестокого наказания, Древний Змей свои указом назначил его прокурором провинции, затем он дослужился до генерального прокурора – министра юстиции Зверландии. А в возрасте ста двадцати лет (так же, как и Фунь Поц он должен был прожить очень долго) получил назначение в министерство счастья. Нужно сказать, что Лепрекон это воспринял как понижение, но Древний Змей быстро объяснил ему, что именно здесь он будет наиболее весомой фигурой в стране. И привел простой пример: разве, будучи министром юстиции, он не подчинялся министру идеологии? А теперь место министерства идеологии заняло министерство счастья.

Счастье, благодаря стараниям Лепрекона так быстро шествовало по стране, что все чаще живые завидовали мертвым. И вообще чем-то нереальным казались чистое озеро и деревья, ветви, которых гнулись от тяжести спелых плодов.

Последний Кот Зверландии постучал в дверь хижины. Ему открыл старый Белый Тигр в длинном одеянии. Юноша никогда раньше не видел тигров, но сразу уви-

дел, что хозяин чем-то похож на его умершего приемного отца, только больше и несравненно величественнее.

- Я ждал тебя, - спокойно сказал Белый Тигр.

- Откуда вы обо мне знаете? – удивился измученный путник.

- Мне известно все, что происходит в этой стране. Я очень многое знаю, но сам не могу вмешиваться. Так что, в какой-то мере Последний Кот Зверландии действительно ты, а не я. Но сначала поешь и отдохни с дороги. Нам предстоит непростой разговор, затем ты отдохнешь еще день и отправишься в путь, сложность которого тебе пока даже невозможно представить.

- Если вы знаете обо мне все, то знаете, что я не настоящий кот, - сказал юноша.

Отшельник засмеялся:

- Это о тебе знают все, а не только я. А я знаю, что несмотря на это ты все же и есть Последний Кот Зверландии, как назвал тебя перед смертью тот, кто долгие годы был для тебя отцом.

Разговор с Белым Тигром

- Зверландии приходят последние дни. Ты, наверное, сам это видишь,- сказал отшельник после того, как его гость поел. – Все провинции вымирают, земля уже почти ничего не родит, в столице же Древний Змей кормит всех голодных рожками, от которых многие умирают. Наступает время последнего отчаяния.

- Неужели все так плохо? – изумленно спросил Последний Кот Зверландии. – Я жил с отцом в Мертвом Лесу, и вроде бы все было нормально...

- Нормально? – горько усмехнулся Белый Тигр. – Нормально, то, что в некогда Большом Лесу осталось несколько десятков жителей, никто из которых знать не хочет друг друга, которые питаются не пойми чем и пьют болотную воду, что сам лес стал Мертвым – это нормально? Впрочем, если бы не было в тебе этого оптимизма, то ты и не был бы призван на этот путь.

- Призван? Кем? – удивился юноша.

- Тем, чья душа болит за Зверландию. Крылатым Львом.

- Но как? Я не слышал и не видел никого, кроме моего умирающего отца, когда принимал решение вступить на путь, о котором почти ничего не знал и сейчас не знаю, кроме того, что он опасный!

- Крылатый Лев был рядом с вами в этот момент. Он не забирал твоего приемного отца в чертоги Великого Императора, пока тот не сказал тебе все, что должен был. И через него благословил тебя.

- Почему я?

- Потому что в Зверландии нет больше никого, кто может пройти этот путь.

- А вы?

- У меня другой путь.

- Почему все в Кэттауне погибли тогда? – задал юноша волновавший его вопрос.

- Потому что они пытались обычным оружием воевать против того, кто благодаря этому получил возможность уничтожить их всех, вместе с детьми. Они вошли в сферу законов его мира, по которым Древний Змей смог их убить.

- Правда ли, что он так ненавидит всех кошачьих?

- Да, до такой степени, что каждый из них в Зверландии должен быть немедленно убит без суда и след-

ствия – таков его приказ. Твой отец не зря притворялся Псом. И, кстати, твое желание назваться Котом – не бессмысленное. Дело не в том, что псы чем-то хуже, совсем нет. Но именно открыто объявить себя Котом значит бросить вызов Древнему Змею.

- А почему живы вы?

- Этот оазис находится под защитой Крылатого Льва. Но стоит мне выйти из него, как повелитель страны найдет возможность меня уничтожить.

- Значит, он легко расправится и со мной?

- Нет, потому что защита Крылатого Льва с тобой независимо от места, где ты находишься.

- То есть он ничего не сможет мне сделать?

- До определенного момента. Путь, на который ты вступил, лежит через смерть.

- Так я и думал, - грустно сказал Последний Кот Зверландии, но тут же воспрянул: - Зато я сражусь с ним!

- С кем? С Древним Змеем? – отшельник засмеялся.

- Нет, тебе предстоит сразиться с самим собой.

- И как все будет?

- Увидишь, это никогда нельзя знать до того, как произошло. Потому что, зная будущее, ты можешь начать относиться к нему как к чему-то само собой разумеющемуся, сделаешь неверные шаги, и будущее станет другим.

- Куда же я должен идти? – спросил юноша. – Мне кажется, что довольно разговоров, время уходит.

- Ты побудешь еще день здесь. Впереди у тебя много тягот, нужно немного набраться сил. После этого ты отправишься в столицу Зверландии.

- Но как я буду знать, что я делаю все правильно?

- Крылатый Лев будет присылать тебе в трудные моменты помощников.

- Кого?

- Увидишь.

- А сам он придет?

- Он и сейчас с тобой, но возможно, что ты увидишь его лишь перед лицом смерти.

- Не очень радужно все это, - вздохнул Последний Кот Зверландии. - Но сворачивать с этого пути некуда - итог: все равно смерть, только бессмысленная и исполненная горечи от того, что мог что-то попробовать сделать и не стал.

- Ты все правильно понимаешь, - кивнул Белый Тигр.

Через день путник покинул оазис и отправился в сторону столицы.

Министр счастья

Все в этом помещении свидетельствовало о роскоши, которую можно назвать волшебной. Министр счастья Лепрекон сидел за столом в огромной зале, которая еще совсем недавно была кабинетом звероящера Фунь Поца, а теперь стала его рабочим местом. Его не радовало то, что вся обстановка выполнена из золота, украшенного драгоценными камнями, стены отделаны малахитом, а пол гранитом. И это при том, что кто-кто, а лепреконы умеют ценить подобные вещи!

Он старел, и вместе с прожитыми годами призраки прошлого начинали его тревожить. Считалось, что у лепреконов нет совести как таковой. Но что же тогда мучило министра?

Перед его глазами вставала сцена чуть ли не столетней давности. Огромный зал Дворца правосудия, где он,

только что получивший диплом юриста выступает на стороне государственного обвинения против своих деда и отца. И если дед хотя бы действительно был правителем Большого Леса, в котором появился Лесной Кот, так напугавший Древнего Змея, то отец-то вообще был не при чем. Конечно, это был достаточно злобный лепрекон, который мог вырвать у кого-то золотой зуб вместе с челюстью, если заподозрил бы, что коронка сделана из его золота, и много плохого сделал жителям Зверландии, но непосредственно к ситуации в Большом Лесу не имел никакого отношения, потому что был заместителем губернатора совсем в другой провинции. А обвиняли его как сына Лепрекона, «проморгавшего» появление Лесного Кота.

Министр Фунь Поц выдвинул тогда лозунг «внук за деда не отвечает», но, чтобы не отвечать, он должен был не просто от деда и отца отречься, но и выступить на стороне их обвинения. Молодой Лепрекон-юрист превзошел все ожидания звероящера: он не просто выступил, а в качестве государственного обвинителя, хотя этого никто от него не требовал. Им тогда заинтересовался сам Древний Змей, и началась карьера...

...Процесс широко освещался средствами массовой информации не только Зверландии, но и Скотострании, Лепрекони, находившимися теперь под ее протекторатом. Министр счастья вспоминал, как его дед и отец, которые никогда ничего не боялись, и никогда на себя не брали лишнего, а наоборот всегда избегали ответственности и за совершенные ими злые дела, публично говорили о том, как виноваты они перед Древним Змеем, как своей тайной подрывной работой они способствовали появлению антиправительственной организации «Орден Крылатого Льва», что нет им снисхождения, что они гор-

дятся внуком и сыном, который отрекся от них и выступил на стороне обвинения...

Что сделал с ними тогда Древний Змей? Этот вопрос мучил Лепрекона вот уже почти век. Он знал, что в ночь перед процессом повелитель был у них в камере. Запугал он их, изменил их сознание, сломал волю, пообещал что-то – что же произошло? И сам приговор – преподнесенный как милость. Их не казнили, а заточили в тюрьму Гуано – страшное место, где заключенные не умирали, а вечно мучились. Причем в чем именно заключались их мучения, никто конкретно не знал, но догадки ходили самые жуткие.

А, например, заместителя мэра Кэттауна Леопарда приговорили тогда к расстрелу. И это несмотря на то, что он активно боролся с восставшими, сыграл огромную роль в их уничтожении. Древний Змей так мотивировал решение о его казни Фунь Поцу: «Он тоже из *этих*, кошачьих. Хотя и уничтожил лично несколько десятков жителей Кэттауна, это еще не значит, что он *наш*».

Леопарда свозили на экскурсию в Гуано, после чего он за сутки из желтого стал белым, и на суде говорил о себе намного больше того, что заслуживало смерти по законам Древнего Змея, больше, чем Лепреконы. И поэтому его расстреляли. «Лучшее, что могло быть в данной ситуации», – сказал седой Леопард перед казнью.

Министр счастья вспомнил председательствовавшего на процессе судью – дракона Гада и двенадцать присяжных – умственно отсталых зверьков, из которых в этот раз лишь один – старшина – умел читать и немного писать (ведь нужно было кому-то записать и огласить их решение).

Вообще, суд присяжных при Древнем Змее стал интересным институтом. Тем из присяжных, кто умел пи-

сать, говорили, где они должны чего написать, а если кто-то писал не так, то ему заменяли бюллетень, а если он опять писал не так, то заменяли присяжного, а упрямца, осмелившегося умничать, никто больше никогда не видел. За тех, кто писать не умел, расписывался судья. Адвоката на суде Древнего Змея было не положено. Прошений о помиловании он не принимал, но приговор вступал в силу после его утверждения. В знак милости повелитель мог иногда заменить заточение в Гуано расстрелом. Министр задумался, что его отец и дед мечтают о смерти уже целый век...

Он возглавлял самое страшное ведомство в аппарате Древнего Змея. Его задачей было, чтобы все зверландцы, находясь в состоянии постоянного умирания, были при этом счастливы и благодарны повелителю. Почти в каждого из жителей страны (которых осталось не так много) был вживлен чип, по которому всегда можно было определить его местонахождение, а при желании – и отследить, что он делает. В прессе необходимость все более отпадала, потому что все меньше зверландцев умели читать. Начали отучать их от чтения уже давно, сейчас же и отучать было не нужно. Преподавание в немногих сохранившихся учебных заведениях велось на лепреконском языке, трудно усваиваемом большинством жителей Зверландии. А, не выучив его, они не могли получить законченного систематического образования. Вся промышленность и все сельское хозяйство были разрушены, почти девяносто процентов населения страны сгруппировалось в столице, где Древний Змей давал им бесплатную еду – рожки (от которых многие быстро умирали), а также зрелища, разжигавшие самые низменные инстинкты толпы. Наркотики, алкоголь и никотин выдавались бесплатно.

Организация жизни в стране именно таким образом и координация работы других министерств и ведомств, в том числе законодательных и судебных органов, входило в функции министерства счастья.

Тайное министерство

В аппарате Древнего Змея было еще одно министерство, о существовании которого не знал даже возглавлявший все три ветви власти Зверландии министр счастья. Называлось это тайное учреждение министерством ужаса. Возглавлял его сам повелитель страны. Сотрудниками в нем были те, кого зверландцы не могли видеть в обычном своем состоянии, но только измененном – винные и героиновые змеи, ночные кошмары, страшные сны наяву и другие, им подобные. Когда-то, если зверландец видел какого-то сотрудника этого министерства, то это было основанием для его госпитализации в психиатрическое отделение. Теперь же безумие все более становилось нормой, почти все жители страны страдали нарушениями психики. И Древний Змей решил, что пора безумию придать системный характер.

Разумеется, Лепрекон знал о существовании всех тех существ, которые работали в неподвластном ему министерстве. Но ему и в голову не могло придти, насколько они организованы, насколько, по распоряжениям Древнего Змея, дополняют и корректируют его работу.

Зверландцы находились под тотальным контролем министерства счастья во всех внешних проявлениях своей жизни. Министерство ужаса контролировало и их внутреннюю жизнь. Его сотрудники не могли влезть в головы несчастных настолько, чтобы прочитать их мыс-

ли. Но они могли внушать им свои мысли так, что те не отличали их от собственных. А поскольку культурный и образовательный образ жизни жителей страны был катастрофически низок, вся их внешняя жизнь – как на ладони, большая часть их мыслей выстраивалась за счет различных ток-шоу, компьютерных игр и публичных мероприятий на центральной площади столицы, то можно сказать, что Древний Змей обладал практически полным контролем над всеми сторонами жизни почти всего населения страны.

К Лепрекону он не мог приставить сотрудников министерства ужаса, потому что тот быстро заметил бы их присутствие. Но в этом не было и нужды: министр счастья был одним из тех избранных, чьи все тайные движения души в полной мере были известны повелителю Зверландии.

Но все-таки прекрасная организация аппаратной и технической работы иногда давала сбои: некоторые из зверландцев почему-то «выпали» из под контроля этих министерств и даже самого Древнего Змея. Среди них были отшельник Белый Тигр и Последний Кот Зверландии.

Храм «танцующих выдр»

В самом центре столицы Зверландии возвышался прекрасный огромный белоснежный храм. По инициативе Крылатого Льва, он был воздвигнут после его возвращения в Зверландию после событий с Черным Котом, как место, где зверландцы могли вместе собраться и обратиться с молитвой к Великому Императору. Сам Крылатый Лев возглавлял эти молитвы в воскресные дни, на

буднях же поручал провести их специально посвященным жрецам.

Храм Великого Императора был любимой святыней зверландцев. Но однажды, незадолго до того, как Древний Змей вновь воцарился в Зверландии, в этот храм вошли пять молодых выдр. Они дерзко взошли на место, где обычно молился Крылатый Лев, сбросили с себя одежду, и начали исполнять непристойные танцы, выкрикивая молитвы Древнему Змею и проклятия Великому Императору и Крылатому Льву. Их быстро задержали.

Царь пытался образумить их, но они в ответ лишь смеялись над ним, обличая его в слабости что-то им сделать в ответ. Их решили судить. Но скрывавшийся в Гоблинландии звероящер Фунь Поц, который и организовал эту акцию, начал будоражить народ, многочисленными рассказами и публикации о безосновательном преследовании «несчастливых выдрочек». Ползли слухи о жестокости Царя, распространители которых щедро вознаграждались звероящером.

Это было лишь начало тем многочисленным провокациям, которые он организовал. Черный Кот тогда уже умер, и отправился в чертоги Великого Императора, а новые помощники Крылатого Льва не прошли через подобное горнило испытаний и оказались не готовы к тому, что выпало на их долю. Сам же Крылатый Лев зависел от того, каким был народ в Зверландии – чем дурнее он становился, тем меньше Царь мог с ним оставаться. И через некоторое время он улетел в чертоги Великого Императора, забрав с собой тех немногих, кто остался ему верен. А в стране вновь воцарился Древний Змей. На этот раз он решил назвать себя не президентом, а пове-

лителем – этот титул показался ему более уместным в эту историческую эпоху.

Повелитель ненавидел все, связанное с Крылатым Львом, тем более – с Великим Императором. Поэтому он принял решение полностью осквернить храм и переименовать его в храм «танцующих выдр». Поначалу те жрецы, которых он назначил, совершали вроде бы те же молитвы, что и раньше. Некоторые новшества – например, скульптурное изображение пяти обнаженных танцующих выдр – объяснялись ими, как веяние времени, развития теологической мысли. Главный жрец храма, доктор теологии Обезьян объяснял смущенным зверландцам: «Ведь вы не хотели бы, чтобы вас лечили врачи методами, которые были тысячи лет назад. Так и здесь. Теология – динамичная наука, она постоянно развивается. Если ваш разум не может пока вместить новые ее формы, то не думайте об этом, слепо доверьтесь нам, откажитесь от своей воли».

При Крылатом Льве почти все жрецы в храме совершали молитвы без какого-либо вознаграждения, каждый из них где-то работал, на это и жил. Если кто-то из них был только при храме, то его содержание было достаточно скромным. Новые жрецы ни скромно жить, ни работать не хотели. Они говорили богатым зверландцам, которые сделали что-то дурное и не знали, как избавиться от укоров совести, что те должны нести в храм как можно больше пожертвований, тогда все у них будет хорошо. На них жрецы покупали себе лучшие дома, ездили в каретах, в которые были запряжены те зверландцы, которым они внушили, что возить жрецов полезно для их душевного состояния. Рассказы тех зверландцев, которые приходили к ним поделиться своими душевными проблемами, они записывали на аудио-

технику, а записи передавали Фунь Поцу, который делал их анализ и подавал сводную информацию Древнему Змею.

Но повелителю не нужны были и такие жрецы. Через некоторое время все они во главе с Обезьяном, а заодно с ними и танцующие выдры были отправлены в Гуано, где вот уже почти двести лет мучились, мечтая о смерти. А храм «танцующих выдр» превратился в место, где стали совершаться службы Древнему Змею. Новые жрецы были еще злее и хуже прежних, но почему-то зверландцы считали их менее противными. Поначалу жители страны вольны были выбирать идти им в этот храм или нет, после чего он опустел. Но вслед за расправой с Кэттауном, Древний Змей обязал каждого из зверландцев раз в год прибывать в храм, и воскуривать фимиам перед его изображением и изображением танцующих выдр. Жители же столицы должны были делать это еженедельно.

По мере деградации зверландцев это стало делом добровольным, в последние годы храм «танцующих выдр» стал местом, откуда транслировались всевозможные ток-шоу. Наибольшую популярность приобрело то, в котором Фунь Поц, возомнивший, что он уже во всем равен Древнему Змею, приказал жрецам воскурить фиминам перед ним, после чего провалился под землю, унесенный темными духами. С тех пор зверландцы каждый день ходили в храм «танцующих выдр» в надежде, что вновь увидят подобное зрелище.

Академия наук в Гнуснополе

Во втором по величине городе Зверландии, еще двести лет назад переименованным Древним Змеем в Гнуснополь, тогда же им была основана академия наук. Ее первым президентом он назначил ламоосла Мрака. Мрак был очень высокого мнения о своих научных способностях. Когда Фунь Поц, приехавший на открытие академии поинтересовался у него, что он думает о Великом Императоре, ламоосл гордо ответил: «Я не нуждаюсь в этом мифе».

Под его руководством несколько отделений академии работали над созданием новой науки, свободной от предрассудков прошлого.

Археологическое отделение, на основании результатов раскопок в разных частях Зверландии, сделало вывод, что та история, которая была ранее известна ее жителям, не соответствует действительности. Так ими было найдено место, где лев был похоронен неподалеку от ворона. На основе анализа их останков, они заявили, что Крылатый Лев имел очень маленькие крылья, что вообще это был нежизнеспособный мутант, в доказательство чего предъявили собранный из двух останков скелет, выставленный в доказательство правоты этого утверждения в музее археологии. Позднее, после уничтожения Кэттауна, когда многие зверландцы стали забывать, как выглядят кошачьи, сотрудники этого же отделения нашли скелет кота рядом со скелетом свиньи, и приставили череп от первого ко второму, заявив, что кошачьих, как таковых, вообще не было, что были страшные мутанты котосвины, имеющие несообразно маленькую по отношению к туловищу голову, из-за чего имели крайне

низкий интеллект и повышенную агрессию. В жажде уничтожить все живое в Зверландии, котосвины начали кровавую войну против правительства, лишь мудрость Древнего Змея помогла с ними справиться. Второй скелет также был выставлен в музее на всеобщее обозрение.

На психологическом отделении академик Фря и академик Козел провели ряд исследований, доказывающих, насколько все зверландцы, гнусны по своей сути. Они обследовали сто респондентов, которые заполнили предложенные ими анкеты, а затем обработанные результаты, показывающие истинный, по словам академиков, моральный облик зверландца, опубликовали во всех средства массовой информации страны. Публикация шокировала всех – никто не думал, что дела обстоят плохо до такой степени. При этом академики не указали, что анкеты заполнялись в тюрьмах, притонах и публичных домах Гоблинландии и Лепреконики, попавшими туда зверландцами и зверландками.

Отделение медицины, в целях регулирования числа населения Зверландии, разработало научные предложения о принудительном умерщвлении плода в первые три месяца после зачатия у бедных зверландок, имеющих более двух детей и об усыплении старых и больных зверландцев. Для других же были предложены такие меры медицинского сопровождения их жизни, чтобы она не оказалась ни долгой, ни приятной.

Академик Змей, называвший себя Низшим (по отношению к Древнему Змею), возглавлял отделение философии. В одном из своих трактатов, сразу же ставшим знаменитым, он написал, что Великий Император умер, потому что был порождением воображения зверландцев, а теперь повзрослевшие жители страны не нуждаются больше в детских выдумках и готовы открыто встретить

правду жизни – что она состоит из одних страданий, а смерть открывает путь к страданиям вечным. Но истинный философ должен это принять, и тогда он обретет способность мучить других, вместо того, чтобы мучиться самому.

Отделение политологии доказало, что монархия, либерализм, демократия, социализм – одно и то же, это всего лишь вывески, за которыми скрываются те, кто правит в реальности, а вывеска меняется в зависимости от сиюминутных выгод. Однако это исследование не понравилось Фунь Поцу, курировавшему деятельность академии, и работа отделения была приостановлена.

Затем было создано отделение тонких технологий, имевшее дело с предметами, не заметными обычным зверландцам. Древний Змей и Фунь Поц сначала подумали, что речь идет о проникновении в сферу, где живут винные и героиновые змеи и подобные им существа, что было на их взгляд совсем неплохо, как подготовка к научному обоснованию магии. Однако оказалось, что академики – просто-напросто прохвосты, которые не поняли, с кем они работают. В наказание Древний Змей изменил их сознание так, что они на самом деле стали видеть тех существ, видеть которых нельзя, и стали готовить создание отделения черной магии.

... Но даже и такие изыскания были уже в прошлом. К моменту описываемых событий в академии остались лишь три отделения – черной магии; астрологии, алхимии и хиромантии и науки. Если первые два работали достаточно успешно, то из семи академиков отделения науки трое не умели писать, а один не умел даже говорить, а только тупо смотрел на все вокруг. «Сразу видно настоящего ученого», – говорил о нем Фунь Поц, выдвинувший идею, что для того, чтобы получить высшее уче-

ное звание не обязательно уметь ни писать, ни говорить. Зачем нужны умеющие говорить и писать академики в государстве, жители которого не умеют думать?

Дорога в столицу

Знания обо всем этом не тяготили Последнего Кота Зверландии, смело идущего в сторону столицы. Впрочем, знай, он все это, оно бы его мало тронуло. В его душе была одна лишь уверенность, что ему необходимо выполнить то, на что он призван любой ценой.

Дорога была пустынной. Как будто выжженная земля, брошенные деревни и города. А в это время в столице Древний Змей вызвал к себе министра Лепрекона и сказал ему:

- Что же мне так неуютно? Как будто бы Крылатый Лев вновь в Зверландии, но нет, не может он сюда войти, после того, что здесь произошло и к тем, кто здесь остался. Для этого как минимум нужно было бы, чтобы они захотели его увидеть, а *эти* не захотят.

- Давайте проверим, повелитель, - сказал Лепрекон и достал из портфеля портативный компьютер. - В столице такого, кто мог бы нам угрожать, точно нет. Давайте проверим, кто сейчас идет по направлению к ней.

Министр счастья запустил на нем программу, позволяющую отслеживать всех жителей Зверландии, под кожу которых были вживлены микрочипы. На экране показалось полтора десятка движущихся в сторону столицы точек. Лепрекон нажимал на них, и на экране появлялась исчерпывающая информация о каждом зверландце, приближающемся к городу. Древний Змей смот-

рел на каждого с пристальным интересом, но тут же видел, что это обычная миграция в столицу тех остатков жителей страны, которые еще не успели в нее придти. Последний Кот Зверландии не отобразился на экране: он был одним из тех немногих жителей страны, которому не был вживлен микрочип. Халатность администрации провинции, в которую входил Мертвый Лес, посчитавшей, что на жителей такого гиблого места жаль тратить микрочипы, и так там скоро все перемрут, сослужила сейчас путнику хорошую службу.

- Здесь ничего нет, - разочарованно сказал повелитель. - Вы можете идти, министр.

Потом он позвал духов из министерства ужаса, чтобы они все посмотрели. Но находившийся под защитой Крылатого Льва Последний Кот Зверландии был скрыт от них. Повелитель не был удовлетворен полученным результатом: он чувствовал, что что-то пошло не так, как нужно. Но что именно понять пока не мог.

В десяти километрах от столицы юноша увидел старого умирающего бульдога, валявшегося на обочине дороги. Он подошел к нему, дал воды и половину той еды, которая у него оставалась. Старый Бульдог пришел в себя:

- Кто ты, почему ты меня спас?

- Не думаю, что тебе нужно об этом знать. Достаточно того, что я помог тебе. Что с тобой случилось?

- Я шел в столицу. В тех местах, где я жил - в Догтауне - уже не осталось еды. Мы, те, кто остался в живых, шли в столицу, где повелитель дает всем бесплатную еду. Но у меня не осталось сил, и мои спутники меня бросили здесь...

- Я тоже иду туда. Если хочешь, то я помогу тебе дойти.

И через несколько часов они достигли границ города, в котором сейчас сосредоточилось почти все население Зверландии.

Древний Змей и его министр

- Что-то подсказывает мне, что у вас новости, - сказал повелитель, даже не обернувшись к тому, кто к нему вошел.

- Я понял, из-за кого вы переживаете, - без лишних предисловий заявил Лепреккон, войдя к Древнему Змею.

- Вот как? И из-за кого же?

- Это очень странный пес. Бульдог. Он сегодня появился в городе еще с одним бродягой, тоже бульдогом, паразитально на него похожим, но только старым.

- Догтаун перестал существовать, что удивительно - в том, что появляются бродячие собаки?

- Удивительно то, что у молодого не было микрочипа.

- Также не очень удивительно. Во многих провинциях до самых последних времен чиновники халтурят - такова уж их порода. Они способны помешать чему угодно - всего лишь навсего из-за своих тупости, жадности и нежелания работать. Хотя Догтаун... Псы ведь так исполнительны...

- Он не из Догтауна, его проверили.

- Тогда тем более ничего удивительного. Откуда он взялся, сам что говорит?

- Из Мертвого Леса.

- Ну, тогда удивительного вообще ничего нет. В этой дыре еще сто лет назад начались проблемы, а последние лет тридцать там фактически не было ни жите-

лей, ни администрации. Если он моложе тридцати, а как я понял он моложе, то это рядовой факт. Нужно вставить ему микрочип под кожу и всех дел!

- В том-то и проблема. Они не ставятся.

- Как это?

- Три аппарата сломались.

Повелитель с удивлением посмотрел на министра счастья.

- Ну-ка поподробнее.

- А что подробнее? Сломались, когда пытались вживить ему под кожу микрочип в соответствии с инструкцией 666.

- Но вживили все-таки?

- Не получилось.

- Где он сейчас?

- В камере предварительного заключения вместе с тем старым бродягой.

- Как хоть он назвался?

- Вот это самое и странное. Он сказал, что его зовут Последний Кот Зверландии.

Древний Змей сначала напрягся так, что глаза его вылезли из орбит, но потом рассмеялся:

- А сам при этом пес? Да он сумасшедший!

- Может быть. Но он сказал, что хочет увидеть вас.

- Зачем?

- Чтобы перед лицом смерти ему совершить последний выбор, и Зверландия получила шанс на спасение.

- А он опасный сумасшедший! В камере, где он сейчас идет постоянная видеозапись?

- Конечно.

- Включи.

Лепрекон достал портативный компьютер, нажал несколько кнопок, и на экране появилась камера, в которой сидели два бульдога – старый и молодой. Они о чем-то оживленно говорили. Повелитель и его министр напряженно прислушались.

Отец и сын

- В жизни ничего не слышал более странного, чем ты рассказал! – с волнением сказал Старый Бульдог. – Но не пойму – зачем тебе – псу называть себя котом?

- Мои родители псы меня бросили, а кот меня воспитал.

- Он требовал от тебя, чтобы ты стал котом?

- Вовсе нет. Он сам называл себя псом.

- Тогда вообще ничего не пойму...

- Отшельник объяснил мне, что псы и коты ничем не хуже друг друга. Но сейчас большое мужество требуется именно для того, чтобы назвать себя котом...

- И что это тебе даст?

- Не знаю. Возможно, только казнь.

- Ты так спешишь умереть?

- Нет, конечно. Но лучше умереть один раз, чем умирать вечно, сознавая, что не воспользовался единственным шансом, который был.

- Надо же, как ты им сказал: я Последний Кот Зверландии! – восхищенно глядя на собеседника, произнес Старый Бульдог. – Это очень смело даже для лучших в Догтауне, а лучших у нас не было уже давно...

Вдруг в его взгляде что-то изменилось.

- Что случилось? – озабоченно спросил юноша.

- Погоди... Ты говоришь, что этот кот подобрал тебя на поляне у Мертвого Леса?

- Да, я же говорил, но при чем тут это...

- При том, что еще один выбор тебе придется сделать прямо сейчас.

- Какой?

- Простить меня или нет.

- За что?

- Ведь это я тебя там бросил. Я твой отец. Такого совпадения просто не может быть.

Последний Кот Зверландии не ожидал такого поворота событий, и ошарашено смотрел на старика.

- Но почему? – только и смог он произнести.

- У нас было уже трое щенков с твоей матерью. А денег было так мало, да еще я выпивал тогда сильно... Короче, отнес я тебя в Мертвый Лес, положил на поляне и подумал: если суждено тебе выжить – ты выживешь, а если нет, то и ладно. А матери твоей сказал, что ты потерялся.

- А что она? – как громом пораженный спросил юноша.

- Она... Она умерла от горя. И все твои три брата не дожили до сегодняшнего дня, так вот оно получилось... Так что кот твой – большой молодец, недаром он себя псом называл, заслужил. А я только свиньей могу называться. Что же – делай выбор.

Последний Кот Зверландии посмотрел в глаза Старого Бульдога, в которых была написана страшная мука, уже много лет разъедавшая его душу.

- Ты так все и пьешь? – почему-то спросил он.

- Бросил после того, как все умерли. Винные змеи замучили являться в образе вас всех и требовать, чтобы я повесился...

- Но ты сожалеешь о том, что сделал? – тихо спросил Последний Кот Зверландии, заглядывая в глаза старику.

- Дня не прошло, чтобы я не пожалел, – также тихо сказал Старый Бульдог. И глаза его, наполненные слезами, не лгали.

- Тогда я тебя прощаю. У меня теперь два отца – один умерший, который меня воспитал, и второй – живой, который был когда-то, потом перестал быть моим отцом, а теперь опять стал им, – просто сказал юноша и обнял старика. А тот зарыдал у него на плече...

... Древний Змей оторвался от экрана и сказал Лепрекону:

- Господин министр, все хуже, чем мы думали. Давайте попробуем не потерять хотя бы старика. Побеседуйте с ним. Хорошо бы он еще раз согласился предать сына.

- А если нет?

- Мне нужен от вас только положительный результат, – хищно посмотрел на него повелитель. – Ставки в нашей игре становятся слишком высоки для того, чтобы мы могли позволить себе роскошь проигрыша.

Провал Лепрекона

Старый Бульдог щурил глаза: ему не по себе было среди сияния золота и драгоценных камней в кабинете министра счастья. А тот, не желая затягивать разговор, который казался ему легким, сразу перешел к делу:

- Мы все о тебе знаем. Поэтому не будем пустословить. У меня крайне выгодное предложение.

- Какое у вас может быть предложение ко мне, господин министр? Кто я такой, чтобы вызвать интерес такого вельможи? – испуганно спросил пес.

- Вспомни последнего твоего знакомого... - вкрадчиво сказал Лепрекон, довольный тем, что его собеседник испугался. Тем легче пойдет разговор.

- Моего сына? – поднял глаза Старый Бульдог.

- Можно и так сказать. Предложение следующее: ты публично от него отречешься в храме «танцующих выдр» перед всем населением Зверландии, глядя ему в глаза. За это ты получишь в собственность прекрасный дом в столице и пожизненное содержание за счет государства.

- Но он только что простил меня!

- А иначе за что ты получал бы дом и пожизненное содержание? Думаешь, что у нас полно средств для того, чтобы содержать всяких шелудивых псов, которые прожили лишних лет двадцать, как минимум? Или ты будешь корчить из себя не пойми что, притворяясь, что не ты выбросил тогда этого щенка в Мертвом Лесу на верную гибель, лишь бы у тебя было вдоволь самогонки? Так это ты был. Брось еще раз, у тебя будет не самогонка, а любые вина, не просто дом, а дворец...

- Зачем вам это нужно? Вы смеетесь надо мной? – сдавленно спросил пес, в глазах которого стояли слезы.

- А вот и не смеюсь, - взгляд министра стал особенно хищным и беспощадным. – Нам не избежать встречи этого щенка с народом в храме «танцующих выдр». Но нужно, чтобы он был на этой встрече раздавленным и уничтоженным, а для этого будет совсем неплохо если только что обретенный отец еще раз его предаст... Да ты и просто так это сделаешь, стоит припугнуть тебя сильнее, но если мы не заплатим тебе за предательство, то это не будет так интересно!

Внезапно Старый Бульдог распрямился и заговорил, мужественно глядя в глаза Лепрекону:

- Вы многое правильно сказали, господин министр. И своей жизнью я заслужил, чтобы со мной разговаривали именно так. И жизнь моя давно закончена, как вы верно заметили. Так неужели вы думаете, что я из-за каких-то выгод или даже из страха перед вами предаю того, кто простил мне то, что нельзя прощать, единственного поверившего мне, может быть за всю мою жизнь?

- Это твой окончательный ответ? – с отсутствующим взглядом холодно спросил Лепрекон.

- Да.

- Тебя сегодня же доставят в Гуано, без суда, на основании моего приказа. Как тебе известно, я имею чрезвычайные полномочия в Зверландии. В этой тюрьме узники вечно мучаются и никогда не умирают. У тебя будет время передумать...

... Старый Бульдог вдруг упал на пол. Когда министр подбежал к нему, он был уже мертв, но на губах его играла счастливая улыбка – особенно неуместная в этом министерстве счастья. И тут же перед Лепреконом возник Древний Змей. Повелитель был взволнован не на шутку, таким министр его еще не видел.

- Ты заметил, кто забрал его? – зашипел он.

- Никто, он просто умер...

- Просто! Его забрал Крылатый Лев! Это страшный провал – после Кэттауна я не видел, чтобы он забирал души умирающих! Это может быть началом моего краха, но сейчас это твой крах! Ты отправляешься в Гуано, к твоим отцу и деду!

Древний Змей исчез, вместо него появилась стража, которая арестовала уже бывшего главу исполнительной, законодательной и судебной власти Зверландии и пре-

проводила его в ту жуткую тюрьму, в которую он помог на целый век запереть своих отца и деда. Сейчас же время расплаты настало и для него.

Конец и начало

День клонился к закату. Храм «танцующих выдр» был переполнен. В нем и на площади вокруг собрались практически все жители Зверландии. Древний Змей на троне восседал в центре храма. Перед ним – избитый, оплеванный толпой стоял Последний Кот Зверландии.

- Он, кажется, не понимает, как нужно стоять перед повелителем! – прокричал один из гоблинов и ударил истерзанного узника по ногам. Тот упал на колени.

- Передо мной лежат тома с описанием твоих преступлений, - указал Древний Змей на лежащие рядом с ним шесть переплетенных книг. – Но если ты сейчас раскаешься, и признаешь, что я твой повелитель, что ты просто был болен, называя себя котом, а на самом деле – обычный придурковатый пес, то я не только помилую тебя, но и вознагражу...

- Чем ты можешь меня вознаградить? Заточением в Гуано? – смело спросил Последний Кот Зверландии, глядя в глаза тому, кто уже два века мучил эту страну.

- Этим я могу наказать. Награда же – дома, богатства, титулы, власть, - вкрадчиво начал Древний Змей, но узник перебил его:

- Еда, вкуса которой не чувствуешь, дома, в которых не чувствуешь себя спокойно, титулы, которые ничего не значат, власть, которая разъедает душу, как ржавчина и ради сохранения которой нужно ежечасно становиться

еще хуже для того, чтобы в итоге все равно ее потерять – разве это награда?

- Откуда ты знаешь все это, щенок? – Древний Змей начал гневаться не на шутку. – У тебя не было ни нормального дома, ни хорошей еды, не говоря о титулах и власти!

- Не было, - спокойно согласился пленник.

- Тогда откуда ты можешь это знать?

- Знаю, - и голос Последнего Кота Зверландии был наполнен уверенностью.

- Ты самозвано назвал себя котом. С какой целью ты это сделал? – продолжил допрос тиран.

- Я сделал то, что был должен сделать.

И узник начал рассказывать все что знал: и про Великого Императора, и про Крылатого Льва, и про Черного Кота, и про Лесного Кота, и про Кэттаун, и про своих приемного и родного отца, и про себя самого...

- Довольно! – перебил его Древний Змей. – Я не буду решать твою участь, пусть решит ее народ Зверландии. Как мне поступить с этим щенком, который, возможно, просто сумасшедший фантазер?

- Казните его, повелитель! – заревела толпа.

- Я принимаю это решение или вы?

- Мы! Весь народ Зверландии! Мы ответственны за эту казнь, которую с нетерпением ждем!

- Вот видишь, - улыбнулся Древний Змей, - теперь тебе не поможет и Крылатый Лев. Весь народ этой вверенной когда-то его попечению страны отрекся от него сейчас. И он не имеет здесь более ни власти, ни возможности вмешаться. Мое владычество безраздельно. Абсолютная власть! – заревел тиран, и рев его был подхвачен восторженной толпой.

... И вдруг посреди этого оскверненного храма появился Крылатый Лев.

- Хочешь сказать, что не он, а ты последний кот Зверландии? – презрительно спросил его Древний Змей. – Или пришел забрать последнюю душу, которую можешь забрать? Или же, неужели такая удача, ты провинился настолько, что *тебя* отдали *мне*?

Толпа восторженно шумела, думая, что их повелитель стал еще могущественнее, настолько могущественным, что никто уже никогда не сможет сравниться с ним...

- Посмотри внимательнее, Кто рядом со мной, - тихо сказал Крылатый Лев.

Древний Змей посмотрел и тут же сжался, стал маленьким и бессильным:

- Нет, этого не может быть, этого не бывает! Зачем здесь Великий Император? Ведь пророчества говорили, что Он придет только, когда наступит конец этого мира?

- Он наступил уже, - кротко и грустно сказал Крылатый Лев. – Наступил в тот момент, когда кроме этого благородного юноши в Зверландии не осталось никого, ради кого стоило бы еще продлевать существование этой страны!

И после этих слов молния ударила в оскверненный храм, во вспыхнувшем пожаре сгорала старая Зверландия, а Великий Император уже творил новую, в которой было место и Черному Коту с его женой, и Лесному Коту, и Последнему Коту Зверландии, и его приемному и родному отцу, и многим-многим зверландцам, даже двум старым лепреконам, искупившим свои преступления в Гуано, даже индюку Скотоферму, даже Кроту со свиным пяточком и многим из тех, кого если бы Великий Император судил по справедливости там не должно было ока-

заться. Но Он судил не по справедливости, а по любви. И все равно много оказалось тех, кому не нашлось места в этой Новой Зверландии, кто отправился вместе с Древним Змеем в место заточения, где тот был одновременно и узником и тюремщиком.

... Наступило утро первого дня истории Новой Зверландии, в которой нет зла, в которой каждый новый день лучше предыдущего. А вместе с ним закончилась и та ее история, которая может быть описана.

2012

БЕЛЫЙ КОТ

Сказка для взрослых

*Если у вас есть любовь, вам больше ничего не надо.
Если у вас её нет, тогда не так важно,
что у вас есть.*

Джеймс Мэтью Барри

*Смертью кончается всё, так что она –
естественное завершение любого сюжета,
но и брак неплохая развязка,
и напрасно умудрённые скептики издеваются
над так называемым счастливым концом.*

Уильям Сомерсет Моэм

Рассказы Старой Кошки

Чёрный Котёнок привычно съёжился: в дверь вошла его бабушка; не та с которой он воспитывался, мать его отца, а другая, мать его матери, у которой он бывал нечасто, но впечатления от каждой из встреч долго терзали его богатое воображение.

– Что какую недовольную рожу соорил? – раздражённо спросила его Старая Кошка. – И весь в своего папашу, совсем не похож на мою дочку. И угораздило её, умницу и красавицу выйти замуж за этого уродца... И такое вот недоразумение появилось в результате...

Она пристально взгляделась во внука, потом, видимо заметив знакомые черты, несколько смягчилась:

– Впрочем, ладно, что с тебя взять? Глупый маленький котёнок, одним словом. И как ты будешь жить? Вот вырастешь, заберут тебя в кошачью армию, и что?

– Буду служить? – робко пискнул котёнок, который слышал и другие версии того, какова жизнь вокруг.

– Служить! – презрительно хмыкнула Старая Кошка. – Если бы! Тебе просто отобьют там почки, и будешь ты инвалидом на всю жизнь!

– А за что? – испуганно спросил внук.

– Да ни за что! Просто так! – лениво ответила кошка. – Так что живи пока... А если даже вернёшься ты из армии, или не возьмут тебя туда, в чём я лично очень сомневаюсь, то что проку вообще в твоём существовании? Ведь ты даже не сможешь позаботиться о твоей жене, если найдётся, конечно, дура, которая выйдет за тебя замуж, в чём я сомневалась бы, если бы не имела перед глазами пример моей глупой дочери...

Чёрный Котёнок потом целыми днями думал о том, что говорила ему бабушка, он мучился, но не знал, где найти выход из той мысленной клетки, в которую она его загоняла своими рассказами. Хотя ему не нравилось всё, что говорила Старая Кошка, он иногда просил её рассказать ему сказку.

– Сказку? – недовольно пробурчала она. – Ишь, чего выдумал! Ну, ладно, Впрочем. Слушай. Есть на свете Белая Кошка, с которой предстоит встретиться каждому коту и каждой кошке, живущим на земле. Она подходит к ним, когда приходит их время и целует их. На этом путь их земной жизни заканчивается. На земле остаётся только их труп, а душу их она берёт с собой и отводит туда, откуда не возвращаются. Многие её боятся, потому что нет ничего хуже, чем, если тебя поцелует Белая Кошка в тот момент, когда ты к этому не готов. Кто-то

пытается от неё убежать, но это невозможно. А некоторые наоборот мечтают о ней, что-то делают с собой для того, чтобы поскорее с ней встретиться. Но это самые несчастные звери, которые, как говорят, больше всех мучаются в том мире. Но кто-то бывает готов ко встрече с Белой Кошкой, и встречает её как старую подругу...

– А кто они?

– Те, кто ничего не боится, любит кого-то больше, чем себя, не держится за то, за что не стоит держаться — так говорят во всяком случае...

– А ты боишься этой встречи?

– Вот гадёныш! Смерти бабушке желает сучий потрох! Боюсь, конечно! Надо же такие гадостные вопросы выдумывать!

– А есть ли такие, кого она не целует? — задал котёнок, взволновавший его не на шутку вопрос.

– Говорят, что если кто-то полюбит другого так, что другой будет ему дороже его самого, то Белая Кошка может его и не поцеловать... — задумчиво сказала бабушка-кошка, но тут же вновь напустилась на внука: — А тебя-то каким боком это может касаться, поганец? Ты-то кого можешь полюбить: вылитый папаша-скунс...

– А разве папа – скунс? – удивился Чёрный Котёнок.

– Кот, – недовольно пробормотала Старая Кошка, – но такой, что хуже любого скунса... Спи уже!

Юность Чёрного Кота

Каких только испытаний не было в жизни Чёрного Кота! Впрочем, по сравнению с теми, что сулила ему бабушка, они были не особо страшными, но ему частенько

приходилось быть на пределе возможностей. Старая Кошка как-то подорвала его веру в себя; способствовал этому и его отец, который частенько говорил Чёрному Котёнку:

– Ты слишком мал и глуп, и не видал больших заходов солнца!

– А ты видал? — наивно спрашивал тот.

– Я? Я-то всё видел в этой жизни, всю её дрянную сущность, ничего в ней нет хорошего, одно дерьмо!

– Почему?

– А я откуда знаю почему? Просто так вот всё в ней устроено...

– А почему ты работаешь на развозке навоза, а не на какой-то другой работе? – спрашивал котёнок отца.

— Потому что здесь ничто не ограничивает моей индивидуальности, и не мешает мне быть самим собой! – гордо заявлял тот.

...В армию котёнка не взяли по состоянию здоровья, в подростковом возрасте он начал бороться с той неуверенностью, которую вселило в него воспитание, но делать это было очень сложно, хотя многое и начало у него получаться после того, как он решился «плыть против течения». Особенно тяжело ему было преодолеть ту подсознательную уверенность, которую вселили в него бабушка и отец, что он не имеет права на счастье, что он всенеизбежно испортит жизнь той несчастной (априори!) кошке, которая решит с ним связаться.

...Однажды юный кот увидел молодую Сиамскую Кошку, девочку-подростка, которая пела в кошачьем ансамбле. Он был зачарован её красотой, сильнейшим порывом его души было подойти к ней... Но он вспомнил, что говорили ему отец и бабушка и грустно отошёл в

сторону. «Если я и испорчу кому-то жизнь, то точно не ей!», — подумал кот.

А через некоторое время он женился на Жёлтой Кошке. Его очень многие отговаривали от этого шага, а Главный Кот даже заявил, что это погубит его карьеру: «Разве можно жениться на Жёлтой Кошке! – сказал он. – Я понимаю, например, на Сиамской, или на Рыжей, но не на Жёлтой же!» Однако Чёрный Кот был очень упрям и никого не слушал. Он не мог испортить жизнь первой, которая так пронзила его сердце, что оно освободилось от многих из тех гадостей, которые железным панцирем сковали его в детские годы, но не ото всех. А рыжих кошек среди его знакомых вообще не было...

«Тьфу на тебя!» – сказал ему Главный Кот. Но, не дав назначения на должность, с работы не выгнал.

Встреча с Белой Кошкой

Всякого Чёрный Кот насмотрелся за годы семейной жизни; раздражение стало постоянным состоянием. В его жизни были разные кошки, которые ещё больше опустошали душу. Порой Жёлтая Кошка так надоедала ему, что он начинал думать, что, в сущности, не так уж и плохо было бы, если бы Белая Кошка и правда пришла за ним. Он многого достиг, но это не радовало, потом всё это быстро было потеряно, и это не огорчало. Кот пристрастился к валерьянке. Он пил её так долго и так много, что чуть не стал безумцем. Однажды к нему пришла Белая Кошка.

– Ну что? – спросила она, улыбаясь. – Ты, правда, хочешь идти со мной?

– Я, наверное, не готов, — ответил Чёрный Кот, к которому в этот важный момент вернулось его сознание.

– А ты понимаешь, что ко встрече со мной нужно быть готовым? А делаешь всё наоборот? Это ведь ещё больше испортит твоё положение там, куда я тебя отведу.

– Я это предчувствовал...

– Тогда зачем же живёшь так? Возьмись за ум, другого шанса не будет!

Легко сказать — взяться за ум! А где взять этот ум, который уже давно пропит! Даже встреча с Белой Кошкой не смогла его достаточно впечатлить для того, чтобы измениться...

В поисках точки опоры Чёрный Кот где только не бродил. И однажды он случайно услышал кошачий ансамбль, в котором пела Сиамская Кошка. Его сердце вздрогнуло; он хотел подойти к ней и сказать то, что не посмел сказать когда-то давно... Но он посмотрел на себя и понял, что такой не может подойти к ней. Через некоторое время он забыл о том, что такое валерьянка...

Влюблённый Кот

Чёрный Кот был ошеломлён и как бы немного не в себе: что-то незнакомое и сильное пронзило его душу, заставляя забыть обо всём на свете. А связано это было с прекрасной Сиамской Кошкой, волшебное пение которой он любил слушать украдкой. Слушая её, начинавший стареть кот, на чёрной шкуре которого становилось всё больше белых волос, вновь чувствовал себя юным, способным на великие свершения.

Он был учёным. В его обязанности входило ходить по цепи кругом. Когда шёл налево, то должен был петь песни, но пение его было премерзким всегда; когда Чёрный Кот представлял, что Сиамская Кошка может услышать, как он поёт, то содрогался, а в итоге вообще перестал ходить налево. Движение по цепи направо было связано с обязанностями рассказывать сказки; это у него получалось намного лучше. Послушать его приезжали иногда из других стран, а один раз даже Сиамская Кошка послушала его рассказ и снисходительно улыбнулась, что наполнило душу повествователя счастьем.

Чёрный Кот не знал, как ему поступить. Во-первых, он был женат. Про свою жену, Жёлтую Кошку, с которой прожил много лет, в своё время кот много чего нашёл бы сказать, но сейчас ему не хотелось говорить ничего плохого ни про кого. Что-то светлое вошло в его душу, заставлявшее всем желать только хорошего. Жена его была очень ревнивой, но, к счастью для всех, про Сиамскую Кошку ничего не знала. Во-вторых, Чёрный Кот видел свою любимую Принцессой, которой он вряд ли сможет сделать что-то настолько хорошее, чтобы это было её достойно. Он ведь давно махнул на себя рукой: жили они с женой в запущенной норе, питались в основном фаршем из крысиных хвостов...

Но новые чувства заставили Чёрного Кота вновь заняться охотой, о чём он уж лет двадцать как забыл. И когда (не так часто, как ему хотелось бы), у него получалось принести своей возлюбленной куропатку, которую та принимала со снисходительной улыбкой, сердце его наполнялось таким счастьем, которого в жизни он никогда не испытывал. Ему хотелось бы приносить ей каждый день не только куропаток, но и фазанов, и тетеревов

и много чего ещё, но – увы! Охотник из него был посредственный...

У Чёрного Кота была подруга — Рыжая Кошка. Никого не было ближе для него на свете: от неё он не имел никаких секретов. Наверное, он любил её также сильно, как и Сиамскую Кошку, только совсем по-другому — как сестру, которой у него не было никогда.

Рыжая Кошка любила путешествовать; она объездила много стран, воспоминания о которых, казалось, отражались в её бездонных прекрасных глазах. Когда Чёрный Кот заглядывал в них, то ему казалось, что он сам побывал во всех этих странах, о которых рассказывала подруга, и всё там видел...

Однажды Жёлтая Кошка поймала один из таких его взглядов, и устроила жуткую сцену ревности. Но Чёрный Кот давно перестал обращать на это внимание: под злобное мяуканье и шипенье, мешавшее спать всем на полкилометра в округе, он спокойно закрывал глаза и погружался в сон.

Рыжая Кошка помогала ему поверить в себя, что он многого ещё добьётся, что жизнь его не закончилась, а только началась; он фантазировал тогда, что если правда станет важным котом, то и для неё много что сможет сделать. Для себя ему почти ничего не было нужно: крыша над головой и фарш из крысиных хвостов — самая дешёвая еда, продававшаяся во всех лавках...

Чёрный Кот поделился с подругой своей тайной, та поддерживала его в минуты, когда он начинал мыслить как совсем глупый молодой кот, чтобы помочь ему вновь вернуться к реальности. Кот не знал, что будет завтра, и он не мог ни о чём мечтать, потому что все мечты его имели бы двойственный характер; но в сердце его жила любовь, а царствовало там счастье в образе прекрасной

Сиамской Кошки. И он всё чаще обращался к Тому, Кто знает всё про всех котов и всех кошек и не только про них, с просьбой за всех, кого он очень любит и за тех, кого любит не так сильно, как должен бы. И уверенность, что он сможет всё сделать правильно, наполняла его душу...

Ветер перемен

Чёрного Кота порой мучила ревность — он видел, как Сиамская Кошка общается с молодым котом, который пел иногда вместе с ней в кошачьем ансамбле, как проводит с ним время, а с Чёрным Котом разговаривает лишь минуты. В эти моменты он понимал, что испытывала его жена. Ощущение справедливости того, что к нему возвращается то, что он сам заставил испытывать, заставляло кота смиряться, когда приступы ревности были непереносимы.

Сиамской Кошке он не выдавал своих чувств из страха её отпугнуть, но с Рыжей Кошкой откровенно поговорил, опасаясь как бы ему не сделать глупостей, если он останется наедине со своими мыслями. Ведь в его жилах текла кровь дурных котов, которых подобные чувства толкали на преступления... Но подруга умела легко его успокоить: она просто повторяла ему то, что он и сам чувствовал.

В это время в Кошачьей Стране назревали очень большие перемены. Её Царь — старый благородный Тигр — решил противостоять агрессии крысосвинов, претендующих на мировое господство. Крысосвины были мутантами, которые произошли от скрещивания разных видов зверей, друг с другом несовместимых. Своё

название они получили от двух видов, чья генетика наиболее сильно доминировала в них.

По всему миру крысосвины строили военные базы, их деньги — непонятные бумажки с изображением странного символа, получившегося из совмещения крысиного хвоста со свиным пяточком, были в ходу повсюду, вытесняя местные валюты. Но что было ещё хуже: эти существа стремились везде распространить и свои ценности, которые были очень привлекательны. Их лозунг был: «Делай, что хочешь!» Правда, потом оказывалось, что это касается только плохого: тот, кто принимал ценности крысосвинов, ничего хорошего сделать не могли, даже попытка чего-то доброго была для них равна поведению.

При предшественнике Тигра, Царе Коте, который больше любил валерьянку, чем свою страну, эти идеи получили большое хождение и в Кошачьей Стране. Гордившийся тем, что он может выпить валерьянки больше, чем весит сам, а также тем, что пометил дома правительств всех союзных и даже враждебных государств, Царь Кот в состоянии изменённого сознания рассказывал своим подданным, что ценности крысосвинов — единственно верные, открывающие кошачьему народу окно в глобальный мир, где каждый кот и каждая кошка будут ощущать себя мерой всего.

В реальности же кошачий народ жил всё хуже, страну начали раздирать противоречия и внутренние конфликты, порой оборачивающиеся большой кровью. Всё больше кошачьих начинали думать как крысосвины и поступать как они. Очень много молодых котов стали бандитами, а юных кошек проститутками. Ещё больше было тех, кто хотел жить в своё удовольствие, ничего для

государства не делая, но, желая получить от него поддержку в решении всех проблем; брать не давая.

Однажды Царь Кот в момент просветления решил уйти на покой, и назначил своим преемником Тигра. После этого ситуация начала изменяться. Но собрать, то что разрушалось многими годами было крайне сложно. Однако на четырнадцатом году своего правления Царь Тигр смог, наконец, позволить себе резкие политические решения, которые показали, что Кошачья Страна перестаёт быть протекторатом империи крысосвинов.

Очень много недовольных таким решением нашлось внутри самой страны. Живя, как крысосвины, многие кошачьи в них превратились, или почти превратились. Но больше было тех, кто поддерживал Царя.

Рыжая Кошка была среди последних и открыто об этом заявляла, чем вызвала ненависть многих свинокотов и крысокотов, которые были переходной ступенью развития к крысосвинам, если верить трудам докторов наук эволюционной теории империи.

Чёрный Кот раньше в это бы не полез; но он не мог не поддержать свою подругу, тем более, что полностью разделял её мысли. Да и не было у него того, за что он держался бы: у него не было уверенности своей необходимости для Сиамской Кошки, да и не чувствовал он, что сможет сделать для неё что-то большое, если не перевернёт всю свою жизнь вверх дном.

Жене же он рассказал о своём политическом выборе, на что Жёлтая Кошка, подумав, сказала, что может быть это и неплохо, так как если с Чёрным Котом что-то случится во время его новой деятельности, то ей могут назначить хорошую пенсию от государства. И тут же расстроилась: «я ведь деньгами пользоваться не умею!» Ведь на самом деле, её муж, помимо того, что работал,

ещё решал и все вопросы семейного бюджета. Поэтому Жёлтая Кошка сказала ему, что лучше бы он тогда постарался не умирать, но если надумает бросить её или изменить ей, то лучше бы всё-таки умер...

Вдохновлённый таким напутствием супруги, Чёрный Кот отправился на поиски ветра перемен.

Глобальные сети

В зверином мире был очень популярен интернет. Он, странным образом, привлекал самых разных зверей и сказочных существ, многие из которых сутками сидели у экранов компьютера, погруженные в виртуальную реальность.

Особенно он привлекал хомячков, причём не всех, а только сетевых, получивших такое прозвание от того, что они любили носить одежду, сшитую из рыболовных сетей, троллей, а также ботов — странных существ, называвшихся так, потому что морды у них были похожи на носок ботинка.

Внутри электронных сетей звери и сказочные существа объединялись в группы по интересам, нередко вполне невинным или даже полезным. Но империя крысосвинов использовала возможности интернета для распространения тех идей и мнений, которые были ей выгодны. Тем, кто особенно в этом усердствовал, приплачивали; сетевые хомячки, тролли и боты почти поголовно были на службе у империи. Но и кроме них находились как желающие подзаработать, так и просто показать свою оригинальность и независимость от устаревших традиций. Многие из них находили себе место в группах «скунсы за свободную любовь», «болотные вы-

хухоли против великодержавного шовинизма», «матёрые глисты за свободу от организма».

Благодаря финансовой и информационной поддержке империи крысосвинов, любую самую бредовую идею этих полоумных зверей и сказочных существ можно было мгновенно развить, лишь бы она шла в общем тренде; причём, чем более сумасшедшей была мысль, тем больше она имела шансов на имперскую поддержку. По данной им команде, все сразу начинали её повторять, комментировать на разные лады. Параллельно такие механизмы использовались для того, чтобы продавать товары, которые никому не нужны в сто и больше раз дороже, чем они стоят. Например, духи «Аромат скунса» стоили в двести тридцать раз дороже любых других, только благодаря имперской рекламе.

Действие имперской пропаганды в электронных сетях распространялось и на Кошачью Страну. Причём большинство нормальных её жителей не влезали в споры, которые навязывали им тролли, боты и хомячки; в итоге это приводило к однобокой подаче происходящих событий. Однобокость же была непременно в ту сторону, что всё в Кошачьей Стране никуда не годится; то ли дело в империи!

Про Царя Тигра сочиняли всякие небылицы и распространяли их через интернет, пользуясь тем, что он был добрый и не наказывал пустобрёхов.

Рыжей Кошке это жутко не нравилось, и она решила вопреки сложившейся традиции в споры с компьютерными существами ввязаться. Надо было видеть, как взъелись на неё многие из вчерашних друзей и подруг, особенно из числа тех, кто мечтал дослужиться до тролля или хотя бы до бота! Ведь внешне Рыжая Кошка взяла от империи всё то хорошее, возможности которого в ней

на самом деле были: путешествовать по миру и иметь друзей в разных странах, пользоваться благами цивилизации, быть оригинальной, жить в достатке. Но все эти внешние вещи не были для неё самоцелью; она обладала ими, а не они ею. Свобода слова была в её глазах обоюдоострым оружием; правда, которую видела и озвучивала Рыжая кошка, была поперёк горла тем жителям Кошачьей Страны, которые тоже её видели, но не она им была нужна, а блага империи крысосвинов. Особенно их злила, что за то, за что они отдали свою душу, эта ниспровергательница авторитетов не заплатила ничего!

Сколько грязи было на неё вылито! Одна из её знакомых, с которой они и не дружили никогда — Драная Кошка, благодаря пластической операции ставшая Самкой Скунса — заявила публично, что Рыжая Кошка больше ей не подруга.

Чёрного Кота переворачивало от того, что его подруге пишут всякие гадости, но влезать в споры в открытую он пока не решался: Жёлтая Кошка не вылезала из интернета, состояла в группе «кошки-тунейдки — трудовой авангард страны», учитывая те скандалы, которые она ему закатывала из-за случайного взгляда, можно было представить, во что выльется публичная поддержка, а к разводу Чёрный Кот относился и в принципе отрицательно, а особенно, если повод к нему надуман. Поэтому он на других, официальных ресурсах, начал много писать в поддержку Царя. Рыжая Кошка не обиделась на него за то, что он избрал именно такую линию: она ведь была очень умной и всё понимала. Они делали общее дело, просто так, как каждый из них лучше умел.

Текущий момент

Царь Тигр постепенно решил менять тех ненавидящих народ и государство руководителей Кошачьей Страны, которые пролезли во власть при его предшественнике. Котов среди них практически не было. Зато сколько было гоблинов, троллей, прочей нечисти! Впрочем, менять их оказалось делом непростым, так как советники Царя были связаны с ними сотнями финансовых и иных совместных интересов, а с их мнением, которое не было беспристрастным, Государь пока ещё считался. В итоге на практике это порой приводило к забавным ситуациям.

Например, в одной провинции губернатором был Господин Скунс. Тигр его решил выгнать, но советники подсказали ему, что нужно бы использовать потенциал этого замечательного руководителя на участке работы, с которым не справится никто другой. И тут же предложили должность: Министерство Зря Потраченных Денег, которое Господин Скунс должен возглавить.

Царь по наивности подумал, что речь идёт о том, чтобы как-то вернуть деньги, которые зря были потрачены, а Господин Скунс понял своё назначение министром в том смысле, что он должен зря тратить деньги уже в масштабах не какой-то отдельно взятой провинции, а целой страны (имеется в виду зря для интересов государства, а не его собственных). Тигр свою ошибку понял, но не мог же он сразу уволить заслуженного Скунса и расформировать целое министерство...

Он подумал, что хоть на его место в провинции назначит кота. Но подходящих котов не оказалось. Нашёлся в результате Морской Котик, про которого

злые языки судачили, что на самом деле он тюлень, но, скорее всего это, были просто наговоры.

Вообще коты в Кошачьей Стране оказались как-то и не при делах за годы реформ. Во власти и даже близко с ней их практически не было. В основном они занимались тем, что пили валерьянку и болтали о том, как они обустроили бы страну, если бы... Но случись это «если бы» почти никто из них и не подумал бы даже от валерьянки отказаться, не то что направить все свои силы для того, чтобы чего-то серьёзного достичь.

Кстати сказать, Чёрный Кот, от валерьянки отказался уже давно — это произошло через некоторое время после того, как он в первый раз увидел Сиамскую Кошку. Он подумал тогда, что недостойн даже смотреть на неё, пока не перестанет пить. Но для других у него были совсем иные объяснения, чем для себя: уж кому как не ему было известно, что за такое объяснение его поднимут на смех, на что в общем ему было бы наплевать, но ведь могли начать смеяться и над той, дорожке которой для него не было.

Когда Чёрный Кот перестал пить, у него появилась уйма свободного времени. Его преимуществом было то, что он долго жил как все коты, знал их жизнь не понаслышке, и в то же время в отличие от них имел то, что было для него дорожке, чем он сам, ради чего стоило идти вперёд до самого конца, не сворачивая и не возвращаясь обратно. Он разделял мысли Царя о том, какой должна быть Кошачья Страна, но это ещё не значило, что его способности будут востребованы царской администрацией.

Ведь её сотрудники первым делом поинтересовались бы у Господина Скунса или его бывшего заместителя Господина Лепрекона: а что, собственно говоря, пред-

ставляет собой этот кот? А те нашли бы чего сказать, потому что не любили котов вообще, чёрных тем более, а Чёрного Кота в особенности. Впрочем, сбить его с намеченного пути было далеко не так просто. Он планомерно писал и писал: ему казалось, что он обязательно должен высказать то, что думает, что чувствует, и если у него получится сделать это искренне, то легче станет не ему одному. Он написал целую кучу статей, а потом издал их в виде книги, которую назвал «Текущий момент».

Кот Нарцисс

Один Жёлтый Кот считал себя необычайно красивым и особенным. Он так себя любил, что даже имя себе сменил — стал называться Кот Нарцисс.

Многие кошки им восторгались, но его это не интересовало: уж слишком любил себя для того, чтобы обращать на них внимание. Однажды он случайно познакомился с Жёлтой Кошкой, которая ничуть не походила на тех кошек, которые вились вокруг него, привлечённые его красотой и богатством. Она не следила за тем как выглядит, не сидела на диетах, целыми днями или ела, или сидела в интернете, зато очень хорошо умела рассуждать на темы морали и нравственности, причём вывод всех её рассуждений был неизменен: такой высоконравственной и во всех отношениях замечательной особы как она нет больше на белом свете.

Кота Нарцисса привлекло то, что его новая знакомая не бегаёт вокруг него, хамит, не берёт деньги, которые он ей предложил в качестве подарка. Он подумал: вот ведь какая настоящая кошка, искренняя, открытая, такая же жёлтая как я! А Жёлтой Кошке деньги были,

конечно, нужны, но она подумала, что если возьмёт сейчас что-то, то тем самым упустит потом шанс взять всё, а в том, что это ей может понадобиться она всё более уверялась: уж очень ей не нравилась дружба её мужа с Рыжей Кошкой. Не хамить она просто не могла. Причём заявляла, что гадости говорит только тем, кого по настоящему любит: зачем говорить правду чужим? Поскольку Чёрного Кота она любила всё меньше, то её тирады, обращённые к нему, становились всё менее желчными и злыми. Жёлтая Кошка начала всерьёз подумывать о том, что надо бы ей выйти замуж за такого же как она жёлтого кота, а с чёрным уродцем, который испортил ей всю жизнь, развестись. Она даже следить за собой начала.

Плоды творчества

Писать на самом деле не так уж легко. Чёрный Кот понял это, когда ему за каких-то несколько лет пришлось то переживать от того, что никому не интересно то, что он пишет, то отбиваться от нападков тех, кому не нравилось, что он пишет, то, в ситуации, когда всё вроде бы спокойно, думать, а как же написать то что нужно – вдохновения-то нет...

Известность пришла не сразу. До неё было много сложностей, развод с Жёлтой Кошкой, материальные трудности среди которых он, тем не менее, всегда находил возможность отдать Сиамской Кошке половину того, что имеет.

Когда стало очевидно, что впереди перспективы признания – уж очень то, что писал Чёрный Кот оказалось в русле царской политики – кот решил разделить

лавры со своей подругой Рыжей Кошкой – ведь это благодаря ей он начал писать то, что его продвинуло.

В итоге царскую премию вручили им обоим. Жёлтая Кошка, хотя и была уже замужем за Котом Нарциссом, всё равно была так этим недовольна, что в клочки разорвала все газеты, в которых об этом писалось, разбила телевизор, по которому шла трансляция награждения. Когда же новый муж сделал ей замечание, что нехорошо портить бытовую технику, которая стоит денег, жена заявила ему: «Ничего, ещё заработаешь! Или и ты в эту рыжую влюбился?»

Царь, вручая премию, предложил им работать непосредственно на него, на что Чёрный Кот и Рыжая Кошка тут же согласились. Премии, выданной каждому из них, хватало, чтобы купить дом в столице; Чёрный Кот свою часть подарил Сиамской Кошке просто так, сказав, что это ни к чему её не обязывает, а через некоторое время у них будет серьёзный разговор. Даже Рыжая Кошка сомневалась в том, что её друг поступает правильно; а если бы об этом знала Жёлтая Кошка, то её, наверное, удар бы хватил от злости. Но, к счастью для неё самой, она об этом не знала.

Только в сердце самого Чёрного Кота не было и тени сомнений – в нём был мир: он чувствовал, что сделал то, что должен был сделать.

Чем всё закончилось

Чёрный Кот за последние несколько лет ставший Белым Котом, сидел, опустив голову и напряжённо думал. Через несколько часов у него должна была состояться главная встреча в его жизни. Он был теперь свобо-

ден, многого добился. Его шкура стала белой, жизнь открылась с разных сторон, о которых раньше ему было известно только из книг. Мир вокруг него и внутри его изменился. Не изменилось одно – его отношение к Сиамской Кошке.

Белый Кот вспоминал, как Жёлтая Кошка, ставшая теперь женой Кота Нарцисса, говорила ему: «Мне просто тебя жаль. Кому нужен такой непутёвый, старый кот? На что ты способен? Да ни на что! Если какая-то кошка и свяжется с тобой, то только из-за денег, а сама будет наставлять тебе рога! Ты боролся с крысосвинами последнее время, а сам будешь рогокотом и ещё неизвестно, кем хуже быть! По крайней мере, на мой взгляд, рогокоты намного хуже! А меня, такую умницу и красавицу ты упустил навсегда! Сиди теперь и глотай слюни! У меня-то муж теперь красавчик и богач, не то что ты!»

Вспоминая это, кот улыбался. Хотя ревность и не покинула ещё совсем его сердце, но в одном был уверен точно: если Сиамская Кошка скажет ему «да», то это не будет связано с деньгами. Хотя бы потому, что он уже отдал ей всё, что у него было безо всяких условий. В его голове мелькнула мысль, не поговорить ли ему перед встречей с Рыжей Кошкой, но он почувствовал, что не нужно: есть вещи, которые можно пережить только самому.

«А может быть я и правда ей не нужен? – задумался Белый Кот. – В принципе, всё, что я мог – отдал, если что-то смогу ещё отдам и так. Возможно, мой путь земного странствия приблизился к завершению и пора подвести итоги?» Кот ни о чём не жалел; ему было за что благодарить Того, Кто знал всё о его жизни. Перед его глазами встала Сиамская кошка, и он подумал, что ради

неё стоит хоть умереть, хоть жить. Поэтому на встречу с ней кот собирался идти, готовый к любому её исходу.

Неожиданно напряжение последнего времени сказалось, и Белому Коту приснилась Белая Кошка.

– Поздравляю, – сказала она ему. — Теперь я пришла к тебе не наяву, а во сне.

– Что это значит? Я готов? Мне нужно поцеловаться с тобой?

– Ещё чего не хватало! Ты уже за свою жизнь нацеловался с разными кошками, хватит с тебя! Теперь у тебя есть та, которая будет единственной, которую ты будешь целовать!

– А ты уверена, что она у *меня* есть, что я ей нужен? – недоверчиво спросил Белый Кот.

– Ну, раз такие вопросы задаёшь *мне*, то значит я тебя целовать точно не буду, – улыбнулась Белая Кошка.

– И просыпайся уже: нехорошо заставлять девушку ждать: сегодня первый раз, когда не ты её, а она тебя дожидается!

* * *

...Сиамская Кошка впервые за всё время их знакомства сама ждала его на скамейке в парке; обычно это он всегда терпеливо её ждал. Она загадочно улыбалась, в её глазах бегали весёлые искорки.

– Ну и что же такое важное вы хотели мне сказать? – спросила она.

Белый Кот всегда терялся перед ней, что не мешало ему излагать мысли лаконично и однозначно:

– Я теперь свободен. У меня опять ничего нет кроме себя самого – на прошлой неделе я отдал вам всё, что у меня было. Возможно, я смогу ещё многого достичь,

возможно, уже ничего не смогу — очень много сил ушло за последние годы. Я по-прежнему не могу предложить вам лапу и сердце – сердце и так ваше в любом случае, как я могу предлагать то, что мне не принадлежит? А в отношении лапы... Нужна ли вам лапа такого кота?..

Он немного замаялся и потупил взор, а Сиамская Кошка заглянула ему в глаза и сказала:

– Думаю, что да. И я уже купила дом для нас в столице.

Неожиданно для Белого Кота, который даже спустя годы общения боялся до неё дотронуться, сама обняла его и поцеловала.

2014

СОДЕРЖАНИЕ

КОЖАНЫЕ РИЗЫ	3
<i>Александр Тарасов</i> Путешествие от тьмы к свету в поиске себя настоящего.....	245
<i>Юрий Ермилов</i> «Кожаные ризы»: Тело-Плоть и Дух-Душа в последнем романе <i>Алексея Федотова</i>	250
<i>Анна Фимина</i> «Знай наших!»: о романе <i>Алексея Федотова</i> «Кожаные ризы».....	259
<i>Владимир Говорков, Иван Мягков</i> О романе «Кожаные ризы».....	261
СВИН ВТИГРОВОЙ ШКУРЕ	265
ХРОНИКИ ЗВЕРЛАНДИИ	274
ЧЕРНЫЙ КАРЛИКОВЫЙ ТИГР	274
ОРДЕН КРЫЛАТОГО ЛЬВА	344
ПОСЛЕДНИЙ КОТ ЗВЕРЛАНДИИ	389
БЕЛЫЙ КОТ	425

Литературно-художественное издание

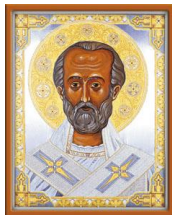
Федотов Алексей Александрович
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМ III
КОЖАНЫЕ РИЗЫ
СВИН В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ
ХРОНИКИ ЗВЕРЛАНДИИ
БЕЛЫЙ КОТ

Формат 60x84/16. Объем Печ. л. 28. Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 14,4.

Гарнитура «Constantia». Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 100 экз. Заказ 275.

Отпечатано в ОАО Информатика
153032, г. Иваново, ул. Ташкентская, д. 90

**Издание выпущено при поддержке
Благотворительного Фонда Святителя Николая Чудотворца
www.nacxa.ru**

Дорогие читатели!

Благотворительный Фонд Святителя Николая Чудотворца действует уже свыше 15 лет. Только за первые десять лет своей работы выполнил 880 соглашений о благотворительной помощи по 615 проектам на территории 50 субъектов Российской Федерации и 37 проектам за рубежом. Фонд участвовал в строительстве и восстановлении свыше 100 монастырей и храмов, воздвижении 26 памятников святым покровителям России и видным общественным деятелям, бесплатно распространил свыше миллиона единиц печатной продукции, организовал десятки паломнических поездок по России и за рубежом, множество благотворительных концертов с участием известных на всю страну исполнителей. Организовывалась помощь детским садам, общеобразовательным и шахматным школам, центрам детского творчества, православным семинариям и миссионерским центрам. Фонд Святителя Николая Чудотворца оказывал благотворительную помощь военным летчикам, морякам, пограничникам и десантникам.

Естественно, что такая деятельность не могла пройти незамеченной; силы тьмы не любят тех, кто идет за Христом Спасителем. Поэтому Фонд столкнулся с множеством сложностей, нападков со стороны самых разных людей, причем некоторые из них ранее сами принимали помощь Фонда. Но, несмотря на все трудности и испытания, наша работа продолжается во славу Бога, молитвенным предстательством Святителя Николая Чудотворца.

Мы просим и Вас о молитвенной поддержке, которая необходима нам для преодоления возникающих на пути развития Фонда преград и реализации новых проектов, а также о молитвах за наших ушедших в путь всей земли родственниках и дорогих нашему сердцу людям, духовное единство с которыми мы ощущаем в Церкви Христовой, в которой соединяются ныне живущие с теми, кто перешагнул порог вечности.

Просим Ваших молитв:

О здравии: иеромонаха Михаила, Андрея, Александра, Александры, Александры, Николая с сослуживцами.

О упокоении: Евфросинии со сродниками, Юрия со сродниками, Иоанна со сродниками, Надежды, Бориса, Татьяны.

И Вас да сохранит и благословит Господь!